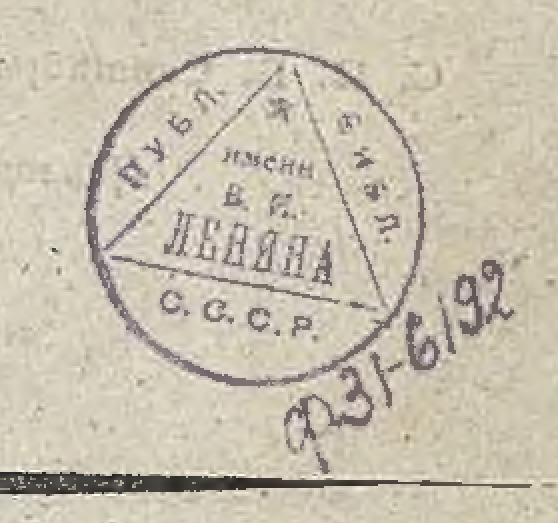

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ДИМИТРІЮ ДОНСКОМУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Карла Крайя.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

С. П. Б. Сентября 21 дня, 1826 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

Е Я

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Похвалное слово Государю добродѣтелному, я осмѣливаюсь посвятить ВЫСОЧАЙШЕМУ Имени Государыни, сіяющей на Тронѣ изящнѣйшими добротами. Похвалу Герою, оградившему въ древнія времена Россію отъ нашествія свирѣпаго Мамая, дерзаю поднести ВСЕАВГУСТѢЙШЕЙ Супругѣ Героя, спасшаго во дни наши Отечество и Европу отъ грознаго Наполеона.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! удостойте съ свойственными великой ВАШЕЙ душѣ милостію и снисхожденіемъ воззрѣть на трудъ мой. Позволите, ВАШЕ

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, *сочинителю, преисполненному глубочайшаго благоговѣнія къ священной* **ВАШЕЙ** *Особѣ, повергнутъ къ стопамъ* **ВАШИМЪ** *и твореніе и сердце свое.*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

вѣрноподданный
Александръ Казадаевъ.

Генваря 13 дня
1820 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ДИМИТРІЮ ДОНСКОМУ.

Россія, утративъ древнее величіе свое, въ половинѣ XIV вѣка звучала еще цѣпями, грознымъ Батыемъ на рамена ея возложенными: ни одинъ изъ Вѣнценосцевъ ея ничего не дерзалъ предпринимать къ сокрушенію поноснаго ига; всѣ принужденно покорствовали волѣ Златой орды; самъ Алек-

сандръ, счастливый побѣдитель Готѳовъ на берегахъ Невы, уступая силѣ Беркая, смиренно преклонялъ предъ нимъ вѣнчанную лаврами главу свою.

Свирѣпые потомки Чинхисхана, потряся Азію и внеся съ губительнымъ и повсюду торжествующимъ оружіемъ своимъ страхъ и трепетъ въ нѣдра Европы, около половины четвертаго-на-десять столѣтія распространили владѣнія свои къ Сѣверу отъ Урала по южнымъ странамъ Россіи, по рѣкѣ Пьяной, потомъ чрезъ верховье Дона до Ворсклы, а на Югъ по берегамъ Хвалынскаго моря и Понта Эвксинскаго до Дуная. Господствуя на семъ огромномъ пространствѣ Земнаго Шара и въ значительной части Азіи, раздѣлились они на многія вѣтви. Сильнѣйшая и знаменитѣйшая Татарская Орда Капчакская, или Золотая, разорвавшись на двѣ, составила Заволжскую, водворившуюся между берегами Волги и

Урала, повелѣвавшую въ Сараѣ, изъ которой потомъ возникли Царства Казанское и Астраханское; Задонскую, простиравшую владѣнія свои между нагорною страною Волги, южными предѣлами Россіи, берегами Хвалынскаго моря, Кавказскимъ хребтомъ до Понта Эвксинскаго. Не столь важное было Туранское Царство, обладавшее южно-западною частію Сибири; орда, кочевавшая у Аральскаго или Синяго моря, и иныя. Крымскіе Татары, водворясь въ Херсонесѣ Таврическомъ, оспоривали у Генуэзцевъ обладаніе полуострова, знатно усиливались и вскорѣ потомъ, при появленіи Тамерлана, распространивъ въ семъ счастливомъ климатѣ ужасъ, на потокахъ крови основали Ханство Крымское. Всѣ орды управляемы были особенными и независимыми Царями. Россія, въ семъ періодѣ, несла все бремя ига Задонской и Заволжской ордъ; онѣ самовластно господ-

ствовали надъ несчастнымъ нашимъ Отечествомъ.

Въ Задонской ордѣ Князь Мамай, хитрый, предпріимчивый, искусный въ ратномъ дѣлѣ, отважный, но вмѣстѣ съ тѣмъ лютый и кровожадный, въ началѣ лукавствомъ и лестію овладѣлъ умомъ Царя своего; потомъ возмутивъ обѣ орды, свергнулъ съ престола и умертвилъ Хадыря и Темироса, и учинился самовластнымъ повелителемъ Задонской орды.

Съ западной стороны Россія имѣла страшнаго врага: Ольгердъ, рачительный въ правленіи, неутомимый въ трудахъ, твердый въ предпріятіяхъ, рѣшительный и искусный въ войнѣ, врагъ забавъ и праздности, господствовалъ въ Княжествѣ Литовскомъ. Власть сего грознаго завоевателя простиралася и на Княженія Кіевское и Черниговское, Галицкое и Волынское, отторгнутыя первыя у Россіянъ, а послѣднія отъ Польши.

Смоленскъ трепеталъ оружія его и преклонялся къ зависимости.

Сопредѣльные Литвѣ, Ливонцы, усиливаясь и возвышая могущество свое, такъ же не переставали производить частые набѣги на Россію и тревожили спокойствіе ея.

Въ нѣдрахъ своихъ Россія представляла плачевнѣйшее позорище. Занимая и въ семъ періодѣ обширную часть поверхности Земнаго Шара, простирая границы отъ Чудскаго озера, Наровы, Невы, Ладожскаго и Онежскаго озеръ до Колы и Печоры и на Югъ отъ нижнихъ странъ на Камѣ по предѣламъ южнымъ нынѣшней Вятской губерніи, потомъ, касаясь рѣкъ Ветлуги и Суры, по Пьяной чрезъ Нижегородскую, оттолѣ вдоль Тамбовской и Рязанской къ вершинамъ Дона, а отсюда чрезъ Тульскую около Калужской и Смоленской до предѣловъ Литовскихъ и владѣнія Ливонскихъ рыцарей, Россія соста-

вляла политическое тѣло, сперва огромное и могущественное, потомъ пагубнымъ междоусобіемъ на разныя части раздранное, наконецъ потрясенное силою Моголовъ и подпавшее игу ихъ. Отъ Великаго Князя Московскаго зависѣли, Княженія: Владимірское, Переславльское, Можайское, и города: Дмитровъ, Торжокъ, Волокъ, Бѣлоозеро, Кострома, Ярославль, Торопецъ и Таруса. Княженія Тверское, Рязанское, Нижегородское и Смоленское составляли особенныя владѣнія, а Новогородское и Псковское свободныя Области. Великій Князь Московскій не имѣлъ верховной власти надъ владѣтелями упомянутыхъ Княжествъ: вся обязанность Князей сихъ удѣловъ къ Главѣ Россіи состояла единственно въ томъ, что они долженствовали, съ войсками своими, сопровождать его въ походахъ. Всѣ удѣльные Князья, какъ и самъ Московскій, искали у Ордынскихъ Царей

утвержденія на достоинство свое; всѣ подносили имъ драгоцѣнные дары и невольно раболѣпствовали предъ ними. Утвержденіе таковое происходило съ оскорбительными для чести Князей обрядами въ ордѣ; даже, по возвращеніи Великаго Князя въ Московскія владѣнія, чиновники Ханскіе возводили его на престолъ. Споры и распри между Князьями Россійскими представлялись на судъ и рѣшеніе Хановъ Татарскихъ, которые нерѣдко по прихотямъ самовластно располагали и жизнію злосчастныхъ владѣтелей нашихъ (*). Алчные сборщики Могольскіе, подъ названіемъ *Баскаковъ*, имѣя непремѣнное пребываніе въ Россійскихъ городахъ, надзирали за поступками Князей, собирали дань,

(*) Во время владѣнія кровожаднаго Азбяка въ Сараѣ, умерщвлено въ ордѣ Великихъ и удѣльныхъ Россійскихъ Князей девять человѣкъ. См.: *Древ. лѣт.* часть I, стр. 166.

ежегодно любезнымъ отечествомъ нашимъ платимую. Князь Тверской, Михаилъ имѣлъ могущественнаго заступника въ зятѣ своемъ, Ольгердѣ; а хитрый, коварный Олегъ Рязанскій, непрестанными происками при Дворахъ Ордынскихъ Царей, возлагалъ твердую надежду на покровительство ихъ: оба они были явными врагами Великаго Князя, неоднократно принимали оружіе противу него и съ прочими удѣльными владѣтелями лили кровь соотечественниковъ и терзали Россію. Великій Новградъ, образуя свобододержавное сословіе, или область, неревностно прилѣплялся къ Московскому Князю.

Вотъ поприще, на которое слабыми стопами восходитъ дѣйствовать юный Димитрій Іоанновичъ IV, пріемля въ нѣжную длань свою колеблющуюся державу Великаго Княжества Московскаго! Но — подобно, какъ младый орелъ, ощупивъ силы крылъ

своихъ, сначала окрестныя гнѣзда раззоряя, устрашаетъ пернатыхъ сосѣдей; потомъ, пріобыкши къ побѣдамъ, далѣе полетъ простирая, бодрственно ударяетъ на стаи гордеривыхъ лебедей: такъ и нашъ юный Димитрій не медлилъ испытывать крѣпость мышцъ своихъ, и вскорѣ грянулъ на страшнѣйшаго изъ враговъ, поразилъ, разсыпалъ на Куликовомъ полѣ несмѣтныя силы Моголовъ, потрясъ иго бременившее Россію, отверзъ пути къ славѣ и дальнѣйшимъ побѣдамъ, указалъ стези къ совершенному сокрушенію оковъ, на раменахъ Россіянъ звучавшихъ.

Въ похвалу сего Димитрія, знаменитѣйшаго героя между Вѣнценосцами нашими, по уму мудраго, по дѣяніямъ великаго, содѣлывающаго честь вѣку и народу своему, дерзаю я, любезные соотечественники, произнести Слово мое.

Пріятная наружность, покорность

и глубочайшее почитаніе къ родителямъ, благопривѣтливость ко всѣмъ и признаки необыкновеннаго ума, отъ самыхъ пелецъ пріобрѣли Димитрію всеобщую любовь. По кончинѣ родителя своего Іоанна Іоанновича, Великаго Князя Московскаго, Димитрій восшелъ на Престолъ, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на первомъ-на-десять году отъ рожденія: и тогда ужѐ началъ онъ являть умъ превыше юности своей! Къ счастію Димитрія и Россіи, таковые дары щедрой Природы не остались втунѣ. Добродѣтель и Вѣра руководствовали воспитаніемъ его. Матерь его, Великая Княгиня Александра, дщерь Князя Димитрія Добрянскаго, Государыня добротами изящная, и умные и о благѣ отечества рачительные бояре, державшіе тогда кормило народоправленія въ Московскомъ Великомъ Княжествѣ, прилагали неусыпное попеченіе о вѣнценосномъ юношѣ. Преосвящен-

ный Митрополитъ Алексій и Преподобный Сергій, Игуменъ Св. Троицкой обители, мужи по высокимъ добродѣтелямъ своимъ къ лику Святыхъ сопричтенные, были наставниками и назидали умъ и сердце младаго Государя (*). Подъ руководствомъ сихъ Святителей, душевныя доброты Димитрія разверзлись, возрасли, усовершенствовались. Пріучая къ трудамъ, внушали ему любовь къ упражненію: Димитрій, по вступленіи на Престолъ, всегда присутствовалъ въ государственныхъ собраніяхъ бояръ, и въ мудрыхъ совѣщаніяхъ ихъ почерпалъ правила обширной и глубокомысленной науки народоправленія.

Димитрій, по обычаю издревле въ Россіи водворившемуся, въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ всегда находился при войскахъ своихъ, когда оныя предпринимали походы. Станъ былъ ко-

---

(*) *Степенная книга*, Часть I, стр. 491.

лыбелью его: тамъ, устраняя Димитрія отъ пышности Двора, скрывали отъ него высокость Царскаго сана, дабы не одною породою, но и добродѣтелями содѣлался онъ достойнымъ онаго. Среди шатровъ, развѣвавшихся знаменъ и звука оружія, младый Государь тѣло и духъ укрѣплялъ къ пренесенію военныхъ трудовъ, созерцалъ и поучался всѣмъ хитростямъ великой бранной науки. Разъѣзжая среди ополченій на быстрыхъ коняхъ, метая изъ лука стрѣлы, вращая въ рукѣ мечъ и копіе, воспламенялъ Онъ душу воинственнымъ жаромъ. Видя въ станахъ строжайшее благочиніе, подчиненность и повиновеніе, заимствовалъ мудрыя наставленія, какъ самому надлежитъ достойнымъ образомъ повелѣвать; замѣчая усердіе бояръ и ратниковъ, недреманно пекущихся объ огражденіи безопасности Вѣнценосца своего, почитавшихъ священною обязанно-

стію защищать жизнь Государя, доколѣ существуетъ послѣдняя капля крови ихъ, познавалъ изъ сего и свою обязанность, повелѣвавшую достойно цѣнить и уважать преданность подданныхъ, блюсти благоденствіе ихъ. Самыя забавы, просвѣщая юнаго Димитрія, напоминали ему: что сила, могущество и слава сѣверныхъ героевъ, отъ самой глубокой древности, основаны на ратоборствѣ. Такъ, знаменитые соотечественники! мужество и бранное искусство изстари почитались главнѣйшими доблестями вашими: онѣ, геройство нашихъ Вѣнценосцевъ, необыкновенное достоинство и самыя блистательныя дарованія славныхъ полководцевъ, чудесная храбрость и преданность всего воинства, вѣрность народа Русскаго, въ сердцахъ коего кипитъ неизреченная любовь къ Престолу Монаршему и Отечеству, возвысили Россію на

шу степень величія и славы, на каковой днесь созерцаетъ ее вселенная.

Сопутствуя войскамъ, младый Димитрій, сверхъ пріобрѣтенія свѣдѣній въ ратномъ дѣлѣ, почерпалъ и другую великую пользу: онъ обозрѣвалъ владѣнія свои. Сила, благосостояніе, богатство народа, являются среди полей. Бѣдный въ рубищѣ, младенецъ куска хлѣба просящій, упадшая хижина поселянина, подвигнутъ болѣе къ благотворнымъ размышленіямъ, нежели весь блескъ и великолѣпіе пышныхъ чертоговъ. Обращая на сіи предметы сострадательности чувствительность младаго Государя, чувствительность, воспламеняющую душу и придающую ей ту дѣятельность, которая съ жаромъ совершаетъ все и надъ всѣмъ торжествуетъ, мудрые наставники насадили въ сердцѣ Димитрія чувства благотворенія и любви къ человѣчеству, которыя

глубоко укоренясь, на всю жизнь сохранились въ семъ прекрасномъ сердцѣ.

Таковъ былъ Димитрій въ юности. Возмужалый, во всемъ блескѣ явилъ онъ доблести великія: благочестивый и усердный поборникъ по Вѣрѣ Христовой, сохранялъ и ограждалъ ее мужественно; чтилъ благоразумныхъ пастырей Церкви, созидалъ и великолѣпно украшалъ храмы Божіи. Нагрѣвъ душу свою, въ нравственности безпримѣрную, въ дѣйствіяхъ твердую, священною любовію къ Отечеству, сею сладкою и высокою добродѣтелію, всѣ помышленія устремлялъ къ устроенію благоденствія народнаго, и поднялъ упадшую славу Россіи. Добрый и вѣрный супругъ, безпорочно во всю жизнь сохранилъ цѣломудріе, и въ благонравной Евдокіи имѣлъ подругу, совѣтницу и утѣшительницу надежную въ печаляхъ и бѣдствіяхъ, отъ которыхъ не ограждаютъ ни пышные чертоги, ни

троны величественные. Любовь и ласки нѣжнѣйшаго отца зрѣли счастливыя Димитріевы дѣти. Подъ блескомъ багряницы сохранялъ сердце смиренное, горячее къ дружеству, сей благородной страсти возвышенныхъ душъ; обрѣталъ друзей среди подданныхъ, дышавшихъ къ нему любовію и приверженностью неимовѣрными. Высокопарный орелъ въ совѣтахъ, храбрый и прозорливый на полѣ битвы, скромный и умѣренный во счастіи, твердый въ злополучіи, Онъ былъ тихъ нравомъ, благопривѣтливъ къ вельможамъ, милосердъ ко всѣмъ, пріятенъ въ бесѣдѣ. Гнушаясь суетною гордостію, единственно благодѣяніями, народу являемыми, обнаруживалъ высокость сана своего. Обнажая грозный мечъ противу враговъ Россіи, разя и искореняя сопротивниковъ благоденствія ея, всегда великодушно миловалъ подданныхъ своихъ, заблужденіями въ преступленія вовлечен-

ныхъ. Неослабляя правосудія, человѣколюбиво облегчалъ строгость наказанія. Врагъ праздности, пышности и роскоши, обладалъ даромъ воспламенять и возбуждать къ трудамъ. Держа всегда отверстую къ благотвореніямъ длань, былъ оплотъ и прибѣжище утѣсненныхъ, гонимыхъ, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Воспламененный славою, вливалъ ее въ души сподвижниковъ своихъ (*). Крѣпкій, высокій и мужественный станомъ, Димитрій на широкихъ плечахъ носилъ величественную главу, украшенную черными власами и барадою густою; чело возвышенное, взоръ быстрый и проницательный.

(*) Изображеніе сіе не есть вымышленное: таковымъ Димитрій представленъ всѣми дѣеписателями и лѣтописцами. Смотри: *Татищева Ист. Рос.* Книга IV, стр. 348 — 349. — *Древній лѣтописецъ*, Часть II, стр. 153 — 171. — *Книга Степенная*, Часть I, стр. 503 — 509. — *Никонъ Рус. лѣт.*, Часть IV, стр. 184 — 186.

Изобразивъ душевныя и тѣлесныя доброты Димитрія, приступаю къ повѣствованію происшествій, воспослѣдовавшихъ въ правленіе сего знаменитаго Князя. Это струя достохвальныхъ дѣяній, нетребующая украшеній! Государь, двадесять семь лѣтъ помышлявшій единственно о устроеніи благодѣнствія подвластнаго ему народа; Государь, презиравшій въ жизни своей раболѣпную лесть, — проститъ одному изъ потомковъ счастливыхъ его подданныхъ, что онъ смѣетъ, безъ дара въ витійствѣ, но послѣдуя внушенію благоговѣнія къ высокимъ его добродѣтелямъ, вѣщать о славѣ царствованія его. Истина, любезная сердцу Димитрія, будетъ руководствовать устами моими.

При самомъ восшествіи на Престолъ, Димитрій Іоанновичь долженствовалъ ограждать права свои, отразить злоумышленія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. По кончинѣ ро-

дителя его; въ 1359 году, удѣльные Князья желали обратить въ свою пользу обстоятельство сіе, начали производить происки въ ордахъ, и владѣтель Суздальскій, Димитрій Константиновичъ, подкрѣпленный покровительствомъ и грамотою Уруса, Царя Капчакскаго, похитилъ у порфироноснаго отрока Владимірское Княженіе. Димитрій Іоанновичъ прибѣгнулъ къ посредству Амураша, господствовавшаго въ Сараѣ: Ханъ сей въ 1362 году утвердилъ за Великимъ Княземъ похищенную у него область; и хотя вскорѣ перемѣнивъ свое намѣреніе, преклонился къ Димитрію Суздальскому: но силы Московскія двинулись ужѐ ко Владиміру, разсѣяли всѣхъ дерзнувшихъ сопротивляться, изгнали изъ сего города Князя Димитрія Константиновича, быстро преслѣдовали его, осадили въ Суздалѣ и принудили принять миръ, побѣдителемъ предложен-

вый. Гонимый рокомъ и торжеству-ющимъ оружіемъ Московскимъ, Димитрій Константиновичъ отказался отъ притязанія на Владимірскій престолъ и укрылся у брата своего, Андрея, Князя Нижегородскаго. Въ то же время обязавъ къ зависимости Князя Ростовскаго, Великій Князь внесъ оружіе свое въ Галичъ и Стародубъ, изгналъ владѣтелей оныхъ и занялъ сіи Княженія. Вотъ первый подвигъ Димитріева правленія! Твердая рѣшительность юнаго Вѣнценосца, изумивъ всѣхъ, обнаружила мудрое преднамѣреніе его возстановить въ Россіи единодержавіе, источникъ величества и славы Имперіи нашей. Нанеся первый ударъ самовластію Моголовъ, показалъ онъ Свѣту, что настали времена, въ которыя грамоты Ордынскихъ Царей не приводятъ въ трепетъ Россіянъ, и что уже изощряется мечъ на спасеніе Отечества.

Казалось, что въ книгѣ судебъ начертано было, дабы Россія чрезъ многія лѣта испытывала отъ Татаръ бѣдствія всѣхъ родовъ; ужѐ поражена она была оружіемъ, опустошена звѣрствомъ, угнетена и терзаема насильствомъ ихъ. Въ 1364 году постигается любезное Отечество наше новымъ злоключеніемъ: изъ улусовъ Татарскихъ, съ низу Волги, вносится въ Нижній Новгородъ язва моровая, съ неизъяснимою свирѣпостью быстро разливается на Рязань, Коломну, Переславль, Суздаль, Дмитровъ, Можайскъ, Волокъ, Ростовъ, Тверь, Владиміръ, и напослѣдокъ достигаетъ Москвы. Распространяясь по городамъ, весямъ и обителямъ, смерть яростно сотовариществуетъ язвѣ, разитъ, на-подобіе копейнаго удара, подъ лопатку, въ хребетъ между плечами и въ самое сердце; другіе погибаютъ кровотеченіемъ изъ гортани, иные воспаленіемъ железы въ

разныхъ частяхъ тѣла. Не щадитъ неупомимая изтребительница рода человѣческаго ни чертоговъ Княжескихъ, ни боярскихъ теремовъ, ни обителей мирныхъ: все падаетъ подъ острою косой ея, не разбирающею ни пола, ни возраста. Въ лютости своей пожрала она не мало изъ родовъ удѣльныхъ Князей, много бояръ и несмѣтное число народа. Не успѣвали погребать погибавшихъ; домà опустѣли; города и селенія потеряли обитателей, нѣкоторые обратились въ пустыню. На Бѣлѣозерѣ не осталось ни одного человѣка! Такъ болѣе двухъ лѣтъ смертоносная язва терзала Россію. Страдало сердце добраго Димитрія, и слезы лились изъ очей его при семъ ужасномъ зрѣлищѣ. Къ довершенію злоключенія, присоединились несносные жары, произведшіе засуху, а сія послѣдняя дороговизну и недостатокъ въ пропитаніи. Благодѣтельная длань Правительства, облегчая на-

родное бѣдствіе, преподавала пособія несчастнымъ жителямъ.

Среди сихъ жестокихъ бѣдствій, неспокойные удѣльные Князья не преставали умножать народную гибель. Ордынскіе Цари, раздувая пламенникъ междоусобія, Россіи противопоставляли Россію. По кончинѣ Нижегородскаго Князя Андрея Константиновича, возникло преніе о наслѣдіи между братьями его. Борисъ изходатайствовалъ отъ Царя Азиса утвержденіе на Нижегородское Княженіе, а брату его Димитрію въ то же время доставлена подтвердительная грамота на Владимірское и Суздальское. Послѣдній благоразумно отринулъ предложеніе Татарскаго повелителя, предалъ себя покровительству Великаго Князя и заключилъ съ нимъ союзъ. Отправили изъ Москвы къ Борису Преподобнаго Сергія, Игумена Св. Троицкой обители, съ повелѣніемъ, чтобы Князь сей немедленно примирил-

ся съ старшимъ братомъ и безусловно уступилъ ему Княженіе. Съ толикою рѣшительностію младый Димитрій начиналъ располагать мѣстными удѣлами! Въ твердой надеждѣ на заступленіе Моголовъ, Борисъ упорствовалъ: тщетно Сергій увѣщевалъ и убѣждалъ его; наконецъ, видя несогласіе непокорнаго Князя, затворилъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, по данному ему полномочію, храмы Божіи: но и сіе духовное наказаніе не преклонило Бориса къ повиновенію. Тогда двинулась Московская рать, а съ нею выступилъ и Димитрій Константиновичъ. Невнявшій нравственному поученію, Борисъ убоялся грознаго убѣжденія оружія, выѣхалъ на встрѣчу раздраженнаго брата, смирился и отрекся отъ Нижегородскаго престола. Димитрій Константиновичъ, по волѣ Великаго Князя, принялъ сіе владѣніе, а Борису данъ въ удѣлъ Городецъ.

Церковь *Всѣхъ Святыхъ* внезапно объемлется пламенемъ; возставшая буря съ вихремъ, подхватываетъ пламя, несетъ, бросаетъ и разсыпаетъ повсюду. Никогда не видали пожара столь свирѣпаго: зарево его освѣтило всѣ окрестности. Угрожая пожрать обширный и великолѣпный градъ, пожаръ, разъяренный бурею, быстро распространился на всѣ предѣлы, на всѣ улицы; все воспалилъ, жегъ, истреблялъ. Объятые страхомъ и яростію палящаго огня жители, оставляютъ имущество, покидаютъ богатыя домашнія утвари и товары драгоцѣнные; всѣ бѣгутъ въ смятеніи, всѣ спѣшатъ исторгнуть себя изъ челюстей мучительной смерти: здѣсь согбенный лѣтами старецъ дрожащими ногами силится удалить себя, но обхваченный порывомъ вихря, исчезаетъ въ огнѣ; тамъ чадолюбивыя матери, прижавъ къ нѣжнымъ персямъ залогъ нѣжной

любви своей, стремятся спасти милыхъ дѣтей; но остановленныя пламенемъ, низверженныя вѣтромъ, погибаютъ подъ ударами разрушающихся зданій. Огнь, въ сотовариществѣ съ бурею, все пожралъ; многіе изъ жителей содѣлались жертвою его. Таковъ былъ пожаръ, обратившій въ 1365 году великолѣпную Москву въ пепелъ.

Жестокій урокъ пожара сего доказалъ ничтожность деревянныхъ стѣнъ: Димитрій, простирая прозорливый взоръ вдаль, видѣлъ, что таковыя стѣны слабо защитятъ отъ покушеній непріятеля, не поставятъ твердаго и надежнаго оплота: по симъ причинамъ, рачительный Государь вскорѣ повелѣлъ соорудить Кремль изъ камня.

Еще продолжался въ отечествѣ нашемъ гибельный моръ, еще зависть и вражды Князей Россійскихъ возпаляли и питали въ немъ неспо-

койство: какъ одинъ изъ Татарскихъ Князей, Тагай, властвовавшій въ Наручадской странѣ, внезапно ворвался въ Рязанскіе предѣлы, все опустошилъ, выжегъ, разграбилъ, плѣнилъ; ужè обремененный корыстями возвращался онъ въ улусъ свой, какъ Олегъ Рязанскій, съ Князьями Пронскимъ и Козельскимъ, поспѣшно преслѣдуя Татарина, настигли его при урочищѣ, Шишевскимъ лѣсомъ называемомъ, не дали времени ему образумиться, открыли бой и, по жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи, одержали верхъ; всѣ нахищенныя корысти отбиты, а самъ дерзновенный Тагай, въ страхѣ и трепетѣ, съ малымъ остаткомъ войска спасся бѣгствомъ. Подобное вторженіе испытали и Нижегородскія области въ 1367 году. Возлагая упованіе на несогласіе, въ недавнихъ дняхъ раздиравшее Князей Нижегородскихъ, Темиръ-Булатъ, одинъ изъ Татарскихъ Князей, при разныхъ

водахъ кочевавшихъ, вошелъ въ Низовые предѣлы съ нарочитымъ войскомъ. Напавъ на область, принадлежавшую Князю Борису, раззорилъ селенія и простиралъ набѣгъ до Нижняго-Новагорода. Но надежда на сей разъ жестоко обманула Татарина: Димитрій Константиновичъ, собравъ силы свои, соединился съ братьями, выступилъ противъ Темира, опрокинулъ его и гналъ до рѣки Пьяной (*), гдѣ настигнутые Татары вновь были жестоко поражены, многіе изъ нихъ погибли въ рѣкѣ, а прочіе разсыпались. Такъ начинали просіявать лучи той свѣтозарной

(*) Пьяна, небольшая рѣка, часто упоминаемая въ Словѣ семъ, имѣетъ вершину въ Курмышскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, оттоль входитъ въ Нижегородскую губернію, гдѣ протекая чрезъ уѣздъ Сергачской и часть Перевозскаго, опять поворачивается въ Курмышскій округъ и вливается въ Суру, верстахъ въ 80 отъ Волги.

славы, которая вскорѣ потомъ безсмертными лаврами покрыла Россійскихъ героевъ на Куликовомъ полѣ!

Среди ужасовъ язвы, пожаровъ, внутреннихъ крамолъ и нашествій внѣшнихъ, увидѣли въ Россіи странное явленіе. Нѣсколько дерзкихъ удалыхъ головъ изъ жителей Новогорода, поплыли на двухъ-стахъ ушкуяхъ (лодкахъ) въ низъ по Волгѣ, внезапно подошли къ Нижнему-Новугороду, многихъ Татарскихъ и Армянскихъ гостей съ женами и дѣтьми ихъ умертвили, ограбили имѣніе и товары, суда водоходныя предали огню, и спустясь въ Каму, производили грабежи и опустошали Болгарскіе предѣлы. Послѣдуя сему гнусному примѣру, того же лѣта нѣкоторые мѣлкіе дворяне Новогородскіе, составя толпу, съ подобною жъ дерзостію и нахальствомъ ходили на грабительство и возвратились со большою добычею. Димитрій съ презрѣніемъ услышалъ

о наглости и буйствѣ Новогородцевъ, вознегодовалъ, прервалъ съ ними миръ, повелѣлъ захватить проѣзжавшаго чрезъ Вологду одного Новогородскаго боярина, и объявилъ: »Новогородцы »дерзнули производить грабежи, дер»знули умертвить гостей моихъ; не»пощажу и я сограждан ихъ!«

Отрите слезы, возлюбленные соотечественники! Успокойте взоръ вашъ, пораженный жесточайшими бѣдствіями! Вотъ зрѣлище пріятное, радостное: младый нашъ, шестьнадесяти - лѣтній Димитрій пріемлетъ намѣреніе вступить въ бракъ; избираетъ юную, прекрасную и благонравіемъ славную Евдокію, дщерь Нижегородскаго и Суздальскаго Князя Димитрія Константиновича. Невѣста, въ сопровожденіи Пресвѣтлѣйшихъ родителей своихъ, прибываетъ въ Коломну, гдѣ Димитрій, сопутствуемый Княземъ Владиміромъ, Пресвященнымъ Митрополитомъ и всемъ

Великокняжескимъ Дворомъ, встрѣчаетъ высокихъ гостей. Въ 18-й день Января 1366 года Коломна узрѣла совершеніе бракосочетанія Димитрія съ Евдокіею, со всѣми пышными обрядами; великолѣпныя празднества и щедрыя благотворенія народу послѣдовали за симъ торжествомъ. Народъ Россійскій, горячее участіе пріемлющій и въ счастіи и въ бѣдствіяхъ Царей своихъ, съ восторгомъ взиралъ на юную порфироносную чету: въ одномъ предвидѣлъ могущественнаго защитника отечества, въ другой надежную покровительницу несчастныхъ.

Вся политика Совѣта Московскаго устремлялася къ возстановленію въ Россіи единодержавія, или, по меньшей мѣрѣ, къ приведенію удѣльныхъ владѣтелей въ зависимость отъ Великаго Князя. На семъ основаніи сооружались союзныя постановленія; для сего, въ случаѣ недостатка убѣ-

жденій словесныхъ, обнажался мечъ; къ сей же цѣли клонился и выборъ невѣсты: бракъ Государя, содѣлавъ его счастливымъ въ нѣдрахъ семейства, прекратилъ всякій предлогъ къ распрямъ между двумя Димитріями, соединивъ ихъ кровными узами.

Не долго отдыхалъ взоръ вашъ, соотечественники! опять долженствуетъ онъ созерцать междоусобія, кровопролитія, въ Княжествѣ Тверскомъ. Симеонъ Константиновичъ, скончавшись бездѣтенъ, отказалъ Дорогобужскій удѣлъ Михаилу Тверскому. Родный братъ покойнаго, Іеремій, подкрѣпляемый Княземъ Василіемъ Кашинскимъ, предъявилъ права и требованія свои на Дорогобужское княженіе. Вражда и ненависть возникли между притязателями. Имѣя достодолжное уваженіе и довѣріе къ духовному сану, прибѣгли они къ посредству Митрополита: Тверскій Епископъ, по повелѣнію верховнаго

Пастыря, разсматривалъ дѣло и присудилъ Дорогобужскій удѣлъ безспорно принадлежащимъ Михаилу Александровичу. Обвиненные Князья, будучи недовольны симъ рѣшеніемъ, принесли жалобу Митрополиту. Алексій призвалъ въ Москву Епископа Тверскаго, переслѣдовалъ дѣло, нашелъ сужденіе неправильнымъ и наложилъ тяжелую пеню. Михаилъ, оскорбленный вершеніемъ Первосвященника и не признавая надъ собою никакой власти, съ огорченіемъ оставилъ Тверь и удалился къ Ольгерду въ Литву.

Князья Василій и Іеремій, пользуясь отсутствіемъ Михаила Александровича и въ полномъ удостовѣреніи, что онъ не осмѣлится возвратиться, пришли въ Тверь, гдѣ и причинили гражданамъ многія оскорбленія и притѣсненія. Оставивъ въ городѣ супругъ своихъ, съ войсками собственными, къ коимъ присоединилась и

части Московскихъ, раззоряли несчастныя окрестности. По опустошеніи, когда намѣревались обратно войти въ городъ, жители не впустили ихъ, удержавъ у себя Княгинь. Не имѣя достаточнаго войиства къ покоренію Твери силою, Василій и Іеремій отступили и снова устремились опустошать селенія, особенно жъ принадлежавшія Епископу. Дѣла постыдныя и безполезныя!

Отбывши въ Литву, Михаилъ не праздно препроводилъ время. Испросивъ у Ольгерда помощь, 27 Октября внезапно появился онъ предъ вратами Твери съ знатными войсками; плѣнивъ супругъ противоборниковъ своихъ и всѣхъ находившихся при нихъ бояръ, съ Литовскими и собственными силами выступилъ къ Кашину. Оробѣлъ Князь Василій; уполномоченный отъ него Епископъ встрѣтилъ Михаила въ селѣ Андреевскомъ и, послѣдуя кротости Еван-

гельскаго ученія, посѣялъ въ сердцѣ раздраженнаго Князя миролюбіе, вложилъ въ мысли его сострадание къ человѣчеству, отвратилъ кровопролитіе, водворилъ между родственниками миръ и любовь. Торжествующій Михаилъ освободилъ супругъ сопротивныхъ ему Князей, и вскорѣ потомъ заключилъ миръ съ Княземъ Іереміемъ и съ Московскимъ Великимъ Княземъ. Общая радость и празднества сопровождали сіе счастливое событіе.

Но договоры, обстоятельствами вынужденные, никогда не бываютъ прочны. Князь Іеремій, забывъ и недавно постановленный миръ и кровныя связи съ Михаиломъ, прибѣгаетъ къ покровительству Великаго Князя. Прибытіе его въ Москву подаетъ предлогъ къ коварству, средству никогда и ничѣмъ неизвиняемому и недостойному величества Царей. Для совершеннаго прекращенія споровъ

о Дорогобужскомъ наслѣдіи, Князь Тверскій дружелюбно приглашается въ Москву. Михаилъ, съ полною довѣренностію къ Великому Князю и Митрополиту, прибылъ въ столицу: тутъ предали забвенію дружбу и миръ, съ нимъ заключенный; предали забвенію права гостепріимства, священныя права Государей. Возобновили притязанія на удѣлъ Дорогобужскій, учредили третейскій Судъ, обвинили Михаила, лишили его свободы, принудили уступить городокъ, въ коемъ посадили Князя Іеремія съ Московскимъ Намѣстникомъ, а находившихся при Тверскомъ владѣтелѣ бояръ разослали по разнымъ мѣстамъ въ заточеніе. Внезапно прибывшіе тогда изъ Орды именитые Мурзы Карачъ, Андоръ и Тютекашъ, узнавъ о стѣсненіи Михаила, и принявъ таковое насиліе оскорбленіемъ Царя Монгольскаго, вступаются за несчастнаго Князя. Димитрій, устрашенный

угрозами, освобождаетъ Князя Тверскаго и бояръ его. Справедливо раздраженный Михаилъ жалуется, подробно извѣщаетъ Мурзъ о сѣтяхъ, въ кои вѣроломно уловили его, о насиліи и поруганіи сану его, и вражду и месть на враговъ несетъ съ собою въ Тверь. Въ поступкѣ семъ не узнаемъ мы Димитрія, Димитрія всегда кроткаго, честнаго, справедливаго; подозрѣваемъ, что младый, неутвержденный еще опытомъ, Великій Князь увлеченъ былъ совѣтами какого-нибудь злонамѣреннаго и честію недорожащаго изъ вельможъ своихъ. Лесть и коварство, принимающія на себя благовидныя личины, нерѣдко съ величайшею хитростію и искуствомъ обольщали царей. Такъ и добродѣтельный Димитрій, поступкомъ неосторожнымъ и несправедливымъ, привлекъ отъ Запада страшную грозу, разразившуюся въ нѣдрахъ Россіи.

По отбытіи Тверскаго Князя изъ

Москвы, Димитрій, въ справедливомъ опасеніи, что Князь сей не выполнитъ последняго договора, повелѣлъ войскамъ своимъ двинуться къ Твери. Михаилъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію нападающихъ, оставляетъ столицу свою, поспѣшно ѣдетъ въ Литву, прибѣгаетъ къ защитѣ и покровительству Ольгерда. Любовь и политика вспомоществовали оскорбленному Князю: Ольгердъ, страстно любя супругу свою, не могъ отказать предстательству ея о братѣ; не могъ онъ спокойно взирать и на возрастающее могущество Московскаго Княжества и на дальновидные замыслы Димитрія. Собралось великое ополченіе Литовское, къ коему присовокупились братъ Ольгердовъ, Кестутій, съ сыномъ своимъ Витовтомъ, явившимъ въ сей войнѣ первые опыты той отличной храбрости, которая потомъ вознесла его на знаменитую степень. Никто

не вѣдалъ, куда направляется походъ: Ольгердъ имѣлъ похвальное и всѣмъ Государямъ приличествующее правило, никому прежде времени не открывать намѣреній своихъ. Такъ и нашествіе его на Россію хранилось въ глубокой тайнѣ, и Димитрій свѣдалъ объ ономъ тогда токмо, когда непріятель приблизился уже къ предѣламъ нашимъ. Тутъ Великій Князь, подобно юному льву, воспрянувъ, началъ подымать силы свои. Повелѣвъ войскамъ поспѣшно сходиться у Москвы, выслалъ на встрѣчу непріятеля Московскіе, Коломенскіе и Дмитровскіе полки, подъ начальствомъ Воеводъ Минина и Шубы. Ольгердъ, все опустошая мечемъ и превращая въ пепелъ селенія, предалъ смерти Стародубскаго и Оболенскаго Князей (*), и въ 21 день Ноября, со-

(*) Первый умерщвленъ при встрѣчѣ въ Холхлѣ, а Оболенскій въ своемъ владѣніи. Городъ Оболенскъ находился на Протвѣ, гдѣ нынѣ слобода сего имени Калужской губерніи въ Тарускомъ уѣздѣ.

шедшись у рѣчки Тросни (*) съ отправленными противу него полками, ударилъ на нихъ и на голову разбилъ. Предводители и всё войско Великаго Князя, съ великимъ мужествомъ сражавшіеся, пали на ратномъ полѣ. Побѣдитель немедленно приблизился къ Москвѣ. Димитрій затворился въ Кремлевскихъ стѣнахъ, повелѣвъ выжечь посадъ, а жителей перевести въ городъ. Простоявъ три дня подъ столицею Россійскою, и видя твердую рѣшительность Великаго Князя къ отраженію и сильному отпору, Ольгердъ отступилъ. Тогда Димитрій узналъ всю важность сооруженія новыхъ каменныхъ стѣнъ, оградившихъ его отъ торжествующаго меча Литовцевъ; а Ольгердъ въ отмщеніе неудачнаго покушенія на Москву, на возвратномъ пути повсюду

*) Тросненское озеро, находящееся Московской губерніи въ Рузскомъ уѣздѣ, принимаетъ въ себя рѣчку Тросню.

съ лютостію опустошалъ, разорялъ, жегъ, и сопровождаемый плѣнными и множествомъ добычи, исторгнутой у невинныхъ поселянъ, возвратился въ Литву.

Такимъ постыднымъ образомъ производились въ тогдашнія времена брани! Такъ помрачали блескъ оружія и славу того благороднаго и почтеннаго сословія, которое учреждено и существуетъ въ мірѣ для охраненія и защиты человѣчества, а не для истребленія и погубленія мирныхъ обитателей! Просвѣщеніе, озаренное ученіемъ Христіанской Вѣры, споспѣшествующее образованію нравственности; новая военная система, по открытіи пороха, на изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія основанная, имѣющая коренныя правила и начала положительныя, и спасительная система равновѣсія Державъ, въ Европѣ учрежденная и принятая, прекратили въ сей лучшей части Земнаго шара

исполинскія вторженія, кровопролитныя сѣчи, грабительства и опустошенія безчеловѣчныя, сопровождавшія повсюду древнихъ завоевателей. Хотя пагубное возмущеніе, потрясшее во дни наши Французское Королевство и обагрившее кровію все лице Европы, поправъ и права̀ и основанія сіи, къ изумленію свѣта, въ теченіе нѣкотораго времени, представляло торжество войскъ Французскихъ: но тріумфы ихъ были послѣдствіемъ бѣснующагося изступленія, взволновавшаго всѣ страсти и развратившаго умъ человѣческій. Бросивъ мгновенный блескъ въ глаза міра, они исчезли съ прекращеніемъ возмущенія. Утомленная Европа наконецъ увидѣла, что надлежитъ и политику и войну возвратить въ прежній стройный порядокъ, отъ коего никогда и отступать не слѣдовало. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ полководецъ, который осмѣлится пренебречь коренныя пра-

вила Военной науки, дерзнетъ попрать священныя права человѣчества, раскроетъ бездну, въ которую первый самъ низринется.

Россіи суждено было испытать не одни вышеизображенныя бѣдствія, непрестанно терзавшія ее: новый непріятель появился на предѣлахъ нашихъ. Ливонскіе рыцари осадили Псковъ и по существовавшему тогда обычаю жгли, грабили и опустошали окрестности. Соединенныя войска Новгородской и Псковской областей были разбиты; при чемъ пали на полѣ ратномъ храбрые ихъ полководцы Захаръ Давидовичъ и Селиславъ. Устрашенные Новгородцы отправили пословъ къ Великому Князю; умоляли простить дерзости, учиненныя единоземцами ихъ на Волгѣ, даровать Новгороду миръ и помощь. Димитрій, всегда готовый на защиту отечества, внялъ прошенію, освободилъ содержавшагося въ Моск-

въ Новгородскаго боярина, великодушно отправилъ на защиту Пскова пособіе подъ предводительствомъ Князя Владиміра Андреевича. Сей знаменитый мужъ, славный въ лѣтописяхъ нашихъ, полководецъ искусный, мужественный, предпріимчивый, соединявшій съ геройствомъ прекрасную душу, былъ сынъ Князя Андрея Іоанновича, роднаго брата покойнаго Великаго Князя Іоанна Іоанновича, родителя Донскаго, и получилъ въ удѣлъ Серпуховъ и Боровскъ. Счастливый на поляхъ брани Владиміръ принудилъ рыцарей удалиться отъ Изборска (*), принудилъ оставить обложаніе Пскова. Устрашенный непріятель, обратившись въ бѣгство, пре-

---

(*) Древнѣйшій городъ, находящійся нынѣ въ Псковской губерніи и округѣ, не имѣющій своего уѣзда. При самомъ началѣ Русской Монархіи онъ уже существовалъ и данъ былъ въ управленіе Трувору, Рюрикову брату.

далъ огню всѣ свои запасы и истребилъ стѣнобитныя орудія.

Такъ, любезные соотечественники мои, и Ливонцы, премѣняя образъ правленія отъ одной власти къ другой, долгое время были безпокойными и опасными нашими сосѣдями, доколѣ къ счастію и славѣ Россіи не появился на тронѣ ея тотъ незабвенный въ сердцахъ нашихъ Царь, необыкновенный умъ коего преобразуя, просвѣщая подвластный ему народъ, преодолѣвалъ самую природу, господствовалъ надъ страстями своими. Вознося Имперію на знаменитую степень величія, извлекалъ онъ великолѣпные грады изъ болотъ, обносилъ предѣлы государства крѣпостями твердыми. Учредивъ страшныя войска, создавъ сильные флоты, отражалъ враговъ на водахъ, превозмогалъ въ неприступныхъ оплотахъ, торжествовалъ на поляхъ, вездѣ гремѣлъ побѣдами. Одною рукою бросая

громъ въ непріятеля, другою облекая отечество въ новый образъ правленія, мудро водворилъ во всѣхъ частяхъ онаго единство, и содѣлавъ подданныхъ благополучными, блескомъ царствованія своего удивилъ вселенную: Петръ, въ конецъ сокрушивъ грознаго льва при Полтавѣ, навсегда пріобщилъ къ огромному тѣлу Россіи Ливонію. Съ тѣхъ временъ страна сія вкушаетъ плоды мудраго правленія, а въ наши дни съ благодарностію лобзаетъ она благотворную длань Александра, великодушно даровавшаго ей новыя милости (*).

Въ 1371 году брань не умолкаетъ и опустошенія продолжаются. Владѣтель Тверскій вновь удаляется въ Литву. Димитрій, воспользовавшись отсутствіемъ Князя Михаила Александровича, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ съ великимъ воинствомъ пошелъ ко Тве-

(*) Сіе было писано въ 1820 году.

ри, покорилъ Зубцовъ и Микулинъ (*), и въ отмщеніе за грабительство Ольгердово опустошивъ Тверскія области, съ знатными корыстями и плѣнными возвратился въ столицу свою.

Михаилъ, извѣщенный о бѣдствіяхъ, нанесенныхъ его Княжеству, возпылалъ мщеніемъ. Месть изобрѣтательна въ пособіяхъ: Тверскій Князь примыслилъ самое пагубное и вѣрнѣйшее средство; онъ возпамѣрился воздвигнуть на Димитрія Ордынскихъ Царей, и силою ихъ ниспровергнуть могущественнаго своего противоборника. Прибывъ въ Орду, исходатайствовалъ у самовластнаго Мамая грамоту на Великое Княженіе Владимірское; съ сею хартіею и сопровож-

---

(*) Микулинъ прежде бывшій городъ Тверскаго Княжества, по коему прозваніе свое получили Микулинскіе Князья, нынѣ подъ именемъ Никулинскаго городища, находится въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

даемый Татарскимъ посломъ, появился на границахъ Россійскихъ. Димитрій, предваренный о происках Михаила въ Ордѣ, нимало не колеблясь, повелѣлъ коннымъ отрядамъ занять всѣ пути изъ Орды въ Россію, схватить возвращающагося Тверскаго Князя и представить къ нему въ Москву. Хитрый Михаилъ избѣгнулъ предстоявшаго ему злополучія: съ большимъ трудомъ пробираясь чрезъ непріятельскія заставы, наконецъ прибылъ онъ въ Литву.

Ольгердъ, тронутый бѣдствіями шурина своего, вновь двинулъ противу Россіи Литовскія войска. Въ осень сію часто зримы были сѣверныя сіянія: онѣ, въ багровыхъ столпахъ являвшіяся, и суевѣріемъ выводимыя изъ того гибельныя послѣдствія, предшествовали грозному вторженію непріятеля. Ноября въ 25 день Ольгердъ, при многочисленныхъ войскахъ коего находились: Кестутій, Князья

Тверскій и Смоленскій, вступилъ въ предѣлы Московскіе. Презирая стужу и снѣгъ, первое нападеніе учинилъ онъ на городъ Волокъ (*): Князь Василій Березуйскій, охранявшій стѣны онаго, противопоставилъ мужественный отпоръ. Яростно нападали наступающіе; храбро отражали осажденные: Ольгердъ, остановленный сильною обороною Волока, отошелъ и продолжалъ слѣдованіе свое далѣе. При знаменитой защитѣ сего неважнаго города палъ неустрашимый Березуйскій, ранами покрытый. Дѣеписатели Россійскіе съ похвалою повѣствуютъ о семъ мужѣ; и я съ признательностію и уваженіемъ произношу предъ вами, соотечественники, имя достойнаго Березуйскаго.

Ольгердъ, среди грабительства и опустошеній, появился предъ вра-

(*) Нынѣ Волоколамскъ, Московской г. отъ столицы во 101 верстѣ, при рѣкѣ Ламѣ.

тами Москвы 6 Декабря. Димитрій, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію непріятеля въ полѣ, опять сокрылся въ Кремлѣ: принявъ благородную рѣшительность защищаться, учинилъ всѣ потребныя распоряженія къ оборонѣ. Между тѣмъ Владиміръ Московскія, а Князь Пронскій Рязанскія силы собрали у Перемышля. Твердый отпоръ Великаго Князя, быстрое движеніе войскъ изъ Перемышля и извѣстіе о сборѣ другихъ, устрашили грознаго завоевателя: Ольгердъ, опустивъ во влагалище мечъ, простеръ Димитрію дружественную длань, предложилъ вѣчный миръ и въ залогъ искренности вызвался выдать въ супружество за Владиміра дщерь свою Елену. Великій Князь принялъ предложенія: между противоборниками постановленъ былъ вѣчный миръ; Михаилъ возвратился во владѣнія свои, а предположенный бракъ Владиміровъ совершился зимою 1372 года.

Среди звуковъ военныхъ, Великая Княгиня разрѣшилася отъ бремени сыномъ. Сей младенецъ былъ тотъ Князь, который подъ именемъ Василія Димитріевича учинился потомъ преемникомъ Престола Донскаго. Дворъ торжествовалъ радостное происшествіе; возхищенный народъ наполнялъ площади и стогны Московскія. И дѣйствительно, рожденіе порфироноснаго отрока есть весьма важное событіе для Государства; отъ младенца сего будетъ зависѣть участь многихъ милліоновъ людей; умъ и сердце его устроятъ счастіе, или злополучіе цѣлаго народа! Когда веселыя толпы, занятыя единою радостію и ни о чемъ неразмышляющія, окружаютъ колыбель новорожденнаго, въ то время мудрый, исполненный любовію къ человѣчеству, простираетъ взоръ къ Небу и проситъ Всемогущаго Творца: да благодать Его озари...

отрока правосудіемъ, первымъ даромъ Вѣнценосцевъ!

Доброе согласіе и дружба съ Литовскимъ Княжествомъ постановлены были на вѣчныя времена. По вѣчность мира между неискренними подобна постоянству стихій: сіи, повинуясь уставамъ естества, съ утра прекрасный день и тишину являютъ, а къ вечеру, внезапно воздвигнувъ вѣтры и бурю, блескомъ молніи и трескомъ грома разрушаютъ покой земнородныхъ.— Ольгердъ, положивъ мирный договоръ въ архивъ Посольскаго двора, запасалъ стрѣлы мщенія. Михаилъ, гонимый рокомъ и завистію снѣдаемый, при самомъ заключеніи вѣчнаго мира возобновляетъ притязанія на Владимірское Княженіе, ѣдетъ въ Орду, обольщаетъ и преклоняетъ на свою сторону мощнаго Мамая, и съ грамотою Ханскою, въ сопровожденіи Татарскаго посла Сыхорожи, является въ Твери. Посолъ

извѣщаетъ Великаго Князя, дабы онъ, къ выслушанію Царскія грамоты, прибылъ во Владиміръ безъ отлагательства.

Въ превратностяхъ счастія и среди опасностей познаются великіе характеры; бѣдствія испытуютъ ихъ. Когда насиліе Моголовъ и ухищренія Князя Тверскаго предполагали торжество свое несомнѣннымъ, Димитрій изумилъ ихъ благородною твердостію своею. Обязавъ бояръ и весь народъ присягою, чтобы не впускали Михаила во Владимірскую область, Великій Князь немедленно съ большими силами выступаетъ въ Переславль-Залѣскій; а послу съ величіемъ отвѣчаетъ: »къ слушанію ярлыка (царской грамоты) не »иду; въ землю свою на княженіе Вла»димірское ни кого не пущу: что »принадлежитъ до посла, то не токмо не возбраняю ему возвратиться, »но и готовъ принять его съ любо-

вію у себя.« Видя тщетные покушенія Михаила; видя, что Владимірскіе граждане отреклись принять сего Князя; видя непоколебимую рѣшительность Димитрія, лакомый подаркамъ Татаринъ, вручивъ Михаилу ярлыкъ, самаго его предоставилъ на произволъ счастія. Михаилъ поверженный въ недоумѣніе и смятеніе, поспѣшно отправляетъ сына своего въ Орду, а самъ возвращается въ Тверь. Между тѣмъ Сыхорожа прибылъ въ Москву, гдѣ Великій Князь принялъ его съ отличною милостію, великолѣпно угощалъ и щедро одарилъ. Взысканный благоволеніемъ Димитрія, посолъ добрыми своими поступками пріобрѣлъ довѣренность Государя и внушилъ ему мысль отправиться въ Орду, для снисканія благорасположенія отъ Мамая.

Подвигъ предлежалъ рѣшительный. Димитрій призвалъ на совѣтъ Ми-

трополита и знаменитѣйшихъ бояръ. Укоренившаяся вражда между Великимъ Княземъ и Михаиломъ, сильное покровительство являемое Ордынскимъ повелителемъ послѣднему, гибельныя бѣдствія угрожавшія Московскому престолу, требовали сего пожертвованія. Чѣмъ большая опасность предстояла, тѣмъ вящшую благоосмотрительность оказывали въ совѣщаніи: напослѣдокъ восторжествовала великодушная рѣшительность Димитрія, и онъ объявилъ объ отшествіи своемъ въ Орду! Поступокъ достойный величайшей похвалы: не настало тогда еще время могущества Россіи; надлежало, изощряя мечь въ тайнѣ, прибѣгнуть къ подаркамъ и пособіямъ ума.

Въ 15 день Іюня 1371 года, Димитрій, принеся молитвы въ храмахъ Божіихъ и поклонясь Св. Угодникамъ, прижалъ къ нѣжному сердцу своему благонравную Евдокію, простился съ

добрыми Московскими гражданами, и въ полномъ упованіи на защиту Всевышняго, поборника благихъ намѣреній, надежными стопами пошелъ въ путь дальній и опасный. Преосвященный Митрополитъ, со многими знатнѣйшими боярами, сопровождалъ юнаго Государя до Оки: здѣсь, напутствуя Димитрія благословеніями свыше, видѣлъ его въ веселіи и надеждѣ переправившагося на другой берегъ. Народъ Русскій, добрый, честный, вѣрный, мужественный, первая потребность коего любить Монарховъ своихъ, съ удивленіемъ взиралъ на геройскій подвигъ своего Повелителя; трепеталъ объ участи Димитрія, страшился потерять его на-вѣки. Все Московское Княжество проливало слезы, Евдокія не осушала своихъ; она и народъ не выходили изъ церквей, приносили теплыя молитвы о сохраненіи добраго Государя. Благоразумный Пастырь, Митро-

политъ Алексій, вливалъ утѣшеніе въ сердца̀ огорченныхъ.

Между тѣмъ Великій Князь благополучно продолжалъ путешествіе; при приближеніи къ предѣламъ Ордынскимъ, отправилъ онъ Сыхорожу съ нѣкоторыми боярами, для предварительнаго поднесенія богатыхъ и великолѣпныхъ подарковъ. Сыхорожа, облагодѣтельствованный Димитріемъ, усердно дѣйствовалъ, всѣхъ предварилъ, превозносилъ благонравіе и смиреніе Димитрія. Подарки и внушенія ловкаго Татарина отверзли входъ, отличное вниманіе и доброжелательство встрѣтили Государя нашего въ Ордѣ, благоразумное поведеніе его довершило прочее. Мамай и весь Дворъ дружелюбно и съ уваженіемъ приняли Великаго Князя. Подобно Ахиллесу, подъ смиренною одеждою Димитрій скрывалъ тотъ страшный мечъ, который въ непродолжительномъ времени поразитъ грознаго

Мамая. Все совершилось по желанію мудраго Димитрія: Орда Задонская выдала ему подтвердительную грамоту на княженіе Московское и Владимірское, а Михаилу Тверскому объявила, чтобы онъ не уповалъ болѣе на покровительство ея.

По недолгомъ отсутствіи, Московскіе граждане, съ несказанною радостію, узрѣли возвратное прибытіе Великаго Князя. Сопутствуемый, во изъявленіе отличной почести, Ордынскими послами, Димитрій въ началѣ 1372 года благополучно возвратился въ Москву; народъ, наполнявшій стогны и площади, съ сердечнымъ восторгомъ встрѣтилъ его, при громогласныхъ восклицаніяхъ. Государь привезъ съ собою сына Михаила Александровича Тверскаго, Князя Іоанна; юноша сей содержался въ Ордѣ за долгъ Князя Тверскаго Хану: дальновидный Димитрій, желая пріобрѣсти столь важный залогъ, за-

платилъ Мамаю десять тысячь рублей (*): сею суммою выкупилъ младаго Князя, и по прибытіи въ Москву препоручилъ его мудрому надзору Преосвященнаго Митрополита.

Вскорѣ за симъ возкипѣло въ Россіи новое междоусобіе. Олегъ Рязанскій, союзникъ Великаго Князя, вспомоществовавшій ему въ послѣднюю противу Ольгерда войну, внезапно предъявилъ притязанія на нѣкоторыя волости на рѣкѣ Лопаснѣ, Вели-

---

(*) Лѣтописцы наши, упоминая о заплатѣ сей суммы, говорятъ: тма рублевъ. Сіе показываетъ, что деньги въ тѣ времена, по сравненію съ нашимъ, были чрезвычайно дороги и рѣдки. Впрочемъ подъ названіемъ рубля не надлежитъ принимать нашу монету. Рубль былъ кусокъ серебра длиною вершка въ полтора, толщиною въ перстъ, имѣвшій на себѣ клейма съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Новгородскіе рубли были вѣсомъ гораздо болѣе Московскихъ и Кіевскихъ. См. *Правду Рускую*, изд. любителями отечеств. истор стр. 4 — 5.

кій Князь отринулъ таковое требованіе, и Олегъ насильно овладѣлъ оными. Тогда Димитрій рѣшился обуздать своевольство. Московское войско, подъ предводительствомъ Димитрія Михайловича Волынскаго, вождя отличныхъ достоинствъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ выступило и, презирая снѣгъ и стужу, направило походъ къ Рязани. Олегъ, не допуская непріятеля къ столицѣ своей, двинулся съ многочисленною ратью къ Скорнищеву. Тутъ встрѣтились сопротивныя силы. Упоенные высокомѣріемъ Рязанцы, усмотрѣвъ Московское ополченіе, горделиво произносятъ: »оставимъ щиты и доспѣхи: намъ нужны одни ремни, дабы вязать робкихъ и изнѣженныхъ Московитянъ.« Олегъ съ равномѣрною надменностію выступаетъ и производитъ стремительное нападеніе. Мнимые слабодушные, смиренно возложивъ упованіе на Бога, противопоставляютъ кичли-

вости сильный отпоръ. Искусный и мужественный Волынскій немедленно дѣлаетъ распоряженія, отражаетъ, тѣснитъ и на голову разбиваетъ надменныхъ Рязанцовъ. Олегъ, изъ страшнаго льва превращенный въ робкаго еленя, ищетъ спасенія въ быстротѣ ногъ своихъ. Такъ, во всѣ времена, Богъ сокрушаетъ рогъ возносящейся гордыни! Такъ Московскіе ратники укрѣпляли воинственный свой духъ, пріобрѣтали чувства бранныя, малыми тріумфами отверзали себѣ путь къ славнѣйшимъ побѣдамъ.

Послѣ битвы при Скорнищевѣ, Олегъ сверженъ съ престола Рязанскаго, а Владиміръ Дмитріевичь Пронскій возведенъ на оный, съ зависимостію отъ Главы Московскаго Княженія. Не долго Пронскій наслаждался властію, доставленною ему побѣдоносцымъ оружіемъ Димитрія: въ наступившую зиму Олегъ явился въ Рязанскихъ областяхъ; поддерживае-

мый любовію народа, принудилъ Проискаго удалиться и снова овладѣлъ похищеннымъ у него престоломъ. Великій Князь, занятый въ сіе время важнѣйшими дѣлами, оставилъ Олега въ покоѣ на княженіи Рязанскомъ.

Снова является на кровавомъ позорищѣ Михаилъ Тверскій. Измѣнѣ и ухищреніямъ его вспомоществуютъ дарованія и храбрость Ольгердова: предавъ забвенію вѣчный миръ, Литовскій Князь поручаетъ брату своему Кестутію опустошать предѣлы несчастной Россіи. Кестутій, имѣя при себѣ сына своего, Витовта, Князей Литовскихъ Андрея и Димитрія, выступаетъ съ многочисленною ратью, направляетъ походъ къ Переславлю-Залѣскому, осаждаетъ сей городъ, беретъ съ него окупъ, сжетъ посадъ и разоряетъ всѣ окрестности; учинивъ подобную же лютость съ Кашинымъ, принуждаетъ владѣтеля сего города нарушить клятву и не

признавать себя въ зависимости отъ Московскаго Князя. Здѣсь соединяется съ нимъ Михаилъ, и они вносятъ оружіе въ Торжокъ, покоряютъ городъ и сажаютъ въ немъ Тверскихъ Намѣстниковъ. Совершивъ таковый подвигъ, по обыкновенію тогдашнихъ временъ, отягченные награбленною добычею и плѣнными, Литовцы возвращаются къ себѣ, а Михаилъ въ Тверь.

Послѣ сего Россія отдохнула на нѣкоторое время отъ звѣрства Литовцевъ; но среди сего краткаго успокоенія, пагубное междоусобіе поразило ее жесточайшимъ ударомъ. Новгородцы, узнавъ о покореніи Михаиломъ Торжка, пошли на защиту притѣсненныхъ, соединились съ Новоторжскими гражданами, изгнали Тверскихъ Намѣстниковъ, ограбили и умертвили гостей ихъ и торговцевъ, обнесли городъ новыми стѣнами, и

рѣшились до послѣдней капли крови защищать оный.

Михаилъ съ большими силами немедленно двинулся къ Торжку, и въ послѣдній день Мая разбилъ станъ предъ стѣнами города. Обозрѣвъ укрѣпленія, увидѣлъ, что покореніе Торжка приступомъ потребуетъ величайшихъ усилій и пролитія многой крови; почему и обратился къ ухищренію, обыкновенному пособію мелкихъ душъ, — послалъ объявить жителямъ: »что онъ не намѣренъ раз»зорять города, ниже наказывать ви»новниковъ возмущенія. Щадя человѣ»чество, всѣхъ прощаетъ и тре»буетъ токмо безупорной сдачи и »принятія Намѣстниковъ.» Таковое непомѣрное снисхожденіе подало осажденнымъ мысль, что слабость Тверскихъ силъ виною обѣщанія коварнаго: вмѣсто отвѣта, Новгородцы совокупивъ войска свои, вышли изъ города и храбро ударили на непріятеля.

Хитрый Михаилъ уловилъ сопротивляющихся въ сѣти, на нихъ разставленныя: вдругъ со всѣхъ сторонъ летятъ полки Тверскіе, отрѣзываютъ учинившихъ вылазку отъ стѣнъ городскихъ: тутъ открывается бой съ величайшимъ упорствомъ и мужествомъ необыкновеннымъ; ужаснѣйшая сѣча продолжается отъ полудня до вечера. Напослѣдокъ превозмогло превосходство силъ, и Михаилъ восторжествовалъ. На мѣстѣ сраженія пали храбрые изъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ: Посадникъ Александръ Аввакумовичъ, Тысяцкій Иванъ Тимоѳеевичъ, боляре: Шаховичъ, Щебельковичъ, Даниловичъ, Грозный, Висловъ. Хотя сражались они въ междоусобной войнѣ, но сражались за пользы верховнаго главы Россіи, а потому имена ихъ долженствуютъ быть преданы потомству.

Остатки разбитыхъ Новгородцевъ, одни въ смятеніи бѣгутъ

въ страну рожденія своего; другіе спѣшатъ укрыться въ стѣнахъ Торжка: первые, ранами покрытые, печальною вѣстію все Новогородское сословіе повергаютъ въ скорбь и рыданіе; послѣдніе, кровію обагренные, вносятъ съ собою въ городъ пламя и разореніе. Разъяренный побѣдитель, преслѣдуя пораженныхъ, въ свирѣпости своей повелѣваетъ предать огню посады; скоро повинуются ему и исполнители и стихіи: тѣ повсюду разносятъ и возжигаютъ пламя; сіи въ крутомъ вихрѣ, внутрь города мещутъ огонь. Торжокъ весь пылаетъ. Злополучные граждане, видя въ стѣнахъ своихъ лютый пожаръ, а внѣ сверкающіе мечи, ни гасить, ни бѣжать не могутъ: многіе, съ женами и дѣтьми, въ домахъ своихъ содѣлываются жертвою все-пожирающаго пламени; другихъ, бѣгущихъ изъ города, разъяренные враги, забывши, что они

единаго съ ними племени, что дѣти одной Россіи, злобно умерщвляютъ, сдирая съ нихъ послѣднія одежды; иные, искавъ спасенія, жалостно погибаютъ въ рѣкахъ; нѣкоторые, укрывая себя въ Спаскомъ Соборѣ, испускаютъ послѣдній вздохъ среди нестерпимаго жара и дыма. — Михаилъ, сокрушивъ Торжокъ до основанія, уцѣлѣвшихъ жителей онаго повлекъ за собою въ Тверь и поселилъ тамъ особою слободою.

Торжокъ, отражавшій въ XIII столѣтіи удары Батыя, не столько тогда потерпѣлъ отъ звѣрства иноплеменника, сколько нынѣ пострадалъ отъ разсвирѣпѣвшей руки единоземца. Симъ лютымъ поступкомъ, приводящимъ въ трепетъ человѣчество, Князь Тверскій несказанно посрамилъ и обезславилъ имя свое. Такъ горестно страдало наше отечество, болѣе отъ гибельнаго междоусобія

удѣльныхъ Князей, чѣмъ отъ самаго поноснаго ига Татарскаго!

Не усмирилася симъ злоба Князя Тверскаго; не прекратились тщеславные и враждебные замыслы его. Не дорожилъ онъ честію, не помнилъ клятвъ и совѣсти, не сохранялъ договоровъ и постановленій: все приносилъ въ жертву мести и вражды своей къ Великому Князю! Михаилъ всегда раздувалъ пламенникъ войны въ рукахъ Ольгерда: сей непримиримый врагъ Россіи, въ четвертый разъ поднялъ оружіе противу Димитрія. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ и Князь Тверскій соединился съ нимъ. Великій Князь, благовременно о вторженіи непріятеля извѣщенный, поспѣшно, съ многочисленными силами, выступилъ въ походъ и у Любуцка (*) встрѣтилъ Ольгерда.

(*) Любуцкъ *или*, какъ называетъ Г. *Болтинъ*, Любейскъ, былъ въ древнія времена городъ при сліяніи рѣки Протвы съ Окою, 12 верстъ выше Серпухова. См. *Крит. примѣч.*

Окрестности Любуцка! вы зрѣли въ Димитріѣ и полководца и воина. Тамъ мужество его помрачило храбрость всего воинства. Тщетно многочисленный непріятель занимаетъ выгодное мѣстоположеніе; тщетно ведетъ передовое его войско знаменитый Ольгердъ: среди Россіянъ находился обожаемой ими Государь, и Государь сей былъ герой. Димитрій, съ мечемъ въ рукахъ предшествуя Московскому полку, презирая смерть, съ безстрашіемъ и стремленіемъ нападаетъ на Литовцевъ, низпровергаетъ сопротивляющихся, летаетъ повсюду, гдѣ болѣе опасности предстоитъ: и въ храбрости нѣтъ ему равнаго! О, мужество, колико ты привлекательно

Г. М. *Болтина на II томъ Ист. К. Щербатова*, стр. 180. Любуцкой станъ находился Тульской губерніи въ Алексинскомъ уѣздѣ. См. *Топог. изд. для геогр. опис. Россійской Имперіи*. Ч. III, стр. 253.

въ Царяхъ! Все передовое непріятельское войско въ одно мгновеніе смято, сбито съ мѣста и совершенно поражено: въ бѣгствѣ своемъ, повергаетъ оно въ безпорядокъ главныя Литовскія силы и увлекаетъ за собою. Ольгердъ скрываетъ стыдъ свой и остатки разбитыхъ войскъ за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, густымъ лѣсомъ усѣяннымъ. Та же естественная преграда останавливаетъ и преслѣдованіе побѣдителя.

Умолкъ бранный шумъ; безмолвіе и глубокая тишина распростерлись по полю битвы. Трупы мертвыхъ тѣлъ, изувѣченные воины, растерзанныя части ихъ, кровь, стонъ раненыхъ, вопль умирающихъ, привели въ трепетъ юную, добродѣтельную душу побѣдителя. Сей первый урокъ доказалъ Димитрію, что брани всегда сопутствуются величайшими ужасами и бѣдствіями народовъ; что тщеславіе не долженъ-

ствуетъ воспалять огня войны; что человѣчество убѣждаетъ, Провидѣніе указываетъ обнажать мечъ единственно въ послѣдней крайности, когда благоденствіе и польза государства требуютъ сей жертвы.

Оба предводителя провели нѣсколько дней у Любуцка, пересылали другъ къ другу уполномоченныхъ и подтвердили вѣчность мира. Побѣда, здѣсь надъ знаменитымъ полководцемъ стяжанная, обуздала высокомѣріе Литовцевъ, влила новыя силы въ твердую душу Димитрія, воспламенила духъ Россіянъ, ободрила удѣльныхъ Князей, преклонявшихся на сторону Великаго Князя, а сопротивныхъ ему привела въ трепетъ.

Въ сіе время Татары съ большими силами произвели набѣгъ на Рязанскую область, многія селенія и города выжгли, жителей ограбили и въ плѣнъ захватили. Великій Князь непрестанно помышлявшій о сверженіи

поноснаго Монгольскаго ига, поспѣшилъ оградить предѣлы свои отъ вторженія свирѣпыхъ опустошителей, немедленно двинулъ многочисленное ополченіе на берега Оки. Татары, увидѣвъ противупоставленное имъ воинство, не дерзнули простирать грабительство далѣе, и съ нахищенными добычами возвратились въ Орду.

Тогда Михаилъ, видя славу Димитріева оружія, восторжествовавшаго надъ грознымъ Ольгердомъ, приводившимъ въ трепетъ Россію, снисшелъ съ высоты гордыни своей, просилъ Великаго Князя объ освобожденіи сына его Іоанна, въ Москвѣ содержавшагося. Со страхомъ ожидалъ Михаилъ отвѣта, не надѣялся получить милости; вѣдалъ, что не заслуживаетъ оной: но онъ прибѣгнулъ къ мужу необыкновенному, и Димитрій, всегда великодушія и благости преисполненный, съ удовольствіемъ оказалъ Михаилу важное благодѣяніе; безъ вся-

каго возмездія отпустилъ къ нему юношу, выкупленнаго въ Ордѣ дорогою цѣною. За таковое снисхожденіе Тверскій Князь торжественно отказался отъ притязанія на Великое княженіе, вывелъ Намѣстниковъ своихъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились во владѣніяхъ Московскихъ и Владимірскихъ, и постановилъ миръ.

Потомки Чингисовы раздѣлены были въ это время разномысліемъ между Магометанствомъ и Идолопоклонствомъ; почему часто возникали въ Ордахъ разнообразныя смятенія. Въ Россіи же сіялъ благотворный свѣтъ Евангелія, и вѣсы милосердія Божія начинали видимо преклоняться къ любезному нашему отечеству. Низпала повязка съ глазъ Князей Россійскихъ; проснулись они, пробудились, и—вмѣсто оковъ – приняли въ сильныя мышцы свои мечъ. Первый безстрашія примѣръ показалъ Димитрій, Князь

Нижегородскій и Суздальскій, родитель Великой Княгини, располагавшій дѣйствія свои съ дальновидными намѣреніями верховнаго Повелителя Россіи. Узнавъ о приближеніи жестокосердаго Татарскаго посла Сарайки, отправленнаго Мамаемъ съ военною дружиною, состоявшею изъ тысячи пятисотъ человѣкъ, для собранія вновь наложенной дани, отправилъ онъ противу него войско; которое, внезапно напавъ на Татаръ, побило ихъ, а Сарайку съ приближенными къ нему захвативъ въ плѣнъ, представило въ Нижній - Новгородъ, гдѣ и содержались они подъ стражею. Чрезъ годъ потомъ Князь повелѣлъ освободить Татаръ и развести по разнымъ мѣстамъ; но горделивый Сарайка, во зло употребя оказанное ему милосердіе, съ нѣсколькими дерзновенными изъ своихъ товарищей бросился на дворъ Архіерейскій, затворился, началъ метать въ народъ

стрѣлы, и едва не ранилъ Епископа. Скоро безуміе его получило возмездіе: Нижегородскіе граждане немедленно отбили ворота, ворвались на дворъ, истребили всѣхъ Татаръ и умертвили самаго посла.

Ободренные симъ Нижегородцы тогда же сѣли на суда, поплыли внизъ по Волгѣ, взяли окупъ съ Казани, продолжали плаваніе къ Сараю, предавали огню встрѣчаемыя Татарскія суда, опустошили Болгаръ и другіе Магометанскіе народы. Сія легкая туча предшествовала ужасной бурѣ, которая долженствовала вскорѣ нанестись съ предѣловъ Ордынскихъ и разразиться на берегахъ Дона.

Среди кровопролитій и ужасовъ, посрамляющихъ и приводящихъ въ содроганіе человѣчество, пріятно для сердца нашего упомянуть о дѣяніяхъ благотворныхъ, пріятно воздать

справедливую похвалу доблестямъ Владиміра: сей Князь, грозный на полѣ битвы, былъ человѣколюбивый отецъ подвластнаго ему удѣла. Возобновивъ Серпуховъ, Владиміръ обнесъ его дубовою стѣною; облегчилъ подати и даровалъ знатныя выгоды купечеству и всѣмъ желавшимъ водвориться въ семъ городѣ; учредилъ въ ономъ доброе благочиніе; на вершинѣ горы въ Серпуховѣ воздвигъ, украсилъ и обогатилъ Высоцкій монастырь. Основаніе сей обители, по приглашенію Владиміра, положилъ собственными своими руками великій Святитель, Сергій Радонежскій.

Когда въ Переславлѣ, при многочисленномъ съѣздѣ Князей и бояръ, происходили пиры и торжества, по случаю рожденія Великому Князю третьяго сына Князя Георгія, тогда умеръ Московскій Тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Санъ Тысяцкаго, сопряженный съ большими преиму-

щесшвами, не могъ приличесшвовашь самодержавію: Димитрій уничшожилъ оный по кончинѣ Вельяминова. Недовольный старшій сынъ сего первенсшвовавшаго народнаго чиновника Иванъ Вельяминовъ, съ богатымъ Сурожаниномъ Некомашомъ, удалился въ Тверь. По свойству всѣхъ предашелей, клевещущихъ на шого, кому измѣнили они, и раболѣпно ласкающихъ шѣмъ, у которыхъ домогаюшся обрѣсши покровишельсшво, и сіи бѣглецы удобно оклевешали Государя своего. Михаилъ, непогасившій вражды къ Великому Князю, охошно преклонилъ слухъ свой, внялъ злонамѣреннымъ внушеніямъ, немедленно препроводилъ предашелей въ Орду, послалъ съ ними грамоты, въ коихъ сшарался очернишь Димитрія и возсшавишь прошивъ него мощнаго Мамая; а самъ поѣхалъ въ Литву, для возбужденія Ольгерда. Вскорѣ возврашясь ошшоль, Михаилъ получилъ

чрезъ Некомата, сопровождаемаго Татарскими послами, грамоту на Великое княженіе Владимірское. Некоматъ и послы удостовѣрили, что Мамай рѣшился подкрѣпить повелѣніе свое всѣми силами Золотой Орды. Упоенный Михаилъ, въ самый день прибытія Ордынскаго посла, легкомысленно объявилъ войну Великому Князю, отправилъ Намѣстниковъ въ Торжокъ, а войскамъ велѣлъ немедленно двинуться къ Угличью-Полю. Такъ, гнѣвъ и мщеніе помрачаютъ умъ человѣческій! Слава Димитріемъ стяжанная раздражала завистливаго Михаила; не умѣлъ онъ добродѣтелями сравниться съ нимъ, и единственно хитрыми происками и пролитіемъ крови несчастныхъ подданныхъ, старался колебать могущество соперника своего.

Война, гибельный бичъ рода человѣческаго, обагряла Земный шаръ во всѣ времена; тщеславіе, страсть къ

завоеваніямъ, высокомѣріе, непрестанно возжигаютъ пламенникъ сей, содѣлываютъ брани неизбѣжными. Димитрій, великодушно нося все бремя на защиту отечества, долженствовалъ, летая съ мечемъ въ бояхъ, бороться и съ Моголами, и съ Литовцами, и съ бурями внутреннихъ междоусобій.

Раздраженный многократнымъ вѣроломствомъ Князя Тверскаго, Димитрій отправилъ нарочныхъ гонцевъ ко всѣмъ союзнымъ и къ зависѣвшимъ отъ власти его удѣльнымъ Князьямъ, съ повелѣніемъ, дабы поспѣшно собрали свои войска, и слѣдовали въ назначенное мѣсто.

Князь Димитрій Константиновичъ Суздальскій и Нижегородскій, съ сыномъ своимъ Самсономъ и братомъ *Димитріемъ* Ногтемъ; Князь *Владиміръ* Серпуховскій; *Андрей* Ѳеодоровичъ, *Василій* и *Александръ* Константиновичи, Князья Ростовскіе; Князь *Иванъ* Васильевичъ Смоленскій; *Ва-*

силій и *Романъ* Васильевичи, Князья Ярославскіе; Князь *Өеодоръ* Романовичъ Бѣлозерскій, Князь *Василій* Михайловичъ Кашинскій; Князь *Өеодоръ* Михайловичъ Моложскій; Князь *Андрей* Өеодоровичъ Стародубскій; Князь *Романъ* Михайловичъ Брянскій; Князь *Романъ* Семеновичъ Новосильскій; Князь *Симсонъ* Константиновичъ Оболенскій; Князь *Иванъ* Константиновичъ Тарускій: всѣ, страшась гибельныхъ послѣдствій отъ происковъ Михаила, въ Ордѣ производимыхъ, кипѣли местію на него за зло, по внушеніямъ его Ольгердомъ содѣланное; всѣ, явивъ ревность и усердіе къ особѣ Великаго Князя, скоро собрали и привели войска свои.

Прибывъ къ Волоку съ Московскими полками, Димитрій съ несказанною радостію увидѣлъ подъ знаменами своими ополченіе сильное и прекрасное.

Восхищенный симъ зрѣлищемъ, Онъ

воскликнулъ: *побѣда наша*, и повелѣлъ трубнымъ гласомъ возвѣстить походъ.

Въ исходѣ Августа мѣсяца 1375 года, по покореніи Микулина, Московскія знамена развѣвались ужѐ предъ стѣнами столицы Михаила. Князь сей, въ ожиданіи помощи Литовскихъ войскъ, затворился въ Твери; уповая на ограду вновь сдѣланнаго имъ землянаго вала, рвомъ обнесеннаго, рѣшился защищаться всѣми силами. И здѣсь Димитрій являетъ искуство приличное знаменитымъ вождямъ: разбивъ для войска станъ, обноситъ оный окопами, учреждаетъ на Волгѣ *для* сообщенія два моста, ограждаетъ ихъ стражею; обозрѣвъ непріятельскія укрѣпленія, располагаетъ осаду и всѣмъ преподаетъ потребныя наставленія.

Михаилъ, подстрекаемый тщеславіемъ и желая показать, что нимало не устрашается появленія грознаго

сопротивника, беретъ въ руки стрѣлы, смѣло вылетаетъ изъ города, сопровождаемый отборною дружиною, и въ виду той уединенной обители, которая при устьи Тьмаки свидѣтельствуетъ о горестной судьбинѣ прекраснаго юноши — Григорія, сильно нападаетъ на передовую стражу Московскихъ полковъ. Стремительное его наступленіе встрѣтило мужественный отпоръ: осаждающіе, презирая дерзость хвастливаго непріятеля, въ одно мгновеніе обратили его назадъ. Хотя сіе покушеніе Тверскаго Князя было неудачно, однако не переставалъ онъ возобновлять вылазки, которыя истощая обоюдныя силы, не произвели никакой важной пользы и показывали токмо игру непостоянной фортуны, обращавшейся то къ тому, то къ другому противоборнику.

Но недолго колебалось счастіе. Новогородцы, по воззванію верховнаго

Повелителя Россіи, въ пять сутокъ прибыли подъ Тверь, и дыша мщеніемъ за сокрушеніе Торжка, съ пламеннымъ усердіемъ присоединились къ Московскимъ силамъ. Тогда Великій Князь вознамѣрился учинить приступъ. Съ распростертыми знаменами и при звукѣ музыки, войска двинулись къ стѣнамъ Твери: Димитрій предъ лицемъ ихъ показываетъ путь къ побѣдѣ; ужѐ туры и примѣты (*) касаются стѣнъ; ужѐ у Тьмакскихъ воротъ мостъ и стрѣльницы (**) пламенемъ пожираются; ужѐ храбрые ратники, презирая и дымъ и огнь и клокотъ смолы, обливавшей бревна, свергаемыя съ верха городскихъ валовъ, стремятся взлетѣть на стѣны, уповаютъ вломиться въ городъ;

(*) Насыпь, каковую дѣлали при осадахъ городовъ для удобнѣйшаго восхожденія на стѣны.

(**) Башни, изъ коихъ осажденные метали стрѣлы.

уже огнь брани окружилъ отвсюду Тверь и угрожалъ обратить въ пепелъ твердыни ея, какъ Михаилъ, ударивъ изъ воротъ, подсѣкъ туры, опрокинулъ приметы, отразилъ приступающихъ; мечъ его сверкалъ вездѣ и наносилъ жестокіе удары. Тутъ открылся страшный бой, и осажденные начинали торжествовать; но Димитрій внезапно появляется съ полкомъ своимъ, и съ появленіемъ его все измѣняется: герой обуздываетъ ярость Михаила, разитъ, гонитъ и принуждаетъ поспѣшно его укрыться въ стѣнахъ. Въ сей день пролито много крови, и храбрый Князь Симеонъ Ивановичъ Добрынскій содѣлался жертвою меча: но и въ сей день соспязавшіеся о побѣдѣ не получили отъ нея вѣнца.

Осада продолжалася четыре недѣли. Тверь, со всѣхъ сторонъ обложенная, испытала многія бѣдствія, неразлучныя съ войною. Неутомимый Великій Князь, то разсылаемыми от-

рядами въ страхъ приводилъ окрестности, то покорялъ города Тверскаго владѣнія, то самую столицу онаго тѣснилъ сильными приступами. Ни плѣненіе народа, ни сожженіе селеній, ниже вопль и стенаніе вдовъ и сиротъ, не преклоняютъ суроваго Михаила къ испрошенію пощады. Наконецъ получаетъ онъ вѣсть, что шедшій къ нему на помощь Ольгердъ, устрашась собранія многочисленныхъ Московскихъ силъ, возвратился въ Литву: тогда оставленный въ борьбѣ съ сопротивникомъ, превосходнымъ въ силахъ; истощивъ сокровища и проливъ кровь подданныхъ своихъ,— Михаилъ, находясь въ крайнемъ изнеможеніи, утомленный голодомъ и сраженіями, смирился и отправилъ къ Великому Князю Епископа Тверскаго съ знатнѣйшими боярами, возложивъ на сего Пастыря исходатайствовать пощаду и миръ. Великодушіе никогда не оставляло сердца Димитріева; лю-

бовь къ человѣчеству питала его. Торжествующій Государь, съ благородною скромностію принимаетъ Епископа, съ радостію прекращаетъ кровопролитіе, повелѣваетъ снять осаду и вновь простираетъ безпокойному Михаилу дружественную длань. Укротилась поверженная зависть; постановленъ миръ, согласный съ пользами побѣдителя и необременительный для побѣжденнаго. Димитрій не токмо умѣлъ прощать виновныхъ, но являлъ высшую добродѣтель: чистосердечно примирялся съ тѣми, противъ коихъ самъ виновенъ былъ: торжество достойное великія души!

Новогородцы повторяютъ своевольство, подобное произведенному въ 1365 году, но съ силами превосходнѣйшими. Двѣ тысячи отважныхъ удалыхъ головъ, избравъ себѣ въ руководители Прокопія и нѣкоего Смольянина, въ семидесяти ушкуяхъ (лодкахъ) поплыли

по Волгѣ, достигли Костромы и обложили городъ. Воевода Плещей выступилъ противу нихъ съ 5000 войскомъ; Новогородцы, раздѣлясь на двѣ части, одну половину отправили чрезъ лѣсъ въ засаду: бой открылся; Костромичи учинили стремительное нападенiе; но когда половина Новогородцевъ, въ засадѣ поставленная, внезапно ударила въ тылъ ихъ, оробѣли, разстроились, побѣжали. Новгородцы, многихъ изъ Костромичей положивъ на мѣстѣ, ворвались въ городъ, ограбили жителей, и нагрузивъ суда похищенными добычами и плѣнными обоего пола и всякаго возраста, пошли къ Нижнему-Новугороду: тамъ, требуя жизненныхъ припасовъ, предмѣстiе выжгли, опустошили и раззорили. Отселъ пошли въ Болгарскiе предѣлы, разбивая повсюду встрѣчавшихся торговцевъ, и достигнувъ Казани, разпродали плѣнниковъ. Облегчивъ суда, пустились къ Астрахани: господ-

ствовавшій здѣсь Ханъ Салчей, извѣщенный о промыслѣ Новгородскихъ побродягъ, принялъ ихъ съ притворною ласкою; вскорѣ далъ имъ пиръ, на коемъ не пощадилъ вина, а грабители не пощадили себя отъ питія; когда же незваные гости охмѣлѣли, приказалъ ихъ всѣхъ безъ остатка умертвить, и овладѣлъ ихъ богатствомъ. Казнь, достойная негодяевъ, попустившихъ себя на богомерзкое грабительство!

Въ то время, когда Великій Князь занимался укрощеніемъ владѣтеля Тверскаго, Мамаевы войска учинили опустошительный набѣгъ къ Нижнему-Новугороду и Новосилю. Димитрій, принявшій непоколебимое намѣреніе отражать силу силою, въ ограждение областей своихъ отъ вторженій Моголовъ, съ многочисленными войсками выступилъ къ берегамъ Оки. Приключившаяся болѣзнь сыну его Данiилу, остановила обнаженный

мечъ, принудила Государя оставить знамена и возвратиться въ Москву. Однако Димитрій, не отметая дальновидныхъ помышленій къ спасенію отечества, препоручилъ собранное ополченіе предводительству Димитрія Михайловича Волынскаго, повелѣвъ ему соединиться съ сынами Князя Нижегородскаго и напасть на предѣлы Болгарскіе, владѣтель коихъ причинилъ многія оскорбленія Димитрію Константиновичу. Марта 16 числа войска Великаго Князя явились предъ Казанью: Казанцы пустили тучу стрѣлъ изъ города, отважнѣйшіе выѣхали въ поле, стрѣляли изъ луковъ и самострѣловъ; иные, желая болѣе устрашить Русскихъ, появились на велблюдахъ. Издревле всѣ восточные народы, прилѣпленные къ пышности, слонами и велблюдами, трескомъ и громомъ мечтали ужасать непріятеля: но храбрость никогда не поражалася внѣшностію, презирала ее и тор-

жествовала надъ врагами, возлагавшими болѣе надежды на таковыя ничтожныя пособія, нежели на самихъ себя. То же послѣдовало и предъ Казанью: Русскіе, презирая пустозвучный трескъ непріятеля и появленіе велблюдовъ, неустрашимо ударили на Татаръ, смяли ихъ, разбили и принудили бѣжать въ городъ. Тогда владѣтели Казанскіе Асанъ и Махметъ смирились, просили помилованія, поднесли дань Великому Князю, дары Князю Нижегородскому и всему воинству. Побѣдители даровали имъ миръ, и посадивъ въ Казани нѣкоторыхъ чиновниковъ Россійскихъ, возвратились въ Нижній-Новгородъ.

Въ 1377 году окончилъ поприще свое Ольгердъ. Преемникомъ его въ Литвѣ учинился Ягеллонъ, рожденный отъ сестры Князя Тверскаго Михаила: сей хотя не наслѣдовалъ знаменитыхъ качествъ родителя, но наслѣдовалъ ему въ непримиримой

враждѣ къ Россіи. Ольгердъ водворилъ и укоренилъ зависть, недоброхотство и злобу, нѣсколько столѣтій тщетно гнѣздившіяся въ сердцахъ его потомковъ противу славы и благоденствія Россіи; болѣе четырехъ вѣковъ направляли они стрѣлы злоухищренія на отечество наше, не упускали малѣйшаго случая наносить ему вредъ, и дотолѣ колебали и терзали оное, пока Россія не узрѣла на Престолѣ своемъ ту чудесную Жену, которая, удививъ вселенную громомъ побѣдъ, распространила и возвысила ее и купно Свою славу: Царица сія, объемля мудрымъ окомъ всѣ вѣтви народоправленія, утвердивъ, усиливъ, возвеличивъ Державу Свою, во всемъ сіяніи представила ее изумленной Европѣ; тогда, составивъ обширное предначертаніе, возжелала Она навсегда оградить государство наше отъ безпокойнаго и опаснаго врага на Западѣ; вознамѣрилася, раздравъ владѣ-

нія его, часть изъ оныхъ пріятъ подъ благодѣтельный и кроткій скипетръ свой. Новый Аннибалъ, честь и слава нашихъ вождей, избранный Великою Самодержицею, съ быстротою орла влетѣлъ въ нѣдра владѣній непріятеля, внесъ пламя въ самое сердце его, ударилъ на враговъ, поразилъ, разсыпалъ, и гордую республику повергъ къ стопамъ сѣверной Обладательницы. Знаменитые Россы! Вы помните, какъ герой, Беллоною вскормленный, гремѣвшій при Фокшанахъ, на Рымникѣ, въ Измаилѣ, Прагѣ, на Аддѣ, Требіи, у Нови; вездѣ сопутствуемый торжествомъ, въ безстрашіи чрезъ льды и пропасти несшійся по снѣжнымъ слѣдамъ великаго Кароагенца; герой, увѣнчанный лаврами, умомъ высокій, дарами изящный, подвигами дивный, въ преднамѣреніяхъ непостижимый, введенный славою во храмъ безсмертія; вы памятуете, какъ герой Суворовъ, по мановенію Великой Ека-

терины, въ одно мгновеніе низпровергнулъ оную Республику.

По кратковременной тишинѣ, въ 1377 году новое бѣдствіе постигло отечество наше. Султанъ Синія орды, Арапша, малый ростомъ, но великій духомъ, свирѣпый и храбрый воинъ, побѣдивъ многихъ окрестныхъ сосѣдей, ополчась сильною ратью, пошелъ къ Нижнему-Новгороду. Князь Нижегородскій извѣстилъ Великаго Князя о предстоявшемъ бѣдствіи, и послѣдній съ знатнымъ войскомъ двинулся на помощь тестю своему. Хитрый Арапша скрылся въ Мордвѣ, разсѣвая слухи объ отшествіи своемъ въ Орду; Димитрій, простоявъ нѣкоторое время у Нижняго Новагорода, возвратился въ Москву, а для обороны Нижнихъ предѣловъ оставилъ часть войскъ своихъ. Димитрій Константиновичъ, скоро свѣдавъ о неосновательности распространившагося слуха, повелѣлъ полкамъ идти на-

встрѣчу непріятеля къ рѣкѣ Пьяной. Прибывъ на берега ея, войска разбили станъ и снова услышали, что Арапша удалился къ Волчьимъ водамъ. Полководцы наши, понадѣясь на такіе слухи, забывъ правила воинской предосторожности; забывъ, что добрый вождь обязанъ всегда бодрствовать и никогда не предавать себя праздности и забавамъ; полководцы наши, гордящіеся тѣмъ, что одно появленіе ихъ обратило непріятеля въ бѣгство, занялись веселіемъ, пирами, звѣриною ловлею. Ратники охотно подражали имъ; самонадѣянность и оплошность дошли до такой степени, что воины, сбросивъ съ себя шлемы и доспѣхи и положа на покой щиты, копія и стрѣлы, шатались и разъѣзжали по деревнямъ Мордовскимъ, непомѣрно предаваясь напиткамъ. Предпріимчивый Арапша, извѣщенный Мордовцами о таковомъ бѣдственномъ положеніи Россійскаго во-

инства, во 2-й день Августа приближается тайнымъ образомъ, раздѣляетъ силы свои на пять частей, и со всѣхъ сторонъ какъ вихрь несется на развращенное войско. Бьетъ, сѣчетъ, колетъ: пробудившіеся отъ хмѣля, увидѣли надъ головами своими сверкающіе мечи и копья; несчастные не знаютъ, гдѣ найти спасеніе: многіе, безъ всякаго сопротивленія, устилаютъ трупами своими поле побоища; желавшіе укрыться въ лѣсахъ, настигаются и падаютъ подъ остріемъ Татарскаго меча; большая часть бросается къ рѣкѣ Пьяной и въ волнахъ ея вмѣстѣ съ сыномъ Князя Нижегородскаго погибаетъ. Обагренныя струи Пьяной, стѣсненныя множествомъ труповъ, выступаютъ изъ береговъ. Князь Семенъ Васильевичъ, многіе Воеводы и почти все воинство Русское содѣлалось злополучною жертвою безпечности начальниковъ и собственнаго

невоздержанія. Арапша, одержавъ совершенную побѣду и наполнивъ свой станъ плѣнными, быстро двинулся къ Нижнему-Новугороду: владѣтель онаго, потерявъ все войско, убѣжалъ въ Суздаль, а граждане спаслись на судахъ по Волгѣ. Татаринъ захватилъ въ плѣнъ остальныхъ жителей, тридесять двѣ церкви и весь Нижній-Новгородъ обратилъ въ пепелъ; опустошая и раззоряя на возвратномъ пути селенія, съ великими корыстями отошелъ въ Орду.

Мордва (*), ободренная симъ несчастнымъ для Россіянъ случаемъ, осмѣлилася ворваться въ Нижегородскій округъ, начала жечь селенія и разорять жителей: но Князь Горо-

---

(*) Мордва или Меря, народъ разсыпанный нынѣ по Казанской, Симбирской, Оренбургской, Нижегородской и Пензенской губ., встарину обиталъ между рѣками Сурою и Цною.

децкій (*) не замедлилъ наказать ихъ дерзость, выступилъ противу грабителей, настигъ, поразилъ, многихъ изъ нихъ потопилъ въ той же рѣкѣ Пьяной, въ которой въ недавнемъ времени погибли соотчичи наши, а прочихъ разсѣялъ по лѣсамъ.

Поелику между тѣмъ возвратившійся Арапша продолжалъ разорять Рязанскіе предѣлы: то, не взирая на необычайно-жестокую стужу, послѣдовало повелѣніе Нижегородскимъ войскамъ въ соединеніи съ частію Московскихъ, подъ предводительствомъ Князя Городецкаго и воеводы Свиблы, отправиться противу Мордвы. Полководцы сіи, презирая снѣгъ, морозъ и льды, скоро пришли въ Мордовскія владѣнія; все тамъ истребили и

(*) Князья Городецкіе имѣли удѣлъ свой въ Городцѣ, стоявшемъ на правой сторонѣ Волги; нынѣ село въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Нижегород. губ. См. Истор. Лекс. г. *Татищева*, Ч. II, ст. 63.

сокрушили мечемъ, привели въ трепетъ жителей и, оставивъ за собою курящіяся селенія, съ великимъ плѣномъ и корыстями возвратились въ Нижній-Новгородъ.

Татары не оставили отмстить за Мордовцевъ, находившихся подъ покровительствомъ Ордынскихъ Царей; лѣтомъ въ 1378 году вновь ворвались они въ Нижній - Новгородъ. Устрашенные жители разбѣжались и скрылись на противоположномъ берегу Волги. Хотя Князь Димитрій Константиновичъ, пребывавшій тогда въ Городцѣ, предлагалъ окупъ: но раздраженные непріятели, не принявъ онаго, жгли остатки несчастнаго города, предали огню церковь Спаса, и опустошивъ поле Березовое и весь уѣздъ, отошли въ улусы свои.

Въ 1378 году смерть похитила Митрополита Алексія: Россія лишилась кроткаго и мудраго пастыря;

Государь потерялъ наставника юности своей, совѣтника и друга зрѣлыхъ лѣтъ. Высокія добродѣтели, украшавшія житіе сего достохвальнаго мужа, возсіяли и по кончинѣ его: Церковь наша сопричла Алексія къ лику Святыхъ (*). Кончина Преосвященнаго возбудила честолюбіе Архимандрита Михаила, духовника Государева. Михаилъ, одаренный большимъ умомъ, украшеннымъ познаніями и просвѣщеніемъ, острою памятію, сановитою наружностію, голосомъ пріятнымъ, легкимъ, чистымъ, плѣняющимъ краснорѣчіемъ; искусный въ совѣтахъ, судѣ и дѣлахъ, снискалъ милость и благоволеніе Великаго Князя, который, по отличной довѣренности, поручилъ ему и достоинство Печатника (**). Со

(*) Митр. Алексій былъ изъ рода Плещеевыхъ.

(**) Печатникъ, засѣдавшій съ боярами въ думѣ, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи двѣ Госу-

многими прекрасными дарами смѣшались, къ сожалѣнію, высокомѣріе, дерзость, пышность, тщеславіе: снѣдаемый любочестіемъ Духовникъ; возложивъ на себя митру и мантію, присвоилъ себѣ санъ верховнаго пастыря Церкви Россійской (*). Но поелику Греческими Патріархами ужè поставленъ былъ въ Россію Митрополитъ Кипріанъ; поелику Діонисій, Епископъ Суздальскій, оспаривалъ самовольное возведеніе Михаила, а преподобный Сергій, въ высокомъ смиреніи своемъ отрекшійся отъ Митрополичьяго сана, подкрѣплялъ мнѣніе Діонисія: то Духовникъ принужденъ былъ, для постановленія

дарственныя печати: одну, коею печатались всѣ грамоты и указы, посылаемые внутрь Государства; другую, которая прилагалася къ жалованнымъ грамотамъ на отчины и всякія достоинства. Подъ начальствомъ его состоялъ Печатный Приказъ. *Древняя Рос. Вивліоѳика*, часть XX, стр. 201.

(*) Древняго лѣтопис. часть I, стр. 321.

въ новый санъ, по тогдашнему обыкновенію, отправиться въ Царьградъ. Снабженный отъ Великаго Князя грамотами къ Патріархамъ, богатою казною, великолѣпными дарами и довѣріемъ, Михаилъ съ пышною и многочисленною свитою отправился въ путь чрезъ Монгольскія владѣнія, гдѣ хитростію и лестію преодолѣвъ всѣ препоны и опасности, счастливо достигнувъ Понта Эвксинскаго, сѣлъ на корабль. Ужѐ представлялся взору высокомѣрнаго Михаила величественный градъ, лежащій на межѣ Европы съ Азіею, на Босфорѣ Ѳракійскомъ; градъ, превращенный Константиномъ изъ Византіи въ Константинополь, въ который перенеся сей Императоръ престолъ свой изъ Рима, основалъ тамъ новое средоточіе политики и торговли; тамъ, гдѣ, поддержавъ Науки и художества древней Греціи, уронилъ онъ величество Рима, породилъ превращеніе и измѣ-

неніе на всемъ лицѣ Европы. Уже жаждалъ Михаилъ принять отъ руки Цареградскихъ Патріарховъ вѣнецъ честолюбивымъ желаніямъ своимъ: какъ внезапно жестокая болѣзнь разитъ его, и смерть, не допуская его ступить на берегъ, повергаетъ во гробъ. Галата приняла прахъ тщеславнаго черноризца. Не чаялъ Михаилъ себѣ столь горестнаго конца; не чаяли тогда и вы, стѣны Константинопольскія, нѣкогда приводившія въ трепетъ всю Европу, что въ свою чреду будете трепетать отъ грома оружія Россійскаго!

Воспоминаніе славныхъ подвиговъ, совершенныхъ соотечественниками, всегда пріятно, при всякомъ случаѣ прилично. Вспомянемъ, любезные и знаменитые граждане, одно изъ чудеснѣйшихъ событій царствованія Великой Екатерины. Россійскій флотъ волшебною силою переносится изъ

моря Балтійскаго въ Средиземное. Послѣ многихъ тріумфовъ, извлекая изъ рабства несчастныхъ Грековъ, обитающихъ въ Мореѣ и на островахъ Эгейскаго моря, одинъ сѣверный Алькидъ (*) настигъ Турецкіе корабли у острова Сціо: презирая превосходство судовъ, загремѣлъ, восторжествовалъ; пораженный непріятель бросился въ Чесменскую бухту, укрывая себя подъ выстрѣлами крѣ-

(*) Графъ *Алексѣй Григорьевичь Орловъ*, проименованный за сей знаменитый подвигъ Чесменскимъ, предводительствовалъ всѣми дѣйствовавшими въ Архипелагѣ сухопутными войсками и флотомъ. Подъ нимъ начальствовали: братъ его, Графъ *Ѳедоръ Григорьевичь*, напитанный славою древнихъ Грековъ; Адмиралъ *Григорій Андреевичь Спиридовъ*, опытный и отлично искусный вождь, любимый подчиненными. Наиболѣе отличившіе себя въ войнѣ на Архипелагѣ: *Элфинстонъ*, *Грейгъ*, К. Юрій Владиміровичь *Долгорукій*, *Елмановъ*, *Крузъ*, *Плещеевъ*, *Клокачевъ*, *Кожуховъ*, *Ильинъ*, *Дугдалъ*, *Степановъ*, К. *Козловской*, *Ризо*, *Ушаковъ*.

постныхъ укрѣпленій. Въ наступившую ночь безстрашные Россіяне, вооруженные пламенемъ и громомъ, летятъ среди мрака ко флоту Турецкому, кидаютъ въ него ужасъ и смерть. Огнедышащіе брандеры плывутъ, (*) сближаются съ Срацинами; вдругъ съ страшнымъ шумомъ и трескомъ разражаются: вѣтръ вихремъ несетъ огнь въ непріятеля;

(*) Эскадра, коей поручено было истребить запертый въ Чесменской бухтѣ Оттоманской флотъ, состояла подъ главнымъ начальствомъ знаменитаго Самуила Карловича *Грейга*, коему и принадлежитъ слава сего подвига. Четыре брандера снаряжены были *Ганнибаломъ*, а управляли ими: *Дугдалъ*, *Макензинъ*, *Ильинъ* и *Гагаринъ*. Отважный *Дугдалъ*, оставленный на брандерѣ оробѣвшими подчиненными, не примѣчаетъ сего, зажигаетъ брандеръ, а самъ, весь опаленный, бросается въ волны, домогаясь доплыть до своей шлюбки. *Ильинъ*, образецъ храбрости и безстрашія, подошелъ къ одному изъ Турецкихъ кораблей, сцѣпился съ нимъ, собственными руками воткнулъ въ него бранскугель, зажегъ свой брандеръ и удачно бросилъ пла-

тѣснящіеся Турецкіе корабли зажигаютъ другъ друга; свистятъ смертоносные шары; воспаленный порохъ пышетъ, реветъ, жжетъ, истребляетъ, рветъ на части, подымаетъ къ облакамъ весь флотъ Оттоманскій. Летаютъ растерзанные Агаряне, трещатъ и носятся обломки водоходныхъ ихъ громадъ; кипящая мѣдь, клокоча въ воздухѣ ліетъ съ ревомъ огненные потоки; разъяренныя волны плещутъ кровію Мусульманскою! Пламень объялъ весь заливъ, клубясь вверхъ столпами, съ облаками слился и затмилъ поблѣднѣвшую луну. Чесменская бухта въ одно мгновеніе превратилася въ геэнну; низринутая Чесма со всѣми укрѣпленіями до основанія сокрушилась. Дрожитъ,

---

мя въ непріятеля: тогда всѣ Оттоманскія суда вдругъ запылали! Торжеству нашему много такъ же способствовалъ и *Клокачевъ*, Капитанъ корабля Европы, находившагося въ отрядѣ Грейга.

крутится и кипитъ бездна Архипелага; поколебался Геллеспонтъ, застонали берега Европы и Азіи, потряслась богатая Смирна, услышали звукъ и громъ Аѳины, превознесенные древле Науками и изяществомъ вкуса. Не уповая болѣе на Дарданельскія забрала, возтрепеталъ Стамбулъ. Такова была ночь съ 25 на 26-е Іюня мѣсяца 1770 года, пожравшая все морское ополченіе надменнаго Мустафы (*).

Приступая къ изображенію происшествій, предшествовавшихъ знаменитой битвѣ на Куликовомъ полѣ, представляю взору вашему, достопочтенные Россы! картину чести предковъ вашихъ. Еще свирѣпыя толпы Монголовъ не преставали частыми

(*) Въ Чесменской бухтѣ истреблено огнемъ 15 линѣйныхъ кораблей, отъ 60 до 90 пушекъ, 6 фрегатовъ, нѣсколько шебекъ, бригантинъ, полугалеръ: всѣхъ вообще болѣе ста судовъ. Таковое число и достоинство судовъ показано на планѣ побѣды, изданномъ въ тогдашнее время Правительствомъ нашимъ.

набѣгами нарушать покой Россіянъ; еще окровавленныя руки ихъ повсюду возжигали огнь; еще дымился несчастный Нижній-Новгородъ; еще кипѣли и клокотали остатки Царскихъ вратъ, сіявшихъ въ Спаскомъ храмѣ и богатствомъ злата и изяществомъ искусства: какъ лютый и кровожадный Мамай избираетъ храбраго и знаменитаго изъ Татарскихъ вождей, возлюбленнаго своего Мурзу Бегича, ввѣряетъ ему многочисленное войско, приказываетъ жестоко напасть на предѣлы Россійскіе и все предать огню и мечу.

Ни на одно мгновеніе незабывавшій пользъ отечества своего, Димитрій скоро узнаетъ о страшномъ предпріятіи Монголовъ. Герой, въ счастіи и среди бѣдствій сохранявшій необыкновенное спокойствіе духа, никогда неизмѣнявшій великаго своего характера, дѣлаетъ самыя благоразумныя распоряженія, немедленно собираетъ боль-

шія силы, обнажаетъ мечъ въ укрѣпленіе и защиту любезнаго отечества. Оставивъ нѣжную супругу, прелести Двора, Государь цвѣтущій молодостію летитъ въ шатры военные: тамъ, отдыхая на соломѣ, подавая ратникамъ примѣръ къ трудамъ и воздержанію, спѣшитъ онъ противопоставить преграды яростному нашествію врага.

Сопротивники сходятся въ Рязанской области: рѣка Вожа (*) нѣсколько дней раздѣляетъ ихъ мужество. Пылкій Бегичъ переходитъ рѣку, съ свирѣпымъ крикомъ открываетъ нападеніе. Русскіе твердо грудью встрѣчаютъ врага; поручивъ правое крыло Князю Андрею Полоцкому, а лѣвое Князю Данилу Пронскому, самъ Димитрій, украшенный златымъ шлемомъ и драгоцѣнными доспѣхами, спо-

(*) Рѣка Вожа, протекая Рязанскій уѣздъ, впадаетъ въ Оку, въ 14 верстахъ отъ города Рязани.

койно на прекрасномъ и игривомъ конѣ ѣхалъ предъ лицемъ среднихъ силъ, и храбростію своею указывалъ путь къ побѣдѣ. Бой, открывшись у знамени Великаго Князя, съ быстротою распространился въ рядахъ обоихъ ополченій. Герой, плѣненный славою, мужествомъ всѣхъ превышающій, проницательнымъ окомъ объемлетъ Россійскіе полки: гдѣ нужно отразить стремленіе Монголовъ, тамъ онъ первый является противу смерти; гдѣ потребно разпорядить, подкрѣпить, торжествовать, тамъ умъ его вспомоществуетъ. Кипитъ сѣча ужасная, сталь ударяется о сталь, носятся въ воздухѣ раздробленные щиты, кровь течетъ и дымится на бранномъ полѣ. Сопротивные предводители, воспламеняя ратниковъ, летаютъ по полкамъ и встрѣчаясь крѣпкими мышцами, повергаютъ другъ друга: такъ пали доблественный бояринъ Монастыревъ и смѣлый Куса-

ковъ; такъ низвержены были именитые Татарскіе витязи Хазибей, Ковергуй, Караблукъ. Бегичъ, неутомимый и храбрый Бегичъ, носился вездѣ, сверкающій булатъ его сокрушалъ все; но торжествующая мышца Росса не умедлила сразить и сего грознаго Мамаева вождя. Съ паденіемъ Бегича падаетъ духъ яростныхъ Татаръ, мышцы ихъ слабѣютъ. Димитрій, пламенный въ побѣдѣ, вновь производитъ сильное и быстрое нападеніе, не давая времени непріятелю помыслить ни объ отраженіи Россіянъ, ни о своей защитѣ: тогда Монголы, обратясь въ совершенное бѣгство, спѣшатъ въ отчаяніи унести съ ратнаго поля и срамъ и жизнь свою. Мгла ночи и густаго тумана не можетъ остановить побѣдителей: стремительно преслѣдуя пораженныхъ сопротивниковъ, Россіяне несутъ предъ собою смерть и ужасъ. Покрылось все поле битвы трупами Татаръ; многіе изъ

нихъ захвачены въ плѣнъ и великое число погибло въ волнахъ Вожи.

Достопамятное и славное сраженіе на Вожи происходило въ 11 день Августа 1378 года. Димитрій одержалъ здѣсь совершенную побѣду надъ Бегичемъ, отличнѣйшимъ изъ Монгольскихъ вождей: шатры, доспѣхи, казна, множество богатыхъ товаровъ и знатное число плѣнныхъ были добычею побѣдителя. Такъ младый Герой быстро возносился на ту высоту славы, до которой не многіе полководцы достигаютъ, испытанные лѣтами и бранями продолжительными.

Соорудивъ себѣ первый трофей надъ грознымъ врагомъ, великій Димитрій воспламенилъ духъ всего народа Россійскаго и укрѣпилъ сильныя мышцы ихъ, для нанесенія удара разительнѣйшаго. Такъ, съ хвалою и честію сдѣланъ приступъ къ сверженію поноснаго ига Татарскаго.

Вскорѣ, знаменитые соотечественники, услышите повѣствованіе мое о битвѣ на Куликовомъ полѣ, гдѣ слава озаритъ и увѣнчаетъ лаврами доблестныхъ предковъ вашихъ. Вѣдаете вы, что не взирая на весь блескъ сея побѣды, еще и послѣ оной цѣлый вѣкъ ярмо Монгольское тяготѣло рамена Россіянъ. Двумъ Іоаннамъ предоставлено было спрясти его, разорвать цѣпи и поразить наглыхъ нашихъ притѣснителей: три Царства Монгольскія: Казанское, Астраханское и Сибирское, пали къ стопамъ ихъ; вѣдаете, что и послѣ торжества и знаменитыхъ побѣдъ сихъ двухъ Царей, знатная часть Татаръ, укоренясь въ прекрасной Тавридѣ, не преставала раздирать отечество наше; вѣдаете, что побѣдоносное оружіе Анны (*) со славою гремѣло въ нѣд-

(*) Подъ предводительствомъ славнаго Миниха и Фельдмаршала Ласси.

рахъ сихъ неукротимыхъ враговъ Россіи; но усмирить ихъ не успѣло. Конечное сокрушеніе варваровъ предопредѣлено было новѣйшимъ временамъ. Одинъ превосходный умъ, обогащенный разнообразными дарами щедрой для него природы; полководецъ, славный на поляхъ брани, образцовый въ предуготовительныхъ соображеніяхъ, искусный въ учрежденіи походовъ, глубокомысленный въ составленіи начертаній, строгій блюститель чиноповиновенія воинскаго порядка и благоустройства; вождь, обращавшій неусыпное попеченіе на прокормленіе, содержаніе и сбереженіе ратника, — нѣжный отецъ его; однимъ словомъ, знаменитый Румянцевъ, принявъ отъ Екатерины жезлъ предводительства, является посредѣ храбрыхъ Россіянъ, дабы славу оружія ихъ превознести на пространныхъ долинахъ Молдавіи, Бессарабіи и Валахіи. Возвышенный духъ его возпаляетъ

сердца воиновъ новымъ жаромъ; умъ его учреждая мѣры, основанныя на истинныхъ правилахъ Военной Науки, отвергаетъ всѣ робкія предосторожности, установляетъ новый боевый порядокъ. Румянцевъ, бѣдный числомъ войска, но богатый геройствомъ, разбивъ на Ларгѣ огромное ополченіе Крымскихъ Татаръ, летитъ отъ одной побѣды къ другой, встрѣчаетъ при Кагулѣ самаго Визиря, страшнаго многолюдствомъ, огражденнаго крѣпкими окопами. Герой всѣмъ презираетъ и торжествуетъ надъ надменнымъ противоборникомъ: ужаснувшіяся струи Дуная, бѣжавъ отъ грома Россійскаго оружія, несутъ звуки Румянцева побѣды въ трепещущій Царьградъ. Въ сихъ двухъ сраженіяхъ, незабвенныхъ въ лѣтописяхъ нашихъ, Свѣтъ въ послѣдній разъ видѣлъ въ конецъ пораженныя, сокрушенныя и разсѣянныя по лицу обширныхъ степей силы страшнаго

врага, многія столѣтія въ трепетъ приводившаго Россію. Обширный умъ Сѣверной Завоевательницы, мудро пользуясь обстоятельствами, въ 1783 году присоединилъ къ отечеству нашему прекрасную и великолѣпную Тавриду (*), и симъ ударомъ навсегда изгладилъ въ политическомъ быту существованіе Татаръ: съ того времени обитатели полуденной Россіи начали, въ благорастворенномъ и самомъ счастливомъ климатѣ, дышать свободно, спокойно воздѣлывать плодоносныя пажити, въ радости и веселіи собирать плоды щедрой природы, и въ восторгѣ бла-

(*) Извѣстно, что въ присоединеніи къ Россіи Херсонеса - Таврическаго много содѣйствовалъ и вспомоществовалъ Россійской Монархинѣ Г. Генералъ-Фельдмаршалъ *Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ*, въ воздаяніе важнаго сего подвига Таврическимъ проименованный. См. *Исторію о Тавріи* Митрополита *Богуша-Сестренцевича*, Томъ II, стр. 45 — 46.

годарныхъ сердецъ прославлять благотворную десницу, водворившую между ними миръ и благоденствіе.

Мамай, дыша мщеніемъ за пораженіе войскъ его на Вожѣ, не долго колебался — на кого обратить злобу свою: на побѣдоноснаго ли Димитрія; или на Олега, подозрѣваемаго имъ въ измѣнѣ? Предѣлы перваго были отдаленнѣе, войска многочисленнѣе и сильнѣе: и такъ, смущенныя и кровожадныя мысли Мамая остановились на послѣднемъ; онъ желалъ токмо терзать Россію, и для него все равно было разить того или другаго Князя. Татарскіе отряды быстро двинулись, ворвались въ Рязанскія области; не встрѣчая сопротивленія, опустошали и предавали огню города и селенія. Превративъ все въ пепелъ и пустыню, обратно отошли въ Орду.

Въ сіе время происходили въ Литвѣ несогласія и смятенія за наслѣд-

ство Ольгердово. Прозорливый Димитрій воспользовался таковыми раздорами. Войска, подъ предводительствомъ Владиміра, Князя Андрея Полоцкаго и Димитрія Ивановича Волынскаго, выступили въ походъ; ни глубокій снѣгъ, ни холодъ жестокій, не могутъ остановить мужества ихъ: въ Декабрѣ мѣсяцѣ знамена Московскія развѣваютъ предъ вратами Стародуба, и войска наши скоро покоряютъ оный. При появленіи ихъ у Трубчевска, Князь Димитрій Ольгердовичъ, съ супругою, дѣтьми и всѣмъ дворомъ своимъ, вышелъ изъ города, предавая себя великодушному покровительству Великаго Князя. Такимъ образомъ возвращены Московскому тѣлу древніе члены онаго.

Въ 30 день Августа 1379 года Москва впервые узрѣла смертную казнь. Старшій сынъ послѣдняго Тысяцкаго, Иванъ Вельяминовъ, бѣжавшій въ

Тверь, а оттоль въ Орду, дерзнулъ возвратиться въ Россію. Бѣгство, презрѣніе и неповиновеніе предержащей власти, коварство и ухищренія противу Государя, предательство Отечества, справедливо осудили виновнаго. Знатность породы, кровныя связи со свойкомъ Великаго Князя, не спасли его. Казнь надъ Иваномъ Вельяминовымъ всенародно совершена въ Москвѣ, на Кучковомъ полѣ. Казнь сія, доказывая, что правосудіе Димитрія было нелицепріятно, въ то же время свидѣтельствуетъ, что мудрый и справедливый сей Государь строго наказывалъ порокъ, укрывавшійся подъ могущественнымъ покровомъ силы и милости дворской; съ презрѣніемъ взиралъ на тѣхъ, которые, тщеславясь породою, посрамляютъ и предковъ и себя, и совокупляя безстыдство съ гордостію, унижаютъ почести и санъ, благостію Царей имъ дарованные.

Напослѣдокъ достигли мы, любезные соотечественники, до знаменитѣйшей въ лѣтописяхъ нашихъ эпохи. Приступаю къ повѣствованію происшествій, предшествовавшихъ сраженію на Куликовомъ полѣ, предуготовительныхъ распоряженій и похода Россійскихъ войскъ къ берегамъ Дона.

Неукротимый врагъ благоденствія Россіи, Мамай, иныхъ изгнавъ, другихъ изкоренивъ изъ отраслей царскаго дома Златой Орды, на кровавыхъ потокахъ соорудилъ страшную власть свою. Кипѣла гнѣвомъ и местію свирѣпая душа Татарина, жаждала скорѣе погубить доблественнаго Димитрія, рѣшившагося свергнуть съ Россіи поносное ярмо, невлявшаго, подобно прежнимъ Князьямъ, покорности Ханамъ, и даже презиравшаго ихъ; жаждала отмстить за жестокое пораженіе на Вожѣ лучшихъ и отборнѣйшихъ Ордынскихъ войскъ. Недостаточными казались Мамаю соб-

ственныя силы; казнохранилища его обиловали несмѣтнымъ богатствомъ, отвсюду нахищеннымъ: онъ разкрылъ ихъ, щедрою рукою сыпалъ золото, прельщалъ, привлекалъ къ себѣ единомышленниковъ, разсылалъ приверженцевъ своихъ по всѣмъ улусамъ Татарскимъ и сосѣднимъ странамъ, повелѣвъ поспѣшно собирать, нанимать ратниковъ: ослѣпленные дарами, обольщенные стяжаніемъ богатыхъ корыстей, питаемые надеждою, стекаются удалые храбрецы съ предѣловъ моря Хвалынскаго и Понта Эвксинскаго, съ хребтовъ высокаго Кавказа, отъ береговъ Волги и Дона. Мамай видитъ въ повелѣніяхъ своихъ страшное ополченіе, составленное изъ Татаръ разныхъ Ордъ, Турокъ, Черкесовъ, Ясовъ, Тавріійскихъ Генуэзцевъ. Дѣеписатели полагаютъ силы сіи до милліона (*). Таковою грома-

(*) *Рычковъ*, въ опытѣ Казанской Исторіи, стр. 41, полагаетъ собранныя Мамаемъ силы

дою вознамѣрился Мамай раздавить Россію.

Олегъ Рязанскій забывъ, что въ груди его бьется сердце Русское, что въ жилахъ его течетъ кровь славная, въ сей грозный часъ посрамляетъ себя неслыханнымъ вѣроломствомъ, и предаетъ имя свое вѣчному проклятію. Олегъ, столь же хитрый умомъ, сколь коварный душею, свѣдавъ о замыслахъ Мамая, спѣшитъ предварить Ягеллона Литовскаго, дѣлаетъ ему зловредныя противу Великаго Князя Россійскаго внушенія: оба отправляютъ пословъ въ Орду,

---

въ 1,200,000 человѣкъ; *Лызловъ*, Скиө. Ист. I часть, 54 стр., въ 700,000; — Преосвященный Митр. *Платонъ*, Цер. Рос. Ист. 207 стр. 800,000; — *Татищевъ*, Исторія Росс. Т. IV, стр. 157, въ 800,000; — *Щербатовъ* Ист. Рос. Томъ IV, стр. 157, въ 800,000; — *Мальгинъ* Зерц. Рос. госуд., стр. 240, отъ 800,000 до 1,200,000; — *Нехачинъ*, Ядро Рос. Ист. Ч. I, стр. 467, въ 800,000.

предаютъ себя покровительству Мамая, предлагаютъ ему и войска и пособія. Надменный властолюбецъ объявляетъ, что, обилуя неисчислимыми силами, не имѣетъ онъ надобности въ услугахъ ихъ; но видя преданность къ себѣ Ягеллона и Олега, милостиво пріемлетъ покорность ихъ. Истина никогда не озаряетъ страстей: Олегъ и Ягеллонъ раболѣпно простираютъ выи свои подъ кровавый яремъ Ордынскаго повелителя.

Тогда Мамай не зрѣлъ препонъ тщеславію своему; всѣ помышленія его были заражены одною страстію, сокрушить ненавистную для него Россію; онъ собралъ предъ себя Монгольскихъ вельможъ и произнесъ къ нимъ: »Московскій Князь »дерзнулъ сопротивляться власти »моей; дерзнулъ побить избраннѣйшихъ нашихъ полководцевъ. Я »иду не для того, чтобы сражаться »съ Димитріемъ: не осмѣлится онъ

»показаться предъ нами; устрашась »единаго величества имени моего, »убѣжитъ и сокроется въ дальнихъ »и непроходимыхъ мѣстахъ. Иду для »того, дабы въ конецъ истребить »враговъ нашихъ, раздѣлить Русскія »земли между вами, любезными мои»ми сподвижниками. Да прославится »имя ваше въ странахъ Московскихъ; »да вознесется честь моего, и страхъ »величества нашего да оградитъ на»всегда наши жилища!« Не замедлило несмѣтное Татарское ополченіе двинуться въ походъ, вскорѣ приблизилось къ Рязанскимъ предѣламъ и разбило огромный и пространный станъ на берегахъ Воронежа.

Мамай, свирѣпый, кровожадный, приближается отъ юга съ громадою войскъ, удобною потрясти всю вселенную; коварный Олегъ въ сердцѣ Россіи изощряетъ гибельныя стрѣлы, а снѣдаемый завистію Ягеллонъ несетъ отъ Запада мечъ на пораже-

ніе наше. Возможно ли вообразить положеніе опаснѣйшее, бѣдственнѣйшее, злополучнѣйшее? — Столь же яростная буря принеслася на Россію отъ Запада Европы, въ 1812 году. Подобный въ властолюбіи и тщеславіи Мамаю, но въ ухищреніи и военномъ искуствѣ превосходнѣйшій честолюбецъ, избалованный счастіемъ и удачею въ бояхъ, Наполеонъ, среди всѣхъ ужасовъ народнаго возмущенія, окровавленными руками похищаетъ державу Монарховъ Французскихъ и дерзновенными стопами восходитъ на престолъ Бурбоновъ. Опровергнувъ постановленія древнія, поправъ священнѣйшія права народовъ, возмутивъ Европу, обагривъ Италію, Испанію и всю Германію потоками крови человѣческой, Наполеонъ, какъ свирѣпый тигръ, подымается на Россію. Подобно Мамаю, не поставляетъ онъ предѣловъ высокомѣрію своему; подобно ему, обилуетъ несчетными

сокровищами, со всѣхъ странъ нахищенными; подобно Монголу, не довольствуется силами Французскими, привлекаетъ подъ свои знамена и Австрійца, гордящагося древностію дома своего, и величаваго Испанца, съ неимовѣрными усиліями оспоривающаго обладаніе Пиренейскаго полуострова, и Пруссака, возпламенѣннаго славою побѣдъ, Великимъ Фридрихомъ стяжанныхъ, и Италіянца непомнящаго о славѣ Цезаревой. — Двѣ сіи эпохи весьма подобны; обѣ были важнымъ испытаніемъ героевъ, обѣ послужили къ торжеству ихъ. Димитрій и Александръ, крѣпкіе надеждою на Бога, любимые народомъ славнымъ, уповающіе на вѣрность и силу воинства храбраго; и тотъ и другій, великіе въ бѣдствіяхъ, противопоставили ожесточенному року грудь неустрашимую. Непоколебимая твердость сихъ Вѣнценосцевъ спасла и поддержала Россію на краю бездны:

высокомѣріе и величество Мамая погрязли въ волнахъ Дона; слава и могущество Наполеона улетѣли съ дымомъ пожара, пожравшаго Москву.

Между тѣмъ, какъ злоба, вѣроломство и зависть, составивъ крѣпкій союзъ, изготовляли Россіи неизбѣжную погибель,—дѣятельный и прозорливый Димитрій, всегда помышлявшій объ отраженіи враговъ, не въ праздности проводилъ время: онъ пріумножалъ, учреждалъ, образовывалъ Московскіе полки. Среди таковыхъ упражненій, Государь получаетъ внезапную вѣсть, что Мамай собралъ несмѣтныя силы и намѣревается вторгнуться въ предѣлы Россійскіе.

Представился подвигъ многотрудный: надлежало преодолѣть междоусобіе и взаимное соперничество Князей Россійскихъ; надлежало частныя ихъ выгоды мудро преклонить предъ общею пользою отечества; съ ма-

лонадежными средствами восторжествовать надъ грознымъ врагомъ, могущественнымъ и силами и пособіями.

Въ сіе опасное мгновеніе, Димитрій, рѣшительно шествовавшій къ предначертанной цѣли, не ужасаясь ни враговъ, ни препонъ, явилъ все обиліе ума своего, и къ отвращенію ударовъ бури и огражденію безопасности отечества принялъ дѣятельныя мѣры. Всѣхъ мѣстныхъ Князей потщился искусно возбудить: однихъ обласкалъ любочестіе, другихъ подвигнулъ обѣщаніемъ наградъ, иныхъ прелестію добродѣтели своея и пользою Россіи преклонилъ. Употребивъ и власть и благопривѣтливыя внушенія, немедленно отправилъ нарочныхъ гонцевъ къ Владиміру, приглашая его скорѣе прибыть въ Москву; къ зависѣвшимъ отъ него удѣльнымъ Князьямъ и къ сословіямъ Новгородскому и Псковскому, повелѣвая имъ поспѣшно изготовить ополченія свои;

а къ Михаилу Тверскому, прося его, предавъ забвенію прежніе споры и распри, помышлять о спасеніи Россіи. Къ чести послѣдняго надлежитъ упомянуть, что Михаилъ, съ благороднымъ великодушіемъ погасивъ искры долговременной вражды, неукоснительно двинулъ войска свои на защиту отечества; а въ похвалу прочихъ Князей сказать должно, что всѣ они спѣшили явить ревность и усердіе въ подвигѣ столь знаменитомъ.

Среди сихъ пріуготовленій, вдругъ неожиданно прибываютъ въ Москву отъ Мамая послы съ требованіемъ дани, каковая платилася при Царяхъ Азбякѣ и Джанибекѣ, а не той, которая по послѣднимъ условіямъ, въ видѣ даровъ, ежегодно доставляема была. Почитая сіе оскорбительнымъ величеству сана своего, Димитрій съ благородною гордостію отвергнулъ предложеніе. Татарскіе послы на-

дменно объявивъ: »Мамай съ великою силою стоитъ за Дономъ!« удалились.

Добродѣтельный Димитрій, любя народъ Русскій и поставляя благоденствіе его своимъ собственнымъ, желалъ употребить всѣ способы, согласные съ достоинствомъ государства, къ отвращенію кровопролитія: побуждаемый состраданіемъ къ человѣчеству, въ слѣдъ за Монгольскими послами, отправилъ къ Мамаю и своего Посла съ богатыми подарками, повелѣвъ стараться — всемѣрно смягчить гнѣвъ свирѣпаго врага и внушить ему миролюбивыя чувства, но отнюдь не унижая отечества: ибо вѣдалъ мудрый Государь, что прежде всего надлежитъ сохранить честь Россіи. Посланнику поручено было освѣдомиться, сколько можно обстоятельнѣе, о силахъ и замыслахъ непріятеля. Отправленный къ Мамаю Посолъ, Захаръ Тютчевъ, мужъ знаменитый родомъ, умомъ и возвы-

шенностію души, съ достоинствомъ исполнилъ порученіе свое, но не успѣлъ укротить лютаго Монгола. Проходя Рязанскія области, Тютчевъ подробно узналъ о предательствѣ Олега и тотчасъ донесъ о семъ въ Москву.

Между тѣмъ, дабы имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія о непріятелѣ, Великій Князь отправилъ въ поле храбрыхъ наѣздниковъ Ржевскаго, Волосатаго и Тупика, повелѣвъ имъ расположиться на рѣчкѣ Быстрой-Соснѣ (*), бди-

---

(*) Рѣка Быстрая-Сосна течетъ изъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ., чрезъ Ливенской и Елецкой, и впадаетъ въ Донъ. Въ *Книгѣ большаго чертежа* при описаніи рѣки Дона сказано, что на устьяхъ Фошны и Черпавы на р. Быстрой-Соснѣ находятся броды, чрезъ которые Татарове лазятъ въ Русь, а въ последнемъ мѣстѣ, чрезъ которое проходила Калміуская дорога, стояли, въ лѣтнее время, заставныя головы съ сотнями. *Калміуская* дорога шла чрезъ Ливны, Осколъ и Валуйку къ Азовскому морю въ Царевъ-

тельно наблюдать за движеніемъ непріятеля, стараться захватить плѣнныхъ и доставить ихъ ко Двору.

Извѣстіе полученное отъ Тютчева опечалило Великаго Князя, но не поколебало твердости духа его. Вскорѣ потомъ наѣздникъ Тупикъ доставилъ плѣннаго Татарина, который объявилъ, что Мамай, съ огромною силою, находится на берегахъ рѣки Воронежи; что онъ предпріемлетъ напасть на Россію, но не спѣшитъ походомъ, поджидая къ осени собранія жатвы и плодовъ земныхъ, также и соединенія съ Ягеллономъ.

Тогда Димитрій созвалъ Совѣтъ, пригласивъ на оный Митрополита, Князей и знатнѣйшихъ бояръ. Объявивъ Совѣту, что Мамай угрожаетъ напасть на Россію; что предатель

городъ; названа, вѣроятно, по *Міусскому* лиману сего моря, къ коему она приближалась, и по рѣкѣ *Калкѣ*, тамъ протекающей.

Олегъ разрываетъ связи съ отечествомъ, а Ягеллонъ готовъ соединиться съ Монголами; что враги многочисленны, опасности велики, — Государь напомнилъ древнюю славу предковъ своихъ, лавры, во дни его стяжанные, и рѣшительно изъявилъ волю свою спасти отечество, не уступая врагамъ чести и славы Россіи. *Богъ благословляетъ предназмѣреніе твое, Государь!* отвѣтствовалъ Митрополитъ, и все собраніе единодушно удостовѣрило Великаго Князя въ непоколебимой вѣрности своей. Немедленно отправили повсемѣстно повелѣніе, дабы всѣ войска выступили и собрались въ Коломнѣ 31 Іюля.

Предположивъ твердо спасти отечество, низпровергнуть Монгольское иго и возвратить Россіянамъ утраченную свободу, Димитрій не жалѣлъ ни сребра, ни злата, для вооруженія войскъ своихъ. Прозорливый Государь, вѣдая непріятеля, съ коимъ

сразиться надлежало, повелѣлъ всѣхъ ратниковъ снабдить хорошими и крѣпкими луками, со множествомъ стрѣлъ, топорами изъ чистаго желѣза или стали, панцырями и щитами съ долгими ремнями. Желѣзо на стрѣлахъ и копіяхъ повелѣлъ закалить въ соленой водѣ, чтобы оно могло лучше пробивать непріятельскія латы; у мечей и пикъ придѣлать крюкъ, дабы стаскивать Татаръ съ сѣдла.

Изготовляя себя на столь важный подвигъ, благочестивый Димитрій пошелъ въ монастырь Св. Троицы, дабы тамъ принести теплыя молитвы предъ Престоломъ Всемогущаго о низпосланіи благодати, и принять благословеніе отъ Настоятеля обители сей, бывшаго въ великомъ уваженіи у всего Россійскаго народа. Преподобный Сергій, со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца, торжественно совершилъ усерднѣйшія мольбы. Великій Князь, теплый вѣрою къ Богу, по-

желалъ, чтобы посредѣ браноноснаго воинства его явились два юныхъ богатыря полка Чернеческаго, Пересвѣтъ (*) и Ослябъ, извѣстные знаменитымъ своимъ мужествомъ, силою тѣлесною и знаніемъ военнаго ремесла. Достопочтенный Игуменъ съ особеннымъ удовольствіемъ склонился выполнить велѣніе Великаго Князя, и вскорѣ отпустилъ витязей сихъ въ походъ, снабдивъ ихъ бронею, шишаками златыми и оружіемъ; повелѣвъ имъ въ лютой часъ битвы покрывать блескъ шлёмовъ освященными схимами, съ изображеніемъ на нихъ вышитаго въ золотомъ полѣ животворящаго Креста.

При отшествіи Димитрія изъ обители, мудрый Сергій торжественно

(*) *Пересвѣтъ* былъ изъ боярскаго рода *Брянскихъ*, почитался славнымъ богатыремъ, имянитымъ и искуснымъ ратникомъ Чернеческаго полка Св. Троицкаго монастыря.

предъ лицемъ во множествѣ стекшагося народа, велегласно произнесъ: »Господь Богъ будетъ тебѣ помощ»никъ и защита! Ждетъ Мамая ко»нечное погубленіе и запустѣніе; те»бѣ же отъ Господа Бога и Пречи»стыя Богородицы и Святыхъ Его »заступленіе и милость и слава!«

Между тѣмъ мѣстные и удѣльные Князья, ревнуя о спасеніи отечества, совокупляли силы свои во едино тѣло. Погасивъ раздоры и междоусобія, съ горячимъ усердіемъ помышляли они о славѣ Россіи: добродѣтель Димитріева произвела сіе чудо. Всѣ начали приводить въ Коломну войска свои: ужѐ явился тамъ изъ нѣдръ досужей области, занимающейся сооруженіемъ судовъ и плаваніемъ по рѣкамъ, знаменитый мужествомъ Князь Иванъ Всеволодовичъ Холмскій съ храбрыми и испытанными во браняхъ Тверскими войсками, обильно снабженными отъ попечительнаго Михаила и оружіемъ и

запасами всякими. Вскорѣ прибыли съ пространныхъ равнинъ сильные, статные и прекрасные воины, длинными копіями вооруженные, подъ предводительствомъ неустрашимыхъ Ярославскихъ Князей: Андрея и Романа Прозоровскихъ, Льва Курбскаго и Димитрія Ростовскаго. Оставя обширныя поля и луга, богатые рыбными ловитвами и почасту озаряемые сѣвернымъ сіяніемъ, предстали и Князья Бѣлозерскіе: Ѳеодоръ Романовичъ съ сыномъ, Симсонъ Михайловичъ, Князья Андрей Кемскій и Глѣбъ Цидонскій: герои сіи, питая въ грудяхъ своихъ пламенную храбрость, вливали оную въ сердца одѣтыхъ желѣзными доспѣхами смѣлыхъ и хитрыхъ ратниковъ, силу мышцъ коихъ испытали окрестные варварскіе народы. Поспѣшили явиться и покрытые кожами звѣрей, дремучіе лѣса ихъ наполняющихъ, въ крѣпости подобные льдамъ, большую часть года объемлющимъ рѣки сне-

жистыхъ ихъ странъ; пріучившіе руки къ ловлѣ и стрѣлянію звѣрей, обитатели хладныхъ береговъ Сухоны, Вычегды, Сѣверныя Двины, возвышеннаго Андома и Устюга простирающаго торгъ свой до предѣловъ Китайскихъ, руководимые рѣшительными Князьями Устюжскимъ и Андомскимъ. Напослѣдокъ показался оперщійся на твердый жезлъ свой, въ маститой старости величавый Димитрій, Князь веселыхъ и плодоносныхъ странъ, орошаемыхъ струями благотворной Волги, при сліяніи коей съ Окою днесь зримъ средоточіе богатой торговли Азіи и Европы; Князя сего сопровождали Нижегородскія и Суздальскія войска, укрѣпившія силы мышцъ своихъ въ бѣдствіяхъ и непрерывныхъ браняхъ. Коломна увидѣла огромный станъ, на необъятномъ пространствѣ коего повсюду въ сердцахъ храбрыхъ ратниковъ кипѣла геройская любовь къ отечеству и Государю.

Тогда Великій Князь повелѣлъ и Московскимъ полкамъ изготовляться къ слѣдованію въ Коломну. Августа въ 20 день 1380 года (*), отслушавъ Божественную Литургію въ соборной церкви, Димитрій палъ ницъ предъ иконою Пресвятыя Богоматери и со слезами велегласно молилъ Господа

(*) Въ разсужденіи времени выступленія изъ Москвы, слѣдованія на Донъ, прибытія туда и возвращенія по побѣдѣ въ столицу, я послѣдую сказанію Г. *Татищева*, какъ ближайшему къ вѣроятности: иные лѣтописцы и дѣеписатели, не принявъ въ соображеніе разстоянія мѣстъ; не обдумавъ, что нѣтъ возможности двигать 200,000 армію съ подобною легкостію и быстротою, съ каковою летаютъ казачьи или летучіе отряды, переносятъ огромное Димитріево ополченіе въ сутки изъ Москвы въ Коломну, а въ три дня на Донъ, когда истокъ сей рѣки отстоитъ по прямой линіи отъ Москвы въ 200 верстахъ; другіе, напротивъ того, заставляютъ Димитрія вяло тащуться изъ Коломны на Куликово поле восьмнадцать сутокъ.

Бога заступить и оградить щитомъ Своимъ Россію, не дать на раззореніе града сего Мамаю, смирить сердце гордыхъ враговъ, подать намъ всеблагую руку помощи; укрѣпить въ единодушіи, мужествѣ и безстрашіи; іріосѣнить Россіянъ Святою благодатію Своею и устроить мышцы ихъ къ побѣдѣ! — Герой благочестивый! Слова твои потрясли души всѣхъ Россіянъ, возпламенили ихъ жаромъ любви къ отечеству, укрѣпили несомнѣнною надеждою на Бога. Великіе народы съ восторгомъ внемлютъ устамъ вѣнценосной добродѣтели. Движимый благочестіемъ, шествовалъ Государь и въ другіе храмы Божіи, приложился ко Святымъ мощамъ и поклонился праху предковъ своихъ.

Исполнивъ съ теплымъ усердіемъ долгъ Христіанина, явился герой предъ лицемъ ополченія: здѣсь, принявъ торжественно последнее благо-

словеніе отъ Преосвященнаго Митрополита, обнялъ бояръ знаменитыхъ, поцѣловалъ милыхъ сыновъ, Василія и Георгія, прижалъ къ вѣрному и пламенному сердцу своему Евдокію, въ мрачную скорбь погруженную и проливавшую горькія слезы. Одѣтый въ богатыя и великолѣпныя воинскія убранства, облеченный Княжескою багряницею, садится Димитрій на быстраго и прекраснаго коня; скрывая печаль въ груди твердой, произноситъ къ неутѣшимой Княгинѣ: «Не плачь, любезная супруга! Аще «Богъ по насъ: то кто на ны?« Милостиво прощается съ народомъ, въ великомъ множествѣ стекшимся, и какъ горделивый соколъ, въ побѣдѣ удостовѣренный, летитъ изъ Москвы, сопутствуемый Князьями, дворомъ и дружиною (*).

(*) Въ прежнія времена каждый изъ Князей и бояръ Русскихъ имѣли при себѣ дружину въ числѣ соразмѣрную способамъ богат-

Дабы войска свободнѣе могли достигнуть Коломны, назначены были для слѣдованія различные пути (*); онѣ вышли изъ столицы чрезъ Никольскія, Флоровскія и Константино-Еленскія ворота. Поставленные въ оныхъ Пресвитеры съ причетомъ, благословляли проходившіе полки и окропляли ихъ освященною водою.

ства владѣтелей. Къ знаменитымъ людямъ мужествомъ и искуствомъ, стекались отвсюду молодые воины, жадничая научиться воинскому ремеслу, пріобрѣсти похвалу и награду. Повелителю ихъ посвящали они храбрость, вѣрность и кровь свою. Составлявшіе дружины княжескія въ послѣдствіи времени названы дворянами.

(*) *Стриттеръ*, пользовавшійся рукописнымъ описаніемъ похода на Донъ на Рос. языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, (которое, хранится въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и доселѣ къ крайнему сожалѣнію не издано въ свѣтъ), пишетъ въ своей *Ист. Россійс. Госуд.* ч. II, стр. 450, что войска вышли изъ Москвы тремя отдѣленіями: на Котлю, Брашевъ и Болваново.

Казалось, что сама природа принимала участіе въ достохвальномъ подвигѣ Россійскихъ героевъ: солнце, благотворно согрѣвая ополченіе, въ лучахъ своихъ отражало блескъ доспѣховъ и шлемовъ; а пріятный вѣтерокъ освѣжая воздухъ, вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ крѣпкія плеча ратниковъ Московскихъ предѣловъ — страны, коей жители, совокупляя и ловкость, и бодрость, и силу тѣлесную, славятся своею и нѣжныхъ женъ красою, которые, обилуя многими дарами щедрой природы, подаютъ собою образецъ подражанія прочимъ областямъ обширной Россіи.

Прозорливость и попечительная заботливость Великаго Князя простирались на всѣ вѣтви. Дабы воинство совершенно обезпечено было въ пропитаніи и въ снабженіи всѣми потребностями, повелѣлъ онъ слѣдовать за собою честнымъ, дѣятельнымъ и свѣдущимъ торговцамъ; возложивъ

на нихъ обязанность, въ случаѣ надобности, заготовлять и закупать припасы. Предосторожность необходимая и достойная великаго вождя.

По приближеніи Великаго Князя къ Коломнѣ 24 Августа, Князья и воеводы встрѣтили Главу ополченія и вѣнценоснаго Повелителя своего на рѣчкѣ Сѣверкѣ, Епископъ Герасимъ со всѣмъ соборомъ у городскихъ воротъ, а радостное восклицаніе народа и воинства препроводило Государя въ Коломну.

Димитрій, желая обозрѣть ополченіе, повелѣлъ всѣмъ полкамъ на другой день собраться на полѣ, по Серпуховской дорогѣ. Великій Князь, объѣхавъ всѣ ряды, внимательнымъ окомъ осмотрѣлъ многочисленныя и прекрасныя войска, въ стройномъ чинѣ соединенныя (*).

(*) Число войскъ, сошедшихся въ Коломну, лѣтописцы и дѣеписатели наши полагаютъ различно: Г. *Карамзинъ*, Ист. Рос. Госуд.

Повиновеніе гласу Димитрія двинуло сіи войска; усердіе собрало, а любовь къ отечеству воспламенила сердца ратниковъ. Онъ зрѣлъ ополченіе, каковое едвали когда видѣла Россія. Что восхвалить имѣю? Благоустройство полковъ, или мужество, ихъ одушевлявшее? Умъ мой удивляется имъ.—Красоту ли одеждъ? онѣ, блескомъ шлемовъ и доспѣховъ ослѣпляли взоръ. — Геройскую ли преданность къ Россіи? Преданность сія восхищаетъ и плѣняетъ сердца потомковъ.

Сообщивъ полководцамъ предначертаніе похода, Великій Князь принялъ предводительство надъ срединою ополченія, назначивъ въ оную Князей Бѣлоозерскихъ съ ихъ войсками; правое крыло ввѣрилъ Владиміру, а лѣ-

---

Т. V., стр. 65 въ 150,000. — *Татищевъ*, Истор. Рос. к. IV, стр. 273, 200,000. — *Стриттеръ*, Рос. Ист. II час. стр. 4‑0 въ 200,000, не включая Новгородскихъ.

вое поручилъ Князю Глѣбу Брянскому. Князья Димитрій и Владиміръ Всеволодовичи повелѣвали передовымъ полкомъ, а въ сторожевый назначенъ былъ Князь Димитрій Нижегородскій. По учиненіи сихъ распоряженій, Епископъ Герасимъ началъ совершать молебное пѣніе; посредѣ раздававшихся въ воздухѣ теплыхъ моленій, является Новгородскій Воевода съ извѣстіемъ, что сословіе, дышавшее древнею славою, торговля коего нѣкогда обнимала всю Европу, усердно желаетъ содѣйствовать знаменитому подвигу Государя, и прислало ему сильное пособіе (*). Тогда все ополченіе, съ радостнымъ сердцемъ и ве-

---

(*) *Стриттеръ*, Рос. Ист. Часть II, стр. 452 — 53, говоритъ, что Новгородцы прислали 40,000 человѣкъ. Въ *Краткой Рос. Ист изданной для народныхъ училищъ*, на стр. 28, такъ же упомянуто, что Новгородцы отправили къ В. Князю таковое число войска.

селымъ духомъ, неробкими шагами выступило изъ Коломны на встрѣчу непріятеля.

Первый станъ, для отдохновенія войска, учрежденъ былъ при устіи Лопасны, гдѣ рѣчка сія сливается съ Окою: тутъ явился Воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ (*), съ знатными силами (**). Любовь къ отечеству и усердіе къ Государю, какъ два непреложныя свойства, характеръ Россійскаго народа составляющія, возбудили всѣхъ подъять оружіе: бояре, дворяне, торговцы, ремэслениики, поселяне; всѣ, по воз-

---

(*) Сей Вельяминовъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, близкому къ истинѣ, былъ братъ послѣдняго Тысяцкаго.

(**) *Стриттеръ* Росс. ист. II часть, стр. 454, — *древній лѣтописецъ* часть II, стр. 30. — *К. Щербатовъ* ист. Рос. томъ IV, стр. 143. — *Никонъ* Рус. лѣт. част. IV, стр. 102. — *Татищевъ* Ист. Рос. книга IV, стр. 273, — *Рос. лѣтопись по списку Софійскому*, часть I, стр. 301.

званію Государя, исторгаютъ себя изъ объятій нѣжныхъ родителей, забываютъ прелести красоты, оставляютъ милыхъ дѣтей; всѣ спѣшатъ къ Герою нашему.

О возвышеннѣйшая добродѣтель — Любовь къ отечеству! Цвѣтутъ тѣ страны, гдѣ ты обитаешь; блаженствуютъ народы, напояющіе свои души тобою; превознесенны Цари, тобою плѣненные. Гдѣ ты, тамъ дышатъ спокойствіе, благоденствіе, тишина; гдѣ ты, тамъ гремятъ побѣды, сіяетъ слава. Изящнѣйшая любовь къ отечеству! никогда не оставляй Россіи, питай сердцà сыновъ ея своею сладостію, укрѣпляй ихъ во дни бѣдствій, смиряй во счастіи.

Великій Князь, опредѣливъ искусныхъ предводителей во вновь приведенныя войска, повелѣлъ Вельяминову, съ извѣстною его рачительностію, поспѣшнѣе составлять и образовать полки изъ сихъ и другихъ войскъ не-

пресшанно во множествѣ стекавшихся, и неукоснительно привести на Донъ; тщательно между тѣмъ примѣчая за поступками Князя Рязанскаго. Воля мудрыхъ и добродѣтельныхъ Монарховъ всегда совершается скоро и усердно: Вельяминовъ успѣшно выполнилъ порученіе, на него возложенное.

Переправясь чрезъ Оку (*), Димит-

(*) Видно, что для сбора войскъ назначены были два пункта: г. Коломна и р. Лопасня. Въ послѣднемъ мѣстѣ Димитрій перешелъ Оку. Отселѣ можно было направить походъ на Дедиловъ, т. е. на бывшую Муравскую дорогу; но въ семъ случаѣ необходимо надлежало, не переходя р. Шатъ, поворотить влѣво и пробраться къ Иванъ-озеру, дабы тамъ переправиться за Донъ: ибо сраженіе дано на Куликовомъ полѣ, на берегахъ Непрядвы и Дона; слѣдовательно, еслибъ, продолжая походъ за Шатъ, послѣ поворотить влѣво къ Куликову полю, тогдабъ Донъ остался въ сторонѣ и не предсталобъ надобности переправляться чрезъ него. Но поелику Великій Князь, предъ знаменитою

рій безостановочно продолжалъ походъ, издавъ строжайшее повелѣніе, дабы воинство, слѣдуя чрезъ Рязанскія области, отнюдь не дѣлало никакихъ

битвою, имѣлъ переправу на Дону, то и долженствовалъ онъ прійти къ сей рѣкѣ со стороны Венева. Отъ Москвы, чрезъ Лопасню и Дедиловъ, до Иванъ-озера около 320 верстъ.—И такъ я полагаю, что Димитрій, по переправѣ чрезъ Оку у Лопасни, поворотилъ, для сокращенія разстоянія, прямо на Узековъ, а оттоль пошелъ къ верховью Дона. Такимъ образомъ весь путь отъ Москвы, чрезъ Коломню, Каширу, Лопасню и Веневъ, до Иванъ-озера составитъ 250 в. На дорогѣ отъ Венева къ Епифани, слѣдовательно и къ Дону, есть село Березово, которое легко можетъ быть то урочище, которое лѣтописцы называютъ Березой; на сей же дорогѣ видны слѣды старинныхъ укрѣпленій (см. *Топогр изв. для полн. геогр. опис. Рос. Имп.* ч. III, стр. 240): быть можетъ, что укрѣпленія сіи суть остатки смутныхъ временъ, когда при появленіи лже-Димитріевъ Тульская губернія служила театромъ кровопролитныхъ битвъ, но съ тою же вѣроятностію можно относить оныя и ко времени Донскаго.

безпорядковъ и оскорбленій жителямъ. Въ семъ поступкѣ съ удовольствіемъ усматриваемъ, что Димитрій превышалъ свой вѣкъ, гнушаясь опустошеніями, современниковъ его повсюду сопровождавшими; усматриваемъ, что кротость его, смягчая суровость нравовъ предковъ нашихъ, поучала воиновъ, что мышца ихъ создана на защиту отечества и не долженствуетъ безславить себя грабительствомъ.

Олегъ, коего коварство изготовляло бѣдствія для Россіи, услышавъ о приближеніи Великаго Князя со многочисленными силами, смутился духомъ; безпокойство преслѣдовало его днемъ, сонъ бѣжалъ отъ глазъ предателя; страшныя предчувствія терзали душу его ночью: таково состояніе порочнаго сердца! Недоумѣвалъ Олегъ, что предпринять? куда обратить мысли? чьего искать покровительства? Не обрѣталъ онъ для

сего пособія, ни въ ухищренномъ умѣ своемъ, ни въ совѣтѣ бояръ Рязанскихъ. Побѣда обоихъ ополченныхъ соперниковъ равно ужасала его. Страшился онъ Мамая раздраженнаго; страшился Димитрія, многократно коварствомъ его оскорбленнаго; страшился и всѣхъ Князей, вѣдавшихъ и тщеславное любочестіе его и жадность къ корысти. Терзаемый страхомъ Олегъ предположилъ, не присоединяясь ни къ той, ни къ другой сторонѣ, ожидать отъ судьбы рѣшенія, къ кому побѣда повергнетъ его.

Съ быстротою продолжая походъ, Великій Князь въ десять сутокъ съ огромнымъ ополченіемъ перешелъ болѣе двухъ сотъ верстъ, и Сентября въ 1 день 1381 (*) года достигъ

(*) На соборѣ въ Москвѣ въ 1342 году, при Митр. Ѳеогностѣ, постановлено было: начало года не считать болѣе съ весенняго равноденствія, но съ 1 числа Сентября (см.

урочища, именуемаго Береза, за двадцать и три поприща (*) до рѣки Дона (**). Здѣсь Димитрій получаетъ пособіе, какъ бы съ небесъ низшедшее: сыны Ольгерда Литовскаго, князья Андрей Полоцкій и Димитрій Брян-

---

Татищева Ист. Рос. кн. I, стр. 67; *Лѣт. Димитрія Рост.* ч. I, стр. 91; *Житіе Петра Б.* изданное *Дим. Өеод.* въ Венеціи, ч. I, стр. 250; *Крат. введ. въ бытописаніе Всерос. Имп.* стр. 108); слѣдовательно, прибытіе Димитрія на Донъ и славная побѣда на берегахъ онаго происходили въ 1381 году, а не въ 1380, какъ нѣкоторые дѣеписатели полагаютъ.

(*) Поприще состояло изъ восьми стадій; стадій или стадіонъ имѣлъ 125 кроковъ или 250 ступеней; слѣдовательно поприще заключало въ себѣ 2000 мѣрныхъ шаговъ, что составитъ нынѣшнюю Россійскую 1 версту 166 сажень 2 аршина (см. *Лексиконъ Славено-Росскій*, изд. *Берындою* 1653 г. стр. 112 и 155).

(**) На дорогѣ отъ Венева къ Епифани находится село Березово (см. *Топог. изв. для полит. географ. опис. Рос. Имп.* Ч. 3, стр. 240); село сіе означено и на подробной картѣ Рос-

скій, воспламененные вѣрою (*) и возбуждаемые славою, привели съ собою знатныя и благоустроенныя силы. Вмѣстѣ съ ними прибыло и Псковское ополченіе (**). Великій Князь, несказанно обрадованный появленіемъ

сійской Имп., изданной при Депо-картъ и отстоитъ оно отъ вершины Дона около 30 в., слѣдовательно почти въ томъ же разстояніи, какъ и Береза, упоминаемая лѣтописцами.

(*) Хотя Литва, въ это время, не озарена еще была свѣтомъ Евангельскаго ученія; но сіи Князья исповѣдывали ужѐ Христіанскую вѣру (см. *Ист. раз. Славян. Нар. Іоан. Раича*, стр. 183).

(**) Слѣдующіе лѣтописцы и дѣеписатели утверждаютъ, что Кн. Полоцкій и Брянскій и Псковскія силы соединились съ Великимъ Княземъ у Березы, близъ Дона: *Татищевъ*, Рос. ист., IV кн., 274 стр. — *Синопсисъ* ст. 152. — *Никонъ*, часть IV; ст. 104 — 105: *Древній лѣтописецъ* II часть, стр. 33.— *К. Щербатовъ*, томъ IV, часть I. стр. 146.,— *Стриттеръ* Рос. Ист. II часть, стр. 457. Силы сихъ Князей вмѣстѣ съ Псковскими полагаютъ до 70.000 человѣкъ.

Князей Полоцкаго и Брянскаго, принялъ сихъ знаменитыхъ вождей и все ихъ воинство съ явными знаками благоволенія, осыпалъ похвалами и щедро одарилъ; а для сообщенія сего важнаго извѣстія Великой Княгинѣ и добрымъ обитателямъ престольнаго града своего, немедленно послалъ нарочныхъ гонцовъ.

Мамай пребывалъ на восточной сторонѣ Дона при устьѣ рѣки Воронежа. Великій Князь послалъ, подъ начальствомъ отличнаго храбростію Воеводы Семена Мелика, конный отрядъ, въ подъѣздъ къ непріятельскому стану. Придавъ въ помощь сему Воеводѣ отважныхъ, опытныхъ и знающихъ всѣ пути наѣздниковъ: Игнатія Кренина, Ѳому Тынина, Петра Горскаго, Петра Чирикова, Карпа Александрова и иныхъ, — повелѣлъ обозрѣть отводную стражу Татарскую, бдительно наблюдать за движеніями непріятеля,

дабы не учинилъ онъ внезапнаго нападенія, и какъ возможно стараться захватить плѣнныхъ, чтобъ чрезъ нихъ получить потребныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Меликъ немедленно отправился, а Государь, снявъ станъ у Березы, повелѣлъ войску тихо приближаться къ берегамъ Дона. Сентября 5 Горской и Александровъ привели съ собою нарочитаго плѣнника отъ сановитыхъ двора Задонской Орды мужей. »Мамай« объявилъ плѣнникъ, »стоитъ нынѣ при урочи»щѣ Кузминой Гати; не спѣшитъ »идти на Москву; о Великомъ Кня»зѣ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и »не мыслитъ, чтобы онъ осмѣлился »встрѣтиться съ Татарами.« На вопросъ о силѣ Мамаевой, отвѣчалъ кратко: *она безчисленна!*

Герой, остановившись на берегу Дона, созвалъ всѣхъ Князей и знаменитѣйшихъ воеводъ на военный совѣтъ. Объявивъ о показаніи военно-

пл̆ѣнника, требовалъ мнѣнія ихъ: переходить ли рѣку, или—оградивъ себя укрѣпленіями, ждать непріятеля на свою сторону? Совѣтъ вдался въ разномысліе: иные предлагали стоять у рѣки неподвижно и оспоривать Мамаю переправу, дабы не вошелъ въ Рязанскія области и не соединился съ Олегомъ; другіе совѣтовали отступить въ крѣпкія мѣста̀ и наблюдать за поступками Князя Рязанскаго, который, оставшись въ тылу Великаго Князя, можетъ сильно вредить, ежели, совокупясь съ Ягеллономъ Литовскимъ, поставитъ Государя между двухъ непріятельскихъ ополченій. Нѣкоторые, пораженные страхомъ, говорили: лучше отойти къ своимъ предѣламъ, защищать оные, охранять рѣкъ переправы, а особенно чрезъ Оку. Тогда, по многимъ преніямъ, Князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи, врожденною имъ храбростію напоенные, съ твер-

достію произнесли: »Если мы пре-
»будемъ здѣсь неподвижно, ослабѣетъ
»все воинство Россійское: оно поду-
»маетъ, что мы устрашились вра-
»говъ, уныли и не дерзаемъ пока-
»заться въ поле. Напротивъ, когда
»съ благородною смѣлостію перей-
»демъ Донъ, то симъ ободримъ серд-
»цà ратниковъ; явивъ предпріимчи-
»вость свою, укрѣпимъ ихъ муже-
»ство; подавъ къ побѣдѣ надежду,
»покажемъ твердую рѣшительность
»нашу восторжествовать надъ непрі-
»ятелемъ. Государь! почто останав-
»ливаться? Богъ по правдѣ поборникъ:
»поборникъ сильный по вѣрѣ твоей
»Богъ!« Литовскіе Князья воспламени-
ли сердца всѣхъ слушателей; ужè изъ
устъ Великаго Князя ожидали рѣши-
тельнаго велѣнія, какъ донесли о при-
бытіи рати, отправленной отъ ос-
тавленнаго на Лопаснѣ Воеводы Ти-
мофея Васильевича: Государь пове-
лѣлъ исчислить силы всего ополченія.

Вскорѣ съ неизреченною радостію узналъ, что подъ знаменами его собралось около трехъ сотъ тысячь (*) войскъ прекрасныхъ, стройныхъ и хорошо снабженныхъ, бóльшею частію состоявшихъ изъ конныхъ ратниковъ. Тогда мудрый Димитрій увидѣлъ, что не съ сими грозными силами приличествуетъ стеречь берега Дона, или примѣчать коварство

(*) Число сихъ войскъ дѣеписатели наши различно полагаютъ: *Татищевъ* Рос. ист. IV томъ, 275 стр., болѣе 400.000. — *Древній лѣтопис.* част. II, стр. 34, болѣе 400.000. — *Никонъ* Рус. лѣт. IV час., стр. 106, болѣе 400.000, — *Стриттеръ* Рос. ист. час. II, стр. 459, болѣе 400,000, — *Лызловъ*, Скиѳская ист. I час. 54 стр, 300.000; — *Лѣтописецъ*, издан. *Львовымъ*, II часть, 169 стр., 200.000; — *Рос. лѣтопись по списку Софійскому* час. I. стр. 299, въ 150.000, не включая силъ Князей Литовскихъ, Псковскихъ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ и послѣ пришедшихъ съ воеводою Вельяминовымъ. — Преосв. *Платонъ*, церков. Ист. Рос. стр. 207, болѣе 400.000. Слѣдовательно есть вѣроятность, что Димитрій имѣлъ въ повелѣніяхъ своихъ на Дону около 300,000 человѣкъ.

Князя Рязанскаго. Не волны Дона, не предательство Олегово были опасны отечеству нашему: опасно было нашествіе Мамая. Предлежало избавить Россію отъ опустошенія и рабства. Удалясь отъ великолѣпной Москвы, разлучась съ вѣрною супругою и милыми сынами, оставивъ Великокняжескій престолъ и все, что любезно и драгоцѣнно въ мірѣ, Димитрій помышлялъ единственно о томъ, дабы побѣдить со славою, или умереть съ оружіемъ въ рукахъ, кидая смерть на враговъ. Не страшны казались ему рѣкъ переправы, ниже ужасны многочисленные враги. Онъ зрѣлъ на спокойныхъ челахъ знаменитыхъ вождей непотрясаемое мужество; увѣренъ былъ, что они твердо вознамѣрились одержать побѣду. Оперпись на таковыя силы, уповалъ несомнѣнно стяжать торжество. Совѣтъ еще продолжался, какъ вдругъ прибываютъ вѣстники съ донесеніемъ о

приближенія непріятеля: тогда Димитрій, въ полномъ уповаціи на Бога, перекрестясь, съ твердою рѣшительностію произнесъ: »славная смерть »лучше жизни поносной; выступивъ »противъ Татаръ, мы обязаны непремѣнно сразиться съ ними; въ сей »же день перейдемъ Донъ и крѣпко »станемъ за вѣру отечества, за всѣхъ »Христіанъ!« По произнесеніи сихъ словъ, распустилъ совѣтъ, повелѣвъ учредить на Дону, для переправы пѣхоты, мосты, а для конницы открыть безопасные броды, и занять охранною стражею противный берегъ.

Въ полдень прибылъ въ Россійскій станъ Воевода Меликъ съ коннымъ отрядомъ своимъ: онъ донесъ Государю, что Мамай находится по сю сторону Гусинаго брода и направляетъ походъ къ рѣкѣ Непрядвѣ. Извѣстіе сіе побудило поспѣшить переправою.

Всѣ мосты, по данному повелѣнію отъ Великаго Князя, а видѣ плоты, немедленно были устроены, броды отысканы, и Донъ, покоряясь волѣ мужественнаго полководца, уступилъ ему и струи и берега̀ свои. Въ 7-й день Сентября, войско Россійское счастливо и безъ малѣйшаго замѣшательства переправилось на противоположный берегъ, ставъ твердою стопою на землѣ непріятельской (*); вскорѣ за онымъ послѣдовалъ и самъ Великій Князь со всѣмъ Дворомъ и дружиною своею. А дабы и самую мысль къ отступленію отнять, Димитрій повелѣлъ разрушить за собою всѣ мосты.

По переправѣ за Донъ, Великій Князь учредилъ станъ на иномъ мѣстѣ, гдѣ

(*) Въ сіе время все теченіе Дона заключалось еще во владѣніи Татаръ, и ужѐ по ослабленіи ихъ могущества, Россія начала, но весьма медлѐнно, разширять предѣлы свои на Югъ и возвращать древнія свои области.

рѣка *Непрядва* сливается съ тихими струями Дона, повелѣвъ воинству пребывать вооруженнымъ въ назначенныхъ мѣстахъ, и изготовиться къ отраженію непріятеля. Тутъ старые ратники, испытавшіе мужественные свои мышцы на берегахъ Вожи, радовались, видя Татаръ близко; укрѣпляли юныя сердца̀, воспламеняя ихъ любовію къ отечеству и Государю, возбуждая славою предреченныхъ Преподобнымъ Сергіемъ вѣнцевъ, питая души твердостію и храбростію. Упованіе на Бога и радостный восторгъ распространились по всему стану Россійскому. Среди вечерняго мрака, среди тишины глубокой, всѣ бодрствовали и съ нетерпѣніемъ ожидали того часа, въ которой полетятъ они преодолѣвать величайшія опасности.

Сіе происходило Сентября 7 числа на канунѣ праздника Рождества Пресвятыя Богородицы. Осень была то-

гда продолжительна, дни сіяющи солнцемъ, ночи свѣтлыя и воздухъ благорастворенный; особенно ночь, предшествовавшая сраженію, была тепла, и пріятность погоды, ни дыханіемъ вѣтра, ни шумомъ листвія древеснаго, ни журчаніемъ струй водныхъ ни мало не была нарушаема. Таковое благотворное успокоеніе естества, можетъ быть, породило въ нѣкоторыхъ нашихъ дѣеписателяхъ вымыслъ слѣдующаго предсказанія:

Прибывшій съ Литовскими Князьями Димитрій Боброковъ (*), родомъ Волынецъ, знаменитый и умный вождь, храбростію своею всѣмъ извѣстный, по переправѣ Великаго Князя

(*) Въ *родословной книгѣ Князей и дворянъ Россійскихъ*, Час. II, стр. 85, Князь Димитрій Михайловичь Волынскій Боброковъ, родоначальникъ Волынскихъ, показанъ пришедшимъ изъ Волынскія земли въ службу Великаго Князя и имѣвшимъ супругою сестру Донскаго, Княжну Анну. Полководецъ

чрезъ Донъ, пришедъ къ нему, съ увѣрительною важностію говорилъ: »Желаешь ли, Государь, чтобы въ сію »ночь показалъ я тебѣ, въ непреложныхъ признакахъ, что несомнѣнно »послѣдуетъ? Безстрашіе сердца твоего всѣмъ извѣстно; но я не знаю, »удостоишь ли предложеніе мое вниманія своего!« Великій Князь, любопытствомъ возбуждаемый, отвѣтствовалъ: »Твори: я желаю все испытать! но никому не открывай »намѣренія нашего.«

Когда наступившая ночь простерла на берега Дона мракъ и безмолвіе; когда благодѣтельный сонъ низшелъ на воинство и шлемы вздремавшихъ ратниковъ едва блистали при попу-

---

сей давно ужè находился въ Россіи; въ 1372 году одержалъ онъ надъ Олегомъ Рязанскимъ побѣду у Скорнищева, въ 1376 привелъ въ трепетъ Казань, а 1379-го покорилъ Стародубъ и Трубчевскъ. Я называю вездѣ его просто Волынскимъ.

хающемъ огнѣ разкладенныхъ по стану костровъ: тогда Великій Князь, коего вѣжди не смыкались еще, беретъ оружіе, исходитъ изъ шатра и, сопровождаемый Димитріемъ Волынцемъ, выѣзжаетъ на пространное *Куликово поле* и становится между обоихъ непріятельскихъ ополченій. Тутъ прорицатель сказалъ любопытствующему герою: »простри, »Государь, внимательный слухъ къ »полкамъ Татарскимъ, и повѣдай, что »тамъ услышишь?«—»Ужасный вопль!» произнесъ удивленный Димитрій: »слы»шу бурное волненіе сонмищъ мно»гихъ, подобно сраженію морскихъ »валовъ, въ ярости вѣтровъ воздви»гаемыхъ, и свистъ порывистыхъ »вихрей; позади слышу ревъ глад»ныхъ звѣрей, а съ правой стороны »сильный трепетъ лебедей, крикъ »врановъ жадныхъ; слышу по рѣкѣ »Непрядвѣ въ дубравахъ играющихъ, »крылами біющихъ и клегчущихъ ор-

»ловъ.« — »Теперь обратись, Князь, сказалъ Волынецъ, »на полки Русскіе »и повѣдай, что услышишь и узришь »въ оныхъ?« — Великій Князь, въ недоумѣніи — радость или печаль ему предвѣщается, отвѣтствуетъ: »ни»чего у своихъ не слышу: тишина »царствуетъ глубокая: но вижу за»рево многочисленныхъ огней, разсѣ»янныхъ по стану, подобно звѣздамъ, »на тверди небесной блестящимъ.« — »Огни суть доброе предвѣщаніе!« въ восторгѣ воскликнулъ предсказатель: »Веселись, побѣдитель Мамая; ликуй »и благодари Бога: одолѣешь, востор»жествуешь и прославишся во вѣки!»

Всѣ лѣтописцы и дѣеписатели повѣствуютъ, что въ ночь, предшествовавшую сраженію, Великій Князь вмѣстѣ съ Воеводою Волынскимъ выѣзжалъ на Куликово поле. Три причины могли побудить Димитрія къ сему поступку: быть можетъ, что и герой нашъ не изъятъ былъ пред-

разсудковъ своего вѣка, а потому дѣйствительно желалъ испытать предзнаменованія; быть можетъ, что умомъ своимъ превышая современниковъ, желалъ, распространивъ между воинствомъ вымышленныя предзнаменованія, силою оныхъ ободрить и воспламенить ратниковъ; быть можетъ, что объѣзжалъ поле единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы всѣ подробности мѣстоположенія обозрѣть съ искуснымъ и знающимъ полководцемъ, каковъ былъ Волынскій, и сообразить оныя съ предначертаніемъ сраженія: но ожиданіе чрезвычайныхъ событій, а можетъ быть и суевѣріе, узнавъ о поѣздкѣ Государя, составило изъ оной предсказаніе побѣды.

Съ разсвѣтомъ дня 8 Сентября, прискакавшій отъ передовой стражи отрядъ увѣдомилъ о приближеніи непріятеля. Великій Князь, выслушавъ подробно донесеніе, послалъ повелѣніе ко всѣмъ полководцамъ, дабы вой-

ско, немедлѣнно возложивъ на — себя бранные доспѣхи и вооружась, изготовилось къ походу и бою; а сами вожди поспѣшилибъ къ знамени его, для принятія повелѣній.

Между тѣмъ густая мгла, покрывъ лице земли, затмила восходящее солнце, и свѣтозарные лучи его скрывала даже до третьяго часа утра (*). Туманъ сей Великій Князь обратилъ въ пользу: скрытнымъ образомъ не токмо отъ непріятеля, но даже и отъ своего воинства, отправилъ онъ Владимира въ засаду въ верхъ по Дону къ устью рѣки Непрядвы, повелѣвъ ему занять находящуюся тамъ дубраву. Съ симъ знаменитымъ Княземъ отряжены были войска: Серпуховскія, Боровскія, собранныя въ удѣлѣ его, и сверхъ оныхъ Можайскія, Муромскія,

(*) Извѣстно, что часы для считались тогда съ возхожденія солнца; слѣдовательно, упоминаемый часъ по нынѣшнему былъ девятый часъ утра.

Переяславльскія и Углицкія, при которыхъ находились Князья: Муромскій, Новосильскій, Кашинскій, Мещерскій, и Елецкій; Воеводы: Андрей Серкизовъ, Данило Бѣлоусовъ и Констаншинъ Кононовичъ. Искусный Волынскій, пребывая при семъ отдѣльномъ войскѣ, долженствовалъ раздѣлять съ Владиміромъ славу подвига. Владиміръ получилъ повелѣніе держать себя въ засадѣ и скрываться въ дубравѣ дотолѣ, пока наступитъ благопріятный часъ ударить на Татаръ съ бока и въ тылъ, и таковымъ внезапнымъ нападеніемъ споспѣшествовать побѣдѣ.

Наконецъ изчезла мгла, и великолѣпное свѣтило дневное озарило лучами своими берега Дона и Непрядвы. Тогда полководцы явились къ большому знамени. Димитрій, въ богатой бронѣ и Великокняжеской хламидѣ, покрывъ величавую главу свою блестящимъ шлемомъ, осѣненнымъ зла-

таго орла разпростертыми крылами, на бодромъ и гордящемся всадникомъ конѣ, поѣхалъ къ Московскому ополченію. Совершенное спокойствіе украшало возвышенное чело героя нашего; радостное упованіе дышало во всѣхъ чертахъ лица, сіявшаго добротою и благопривѣтливостію; неустрашимость и мужество блистали въ дивномъ взорѣ его. Ставъ подъ развѣвающійся бѣлый хоругвъ (*), Спасителя съ одной, а Архистратига съ другой страны изображающій, величественный Димитрій произнесъ: »Возлюбленные сподвижники! врагъ »приближается, и мы на встрѣчу ему »идти готовы. Призовемъ Господа »на помощь; призовемъ Сего по справедливымъ бранямъ Поборника, и въ »твердомъ уповаціи на заступленіе »Его, неробкими шагами пойдемъ на

(*) По инымъ дѣеписателямъ, черный; въ Синопсисѣ же показанъ червленный.

»пространное поле Куликово. Вамъ, »герои, Князья Андрей и Димитрій »Ольгердовичи, вѣряю правое крыло »всего ополченія: оно составится »изъ храбрыхъ вашихъ войскъ, Нов»городскихъ и Псковскихъ; Князья »Стародубскій и Дрогобужскій бу»дутъ находиться подъ вашимъ ру»ководствомъ. Средина ополченія по»ручается предводительству муже»ственнаго Князя Ѳеодора Романови»ча Бѣлозерскаго; подъ его началь»ствомъ будутъ состоять: Князья »~~Кемскій~~, Цидонскій и Вандомскій со »всѣми силами Бѣлоозерскими; храб»рый и усердный Вельяминовъ (*) съ

(*) Сей Николай Васильевичъ Вельяминовъ, вторый сынъ послѣдняго Тысяцкаго, родоначальника Воронцовыхъ и Вельяминовыхъ, имѣлъ въ супружествѣ Княжну Марію, дщерь Димитрія Константиновича Нижегородскаго; слѣдовательно былъ своякъ Великому Князю Димитрію IV. См. Родословную книгу Князей и дворянъ Россійскихъ, Ч. II, стр. 15.

»Коломенскими войсками; Воевода
»Квашня съ Костромскими; юный
»Князь Іоаннъ долженствуетъ ше-
»ствовать по стопамъ доблественнаго
»наго родителя своего. *Львое крыло*
»пріиметъ подъ свое повелѣніе племян-
»никъ знаменитаго владѣтеля Твер-
»скаго, Князь Иванъ Всеволодовичъ
»Холмскій; къ Тверскимъ силамъ при-
»соединяются Князья Прозоровскіе,
»Курбскій, Ростовскій, Устюжскіе,
»со всѣми войсками Ярославскими и
»Ростовскими; Воеводы мои Моро-
»зовъ и Шуба будутъ находиться въ
»повелѣніяхъ Князя Холмскаго. *Пере-
»довый полкъ* составляется: изъ силъ
»Московскихъ, подъ начальствомъ боя-
»рина Семена Михайловича; Дмитров-
»скихъ, подъ руководствомъ Воеводы
»Семена Мелика, и Звенигородскихъ
»подъ управленіемъ Князя Симеона
»Ивановича: полкъ сей къ побѣдѣ по-
»ведутъ искусные Князья Димитрій
»и Владиміръ Всеволодовичи. Достo-

»почтенному тестю моему Князю
»*Димитрію* Константиновичу ввѣ-
»ряю *сторожевый полкъ*, въ которой
»назначаются Нижегородскія и Суз-
»дальскія войска, съ присовокупленi-
»емъ Владимірскихъ и Юрьевскихъ
»подъ начальствомъ Воеводы Тимо-
»ѳея Волуевича; Князья Оболенскій и
»Таруской, Воеводы: Михаилъ Акин-
»ѳовъ Мининъ и Шатневъ состоятъ
»въ повелѣніяхъ Князя Нижегород-
»скаго. Мой дворъ и дружина пой-
»дутъ подъ предводительствомъ дру-
»га моего Брянскаго. Прочія войска
»ввѣрены мною брату моему, слав-
»ному Владиміру, на коего возложено
»порученіе, достойное мужества его.
»Вы, повелѣвающіе правымъ и лѣ-
»вымъ крылами, срединою ополченія,
»передовымъ и сторожевымъ полка-
»ми, вы слышали уже отъ меня пред-
»начертаніе сраженія, получили на-
»ставленія потребныя. Вы и всѣ зна-
»менитые вожди, собравшіеся днесь

»подъ хоругвь Московскій, памятуй-
»те предковъ своихъ: возложивъ упо-
»ваніе на Бога, они преславно торже-
»ствовали! И съ нами Богъ!«

Въ то мгновеніе, когда туча брани готова была возгремѣть надъ Россіянами, прибыли къ Великому Князю посланные отъ Преподобнаго Сергія, Игумена Св. Троицкаго монастыря, съ благословеніемъ Божіимъ и даромъ хлѣба Пресвятыя Богородицы. Сергій столь благоразумно расположилъ посольство сіе, что отправленные отъ него предстали предъ Государя, къ несказанному утѣшенію и ободренію его и всего воинства, въ самый часъ открытія битвы. Благочестивый Димитрій съ отмѣннымъ удовольствіемъ прочиталъ грамоту Сергія, съ подобающимъ благоговѣніемъ принялъ благословеніе и вкусилъ дарственнаго хлѣба. Предъ лицемъ огромнаго ополченія, собраннаго со всѣхъ предѣловъ пространной Россіи, вооружившагося

на пораженіе враговъ отечества и церкви Христовой; среди избраннаго сонма Князей, бояръ и Воеводъ, кипящихъ мужествомъ и сіяющихъ блескомъ шлемовъ и броней, Димитрій, облеченный въ порфиру и изящными доспѣхами украшенный, сходитъ съ коня, смиренно падаетъ на колѣна, и возведши очи къ небу, съ сердечнымъ умиленіемъ произноситъ: *Господи Вседержителю! Призри милосердымъ окомъ на Руских; пріосѣни ихъ благодатію Своею и даруй намъ побѣду на сопротивныхъ!* И возставъ велегласно восклицаетъ: *Велико имя Троицы Пресвятыя! Пречистая Богородица поможетъ намъ!*

Князья и всѣ знаменитѣйшіе воеводы и бояре, видя твердую рѣшительность Великаго Князя быть въ бою въ первыхъ рядахъ храбрыхъ воиновъ, убѣдительнѣйше просили его уклониться отъ сраженія, взирать въ безопасномъ мѣстѣ на

знаменитые подвиги, поощрять и располагать дѣйствіемъ, не подвергая бѣдствію драгоцѣнную свою жизнь; представляли, что въ священной особѣ его заключается счастіе всего отечества, что, потерявъ столь великаго Государя, и славнѣйшая побѣда не спасетъ Россіи. Таковое усердіе и преданность чрезвычайно тронули чувствительное сердце Великаго Князя. Онъ отвѣтствовалъ: »Друзья! не нахожу словъ »возблагодарить за приверженность »вашу ко мнѣ. Но могу ли возбуждать кого къ бою, укрывая лице »свое за спинами вашими? Я желаю »и словомъ и дѣломъ являть примѣръ: да всѣ неустрашимо и храбро »разятъ враговъ!« Но какъ неотступно продолжали просить о семъ: то, желая показать опытъ любви и признательности къ сонму избранныхъ вельможей, Димитрій согласился единственно на то, чтобы, сокрывъ му-

жество свое въ одѣяніи простаго ратника, возложить царскія украшенія на кого либо изъ бояръ. Облекши Великокняжескою порфирою Брянскаго (*), возлюбленнѣйшаго своего наперсника и друга, поставилъ его подъ большимъ знаменемъ и произнесъ: *Веди, повелѣвай, будь счастливъ!* Отпустивъ къ полкамъ начальниковъ, повелѣлъ имъ устроить войска и ожидать гласа трубнаго къ бою.

Послѣ сего Великій Князь, въ сопровожденіи Рынды, отправился осмотрѣть устроенные полки. Объѣхалъ повсюду и всѣхъ увѣщавалъ,

---

(*) Иные изъ дѣеписателей называютъ его Бреннъ, Брянко; но знаменитый Татищевъ, коего умныя розысканія и полезные труды по части Россійской Исторіи никогда не могутъ быть забвенны и помрачены, и другіе историки именуютъ сего Государева наперсника Брянскимъ. — Стриттеръ сказываетъ, что и въ рукописномъ повѣствованіи Донскаго похода, названъ онъ также Брянскимъ.

поощрялъ, возпламенялъ крѣпко стоять за вѣру и отечество; всѣ единодушно отвѣчали: *готовы побѣдить, или умереть.* Въ шестомъ часу (*), возвратясь къ своему знамени, Димитрій повелѣлъ играть во всѣ трубы большаго полка: тогда гласъ, зовущій на брань, раздался по ополченію, и начался походъ вдоль сѣвернаго берега Непрядвы. Покрылось обширное, ровное и прекрасное Куликово поле героями: ибо по возпламененной въ сердцѣ каждаго ратника храбрости и возбужденію къ бою, всѣ таковыми были. Блескъ златыхъ шлемовъ, булатныхъ мечей и копій острыхъ, отражаемый лучами солнца, посѣялъ страхъ между огромнымъ скопищемъ лютаго Мамая; увѣренность и храбрость, сіявшія на челахъ ратниковъ нашихъ, предвѣщали Россіи торжество.

(*) По нынѣшнему двенадцатой до полудни.

Сыны славы, любимцы Марса и Беллоны, гремѣвшіе побѣдами въ премногихъ предѣлахъ міра, пламенные любовію къ отечеству, сею страстію возвышенныхъ душъ; вѣрные охранители Престоловъ Монарховъ, согрѣвающихъ васъ любовію нѣжнѣйшею; наслаждающіеся днесь тишиною міра, мудрою твердостію благословеннаго Царя и сильными мышцами водвореннаго; вкушающіе плоды Правительства кроткаго и о благоденствіи вашемъ пекущагося, знаменитые Россы! васъ, достопочтенные соотечественники мои, призывать смѣю, пріидите на берега Дона взирать на Димитрія: тамъ на обширномъ Куликовомъ полѣ, простирающемся между струями сея рѣки, всѣмъ теченіемъ Непрядвы и и вершинами Упы (*), слава покры-

---

(*) Куликово поле, столь знаменитое въ лѣтописяхъ нашихъ, находится Тульской

ла неувядаемыми лаврами главу сего вѣнценоснаго героя и всѣхъ Россовъ; отблесскъ сея славы отражается и на челахъ вашихъ, на челахъ преемниковъ изящнѣйшихъ доблестей знаменитыхъ предковъ.

Димитрій, глава Россійскихъ вождей, умомъ и добродѣтелями плѣнившій сердца подданныхъ, во всемъ величествѣ является на Куликовомъ полѣ. Презирая дуновеніе вѣтра и преодолѣвая зной палящихъ лучей солнечныхъ, бодрственно и спокойно шествовалъ онъ предъ передовымъ полкомъ. Усмотрѣвъ удобное къ сраженію мѣсто, остановился и повелѣлъ всему воинству устроиться въ боевой порядокъ. Едва солнце начало протекать за хребетъ Россійскихъ

губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ; простирается отъ вершины рѣки Упы къ Востоку до Дона, вмѣщая въ себѣ все теченіе рѣки Непрядвы со впадающими въ нее рѣчками.

полковъ и вѣтръ обращаться въ тылъ ихъ, какъ услышали гласы Мусикійскихъ орудій приближающагося къ Непрядвѣ непріятеля: тутъ открылось страшное зрѣлище! Идетъ Мамай, и обширное пространство поля не вмѣщаетъ безчисленнаго множества рати его. Громада сія катитъ на насъ, храбрость управляетъ ею; мщеніе и звѣрство возпламеняютъ, надежда обольщаетъ.

Герой, вознамѣрившійся спасти Россію, рѣшительный и прозорливый Димитрій, противупоставилъ ужѐ преграду стремленію сей страшной громады. Правое крыло войскъ Россійскихъ касалось вершинъ рѣкъ Непрядвы и Упы; лѣвое простиралось по берегу Непрядвы до опушки лѣса, находившагося при впаденіи ся въ Донъ, а силы срѐдняго полка покрывали всю правую равнину поля. Такимъ образомъ многочисленное наше ополченіе разпространилось на

всемъ протяженіи рѣки Непрядвы, объемлющемъ болѣе сорока верстъ.

Останавливаетъ ногу, размышляетъ вождь Татарскій. Предначертаніе его встрѣчаетъ сильныя препоны; принужденъ измѣнить оное. Мамай не меньше въ искуствѣ военномъ великій, какъ въ лютости и кровожадности страшный, мгновенно выстроилъ большія силы противу средины Россійскихъ и за ними въ подкрѣпленіе расположилъ знатныя войска. Згараемый нетерпѣливою яростію, обладатель Задонской Орды далъ повелѣніе переходить Непрядву и начинать бой. Переправляется Могольское ополченіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Непрядва, поворотя къ сѣверу, образуетъ пространную полукруглую долину.

Великій Князь, готовый къ принятію врага, помышлялъ воспользоваться выгодою мѣстнаго пространства, представлявшаго обширную

равнину. Усмотрѣвъ движеніе непріятеля, немедленно устроилъ противъ передоваго Татарскаго передовый свой полкъ; повелѣвъ сему полку стараться во время сраженія сближаться съ главными силами, и потомъ занять въ чертѣ боеваго порядка опредѣленное ему мѣсто.

Двинулись передовыя войска: Татары, въ кичливой ярости, мечами и дротиками отверзаютъ путь переходящему чрезъ рѣку воинству своему; Россіяне, сомкнувшись въ стѣну непреоборимую, тучею стрѣлъ и копіями обуздываютъ напоръ непріятеля. Противуборники сошлись, и яростно сразились: ратникъ противъ ратника, желѣзо противу желѣза. Звучатъ щиты и мечи. Повсюду между передовыми зримы чудеса храбрости: наши, въ присутствіи обожаемаго Государя, безтрепетно отражаютъ запальчиваго непріятеля; Татары, предводимые неустра-

шимымъ Телякомъ, дерзаютъ на величайшія опасности. Меликъ (*), сей отважный наѣздникъ, подавшій первыя извѣстія о непріятелѣ, съ благороднымъ нетерпѣніемъ стремится прежде всѣхъ сразиться и первый обагряетъ кровію своею поле Куликово; роковая стрѣла пронзаетъ храбрую грудь боярина Симеона Михайловича; уже превосходство Могольскихъ силъ тѣснитъ наше войско; уже начинаютъ ослабѣвать мужество и усилія Князей Димитрія и Владиміра Всеволодовичей: какъ внезапно на защиту

(*) Я старался, въ описаніи сраженія на Куликовомъ полѣ, сохранить имена всѣхъ отличнѣйшихъ сподвижниковъ героя Донскаго. Защитники отечества всѣхъ временъ долженствуютъ сохраняться въ памяти потомства. Надлежитъ съ благодарностію произносить имена мужей, оказавшихъ Государству заслуги или мечемъ въ бояхъ, или мудростію въ кабинетѣ, или правосудіемъ во храмѣ Ѳемиды, или наставленіемъ и просвѣщеніемъ человѣчества.

ихъ, по повелѣнію Великаго Князя, быстро летитъ съ Коломенскими войсками знаменитый Вельяминовъ. Копіе твое, Вельяминовъ! любитъ блистать въ бояхъ, и съ появленіемъ твоимъ удерживается стремленіе Татаръ.

Между тѣмъ непріятель, съ шумомъ перешедши Непрядву, распространяясь въ право и лѣво, становится въ боевый порядокъ. Самъ Мамай, окруженный именитѣйшими вельможами и множествомъ отборной рати, занимаетъ на западѣ по рѣкѣ вершину горы, съ которой могъ онъ удобно и видѣть все дѣйствіе и помогать сражающимся. Пѣхота Татарская, свернувшись въ густой четвероугольникъ, приклонивъ длинныя копія, я на крылахъ ограждаемая конницею, съ свирѣпымъ крикомъ стремится на средній Россійской полкъ, умышляя прорвать и сломить его. Ужасъ, туча стрѣлъ и смерть, предшествуютъ врагамъ нашимъ — врагамъ лютымъ, дерзкимъ, надменнымъ, и,

можетъ быть, столь же храбрымъ какъ Россіяне.

Героя ничто не смущаетъ. Мужество Димитрія не подобно кичливой ярости, не подобно храбрости запальчивой: властвуя надъ собою, властвуетъ онъ и надъ счастіемъ. Съ спокойнымъ духомъ взирая на движеніе непріятеля, повелѣваетъ немедленно копіямъ Татарскимъ противопоставить крѣпкую преграду изъ простертыхъ бердышей, держать въ готовности на тетивѣ упругой тучу стрѣлъ, самострѣлы наполнить каменьями и горючими снарядами, а конницѣ съ обоихъ крыльевъ напасть на конницу непріятельскую, когда стрѣлы, пламя и копія обуздаютъ первый Мамаева напоръ. Между тѣмъ передовое наше войско, отступая въ стройномъ порядкѣ, занимаетъ предназначенное ему мѣсто въ чертѣ общаго боеваго порядка.

Среднія силы враждующихъ вступаютъ въ бой. Смерть простираетъ

убійственную длань надъ обоими ополченіями, быстро мещетъ пламя и стрѣлы, и кровь лiется струями. Разсыпаются стѣны крѣпкаго четвероугольника отъ жестокости ударовъ вержимыхъ камней; пламя и туча стрѣлъ опустошаютъ ряды Татарскаго воинства. Смерть нещадно коситъ и пожираетъ героевъ Россійскихъ. Юный Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Бѣлоозерскій сраженъ въ глазахъ родителя своего. Герой отецъ не смутился, и мстительную мышцу его ощутили враги: Бѣлоозерскій сначала отражаетъ, потомъ бьетъ и опрокидываетъ Моголовъ. Обуздалась ярость Татарская, и сопротивники, какъ двѣ спершіяся скалы, остановились неподвижно. Таково было начало битвы на Куликовомъ полѣ, и побѣда недоумѣвала на чіе главу возложить вѣнецъ.

Вдругъ измѣняется сѣнь. Изъ ополченія непріятельскаго изторгается грозный исполинъ; туловищемъ де-

бслый, но гибкій и проворный, мышцы имѣющій сильныя. Широкую грудь сго покрывала мѣдная броня, искусною рѣзьбою украшенная; за плечами висѣлъ богатый колчанъ съ калеными стрѣлами; въ правой рукѣ у сего богатыря смертоносный мечь, а въ лѣвой — кругообразный щитъ, съ насѣчкою на ономъ дракона, заслонявшій тучныя его перси. Въ глазахъ витязя блисталъ огонь, на челѣ изображалось свирѣпство. Конь его тягостію желѣзныхъ латъ и по нихъ шкурою леопарда покрытый, и всадникомъ возпламеняемый, бросая изъ ноздрей дымъ, изъ челюстей пѣну, горделивымъ ржаніемъ соотвѣтствовалъ ярости исполина. Такъ выѣхалъ, преслѣдуемый храброю дружиною, Темиръ, славный богатырь Татарскій и надежда Мамаева!

Темиръ быстро несется. Алчная смерть, веселящаяся о погибели рода человѣческаго, сотовариществуетъ ему, віясь, подобно адскому змію,

вокругъ меча его. Ряды ратниковъ падаютъ на пути Темира, и конь его съ ужаснымъ ржаніемъ попираетъ тѣла поверженныхъ. Смятеніе и страхъ простерлись по Россійскому воинству: самые сильнѣйшіе, содрагаясь трепетомъ, мечтая видѣть грозное и свирѣпствующее привидѣніе, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ.

Таковое бѣдствіе воспламеняетъ сердце Пересвѣта. Съ быстротою молніи летитъ онъ къ Димитрію и съ благородною смѣлостію говоритъ: »Государь! дозволь мнѣ сразиться съ великаномъ; осѣненный »силою животворящаго Креста, безъ »страха иду противу него: Богъ у»пованіе и защита моя» Великій Князь, замѣтивъ въ очахъ витязя нѣчто свыше вдохновенное, милостиво отвѣтствовалъ: »Иди, воинъ «Христовъ! Спаситель тебѣ поборникъ: Его Святой волѣ тебя вручаю.«

Не медлилъ Пересвѣтъ; возложивъ на перси Крестъ, благословеніе Пре-

подобнаго Сергія, а на главу священную схиму, сею черною тканію покрылъ блескъ шлема. Конь его, краса Радонежскаго завода, проскрапнымъ ржаніемъ предвозвѣщаетъ свое рвеніе и побѣду; прекраснѣйшая грива дуновеніемъ вѣтра развѣвается въ воздухѣ; статныя ноги едва касаются земли копытами твердыми; пламя пышетъ изъ ноздрей; покаряясь управленію искусной мышцы, быстро несетъ всадника своего къ великану Татарскому. Свѣтло стальные доспѣхи покрывали плеча могучія и ограждали грудь Пересвѣта; правою рукою игралъ онъ острымъ копьемъ, по лѣвой бедрѣ лежалъ у него мечъ булатный, сизо-орлиныя стрѣлы въ готовности хранились въ колчанѣ изъ чистаго серебра. Благочестивый витязь нашъ былъ въ полномъ цвѣтѣ юности: мужество блистало на смиренномъ челѣ его, украшенномъ густыми темнорусыми кудрями, небрежно извивавшимися по крѣпкимъ

рамтамъ. Молодъ и прекрасенъ, какъ первый лучъ весенняго зари, превосходенъ сановитостію, силою и бодростію, Пересвѣтъ, неся въ сердцѣ храбрость Русскую, вмѣщая въ груди душу вѣрою напоенную, безстрашно летитъ на Темира. Ослебъ и полкъ дружины сопровождаютъ витязя.

Ужасенъ былъ Татарскій исполинъ, грозенъ явился и Христіанскій рыцарь. Того страшатся храбрѣйшіе Христіане; предъ симъ падаютъ отважнѣйшіе Магометане. Подобно молніи блистаютъ ихъ мечи, подобно ей разятъ, и строи ратные на пути ихъ рѣдѣютъ. Оба героя, низлагая все окрестъ себя, внезапно встрѣчаются, поражаются видѣніемъ другъ друга и останавливаютъ ярость коней и сердца своего. Раздаются оба ополченія, отверзаютъ богатырямъ къ единоборству площадь. Россіяне съ умиленіемъ взираютъ на животворящій Крестъ, охраняющій грудь

нашего витязя, ободряются, уповаютъ, просятъ Бога о помощи. Татары, смотря на могучаго исполина, веселятся, надѣются на силу его, ожидаютъ несомнѣнныя побѣды. Зрители въ страхѣ, надеждѣ и въ тишинѣ глубокой, опускаютъ оружіе, и обоюдная сѣча прекращается.

Объяснясь по обыкновенію рыцарей, блиставшихъ въ тогдашнія времена въ Европѣ и рѣшавшихъ участь сраженій, единоборцы разъѣхались для взятія соразмѣрнаго пространства. Взяли — и подстрекнувъ ярость коней, понеслись другъ на друга; сблизились, подняли копія, направили, пустили: противопоставленные крѣпкіе щиты отразили силу удара, и копія, сокрушась съ трескомъ, полетѣли. Разъяренные богатыри, какъ страшные львы, поколебались на конскихъ хребтахъ. Подогнулись колѣна быстротечныхъ животныхъ; всадники мгновенно воздвигнувъ упадшихъ, напрягли луки, стрѣлы зазвучали и

въ страшномъ свистѣ взвилися на воздухъ. Кони, какъ будто устыженные паденіемъ своимъ, въ ярости сносятъ съ себя единоборцевъ, ржутъ, пышутъ, скачутъ, несутся и тяжкими копытами попирая трупы убіенныхъ, вихремъ подымаютъ пыль. Тогда спѣшенные витязи, пылая вступить въ новой бой, грозно потрясли щитами. Засверкали въ размахахъ твердыхъ мышцъ булатные мечи: молнія излетаетъ изъ нихъ, подъ тяжкими ударами шлемы застонали, разсыпались щиты и броня отверзтая вся дымится кровію героевъ. Единоборцы съ осторожною хитростію изыскиваютъ случая къ пораженію: Темиръ въ лютости, Пересвѣтъ въ равнодушіи, наносятъ ударъ за ударомъ. Подобно, какъ бурнымъ ревомъ морской пучины, которая въ свирѣпости своей пѣнясь, шумя, крутяся въ сообществѣ съ молніею и громомъ, грозитъ разрушить

и поглотитъ все приближающееся къ ней, устрашенные два искусные кормчіе, приведя все въ движеніе на судахъ, лежащихъ съ разпростертыми парусами, недреманно блюдутъ корабли свои отъ внезапнаго нанесенія и встрѣчи одного съ другимъ: такъ и наши оба витязя, въ сей грозный часъ рачительно предусматриваютъ, упреждаютъ опасность; то нагибая тѣла свои, то возвышая и устраняя, силою, проворствомъ, ловкостію, быстро отвращаютъ обоюдную погибель. Ужасна была борьба славныхъ богатырей; ужасны были ихъ взоры. Долго мечи ихъ убѣгали отъ роковыхъ ударовъ, долго скользили по твердымъ шишакамъ; напослѣдокъ взнесенные мощными мышцами, вдругъ упадаютъ со страшнымъ звукомъ. Раздробленные въ дребезги шлемы летятъ, сталь ихъ блеститъ въ воздухѣ, и лютая смерть, отъемля геройскую жизнь, яростно

повергаетъ на землю и Пересвѣта и Темира кровію обагренныхъ. Смерть сокрушила тебя, Пересвѣтъ, и тебя, Темиръ: но Слава приняла ваши имена и внесла ихъ въ храмъ безсмертія.

Паденіе знаменитыхъ единоборцевъ подало знакъ къ новому кровопролитію. Часъ ужè былъ тогда седмый (*), какъ оба сопротивныя ополченія съ яростнымъ стремленіемъ двинулись другъ противъ друга. Пламень войны распростерся на всемъ протяженіи Куликова поля: повсюду заблистали страшные мечи, взвилися стрѣлы смертоносныя. Димитрій зрится вездѣ: то Государемъ съ величествомъ повелѣвающимъ; то полководцемъ именитымъ, распоряжающимъ искусно; то милосердымъ отцомъ, возстановляющимъ робкихъ и хвалу храбрости воздающимъ; то снисходительнымъ ослабѣвающихъ ободрителемъ,

(*) По нынѣшнему первый по полудни.

то неустрашимымъ ратникомъ, поражающимъ безъ разбора вождей, наѣздниковъ, сильныхъ и безсильныхъ ратоборцевъ Татарскихъ. Такъ, на подобіе орла быстропарящаго, съ конца въ конецъ прелетая, Димитрій учреждаетъ, подкрѣпляетъ, поощряетъ, хвалитъ, повелѣваетъ, сражается; смерть повсюду предшествуетъ ему, жестоко опустошая Монгольскіе ряды, а побѣда паритъ за героемъ.

Оба ополченія, остановясь въ пристойномъ разстояніи, гремятъ самострѣлами, бросаютъ мѣткія стрѣлы, съ мужествомъ и нетерпѣніемъ ожидаютъ того страшнаго часа, въ который рокъ сблизитъ ихъ. Съѣзжаются конные отряды, неустрашимо нападаютъ одинъ на другаго, и въ стройномъ порядкѣ отступаютъ къ главнымъ своимъ ополченіямъ. Мужественные Литовскіе герои съ твердостію отражаютъ неоднократныя наступленія Татаръ; пра-

вое Россійское крыло непоколебимо удерживаетъ свое мѣсто и кидаетъ смерть въ ряды непріятельскіе. Мгновенно колеблется средина нашего строя: предводитель оной Князь Ѳеодоръ Романовичъ Бѣлоозерскій, краса и честь Россійскихъ вождей, спѣшитъ соединить доблественную свою душу съ юною душею пораженнаго его сына: избиты и щитъ и доспѣхи его, и безтрепетная грудь обагрена кровію героя. Такъ грозный богъ браней, похищая всегда избраннѣйшихъ воиновъ, сразилъ и знаменитаго нашего полководца. Да сохранится память о тебѣ, Бѣлоозерскій: копіе твое быстро летало въ бояхъ, мечъ жестоко косилъ враговъ. Храбрый Вельяминовъ заступаетъ мѣсто погибшаго военачальника, пріемлетъ подъ свое покровительство средину ополченія и, какъ твердая стѣна, повсюду противопоставляетъ сильный

отпоръ яростному стремленію неприятеля.

Между тѣмъ величайшая опасность окружаетъ вѣнценоснаго нашего героя. Ужѐ два коня подъ нимъ повержены; едва крѣпкій шлемъ главу его отъ мечей, а броня отъ копій спасти могутъ. Стража Россійскихъ Государей, и въ тѣ времена какъ и днесь прославленная храбростію и усердіемъ къ престолу, вѣрная Рында летитъ на защиту Повелителя своего, и подводитъ ему свѣжихъ коней: тогда Димитрій, устремясь сквозь толпу нападающихъ на него и по немъ поборствующихъ, утомленный и легко въ лѣвую бедру пораненный, напослѣдокъ достигаетъ средняго Россійскаго полка. Герой, занятый великою должностію вождя, не печется о перевязкѣ раны, не объявляетъ объ оной врачамъ. Спокоенъ духомъ, бодръ сердцемъ, созерцаетъ битву, размышляетъ о способахъ къ побѣдѣ.

Мамай бдительнымъ окомъ наблюдая сраженіе, приказалъ знатнѣйшей части войскъ первой своей черты, стремительно напасть на средину и лѣвое крыло Россійскихъ силъ, и стараться разорвать и сломить ихъ. Великій Князь, усмотрѣвъ движеніе Татаръ, повелѣлъ срединѣ и лѣвому крылу выступить на встрѣчу непріятеля, а Дворъ и дружину принялъ подъ особенное свое предводительство. Торжество сопутствуетъ герою, и ничто не дерзаетъ противостать ему. Брянскій, предшествуя съ Великокняжескимъ знаменемъ, отверзалъ путь къ пораженію враговъ; а Димитрій, носясь грозною бурею, вездѣ мещетъ лютую смерть въ Монголовъ: предводимые имъ полки тѣснятъ, дробятъ, опровергаютъ врага. О сколь величественны Россы подъ руководствомъ Царей своихъ!

Силы противоборныхъ ополченій еще въ равновѣсіи находясь въ сре-

днѣ, то стираясь, то отступая, держали побѣду въ сомнѣніи. Знаменитый Вельяминовъ повсюду храбро отражалъ запальчивое стремленіе Татаръ, и самъ наносилъ имъ жестокіе удары. Герои Литовскіе, не сближась еще съ непріятелемъ, продолжали высылать противу него конные отряды, опустошали ряды его стрѣлами, и съ честію ограждали безопасность праваго крыла. Но не столь счастлива была участь лѣваго: Монголы, учинивъ жесточайшее нападеніе, налегли на оное съ превосходными силами; смерть, со всею лютостію носясь въ рядахъ храбрыхъ воиновъ лѣваго крыла, поражаетъ избраннѣйшихъ Воеводъ Морозова, Шубу, Князя Дорогобужскаго: неустрашимая мышца Оболенскаго, достойнаго его брата, не оградила сего Князя. Потерявъ лучшихъ вождей, тѣснимое яростнымъ и многочисленнымъ непріятелемъ, утомлен-

ное въ борьбѣ неравносильной, крыло сіе поколебалось, ослабѣло и разобщилось съ срединою ополченія.

Коль скоро обладатель Задонской Орды увидѣлъ съ вершины горы, на коей въ безопасности пребывая, обозрѣвалъ онъ битву, торжество войскъ своихъ надъ лѣвымъ нашимъ крыломъ: то далъ повелѣніе, немедленно двинуться второй Татарской чертѣ, совокупиться съ первою, сближиться — и всѣми силами ударить на Русскихъ повсемѣстно.

Димитрій, въ пылу сраженія, ежеминутно встрѣчая и побѣждая опасности, недреманное око обращалъ на всѣ движенія непріятеля. Усмотрѣвъ приближеніе новыхъ Татарскихъ силъ, повелѣлъ Князю Нижегородскому выступить съ сторожевымъ полкомъ, занять въ боевомъ порядкѣ промежутокъ, происшедшій отъ разобщенія средины съ лѣвымъ крыломъ, поддержать и подкрѣпить сіе крыло,

и всѣмъ силамъ Россійскаго ополченія изгототовиться на пораженіе враговъ. Такъ Великій Князь дѣлаетъ измѣненія, разпоряженія скоро, быстро, въ одно мгновеніе, въ виду непріятеля, среди движеній и дѣйствія сражающихся. Замѣчая прозорливость Димитріеву въ пріуготовленіяхъ, мудрость въ начертаніяхъ, неподражаемое мужество въ бояхъ, пламенную любовь къ Россіи въ груди его, недоумѣваемъ, чему болѣе удивляться? — Во всѣхъ добродѣтеляхъ былъ онъ великъ, во всѣхъ превосходенъ.

Настаетъ зрѣлище страшное! Сближаются, сходятся, спираются противоборники; ударяютъ всѣми силами, ополченія врѣзываются одно въ другое. Воины, не имѣя въ размахахъ свободнаго мѣста, язвятъ, колютъ, разсѣкаютъ, и въ жесточайшей ярости сцѣпляются руками. Жилистыя мышцы ратниковъ сплетаются; они объемлются, они вле-

кутъ одинъ другаго, низвергаютъ, топчутъ, рвутъ и терзаютъ другъ друга. Ліется кровь богатырей Россійскихъ, катятся шлемы золотые, а за шлемами падаютъ и головы геройскія. Смерть со всею свирѣпостію носится между врагами. Сжатые стесненіемъ несмѣтнаго многолюдства между потоками Дона и Непрядвы, многіе ратники лишаются дыханія и въ тѣснотѣ гибнутъ. Дрожитъ и стонетъ земля подъ конскими копытами; пыль віется и столпами возносится къ облакамъ, и солнце въ сгущенномъ воздухѣ утрачиваетъ свѣтозарность лучей своихъ.

Темнота скрываетъ паденіе убіенныхъ; трескъ сокрушающагося о брони оружія заглушаетъ стонъ умирающихъ; звукъ мечей уничтожаетъ гласы повелителей. Какъ въ нощную темноту, среди возставшей бури, невидимы катящіеся съ вершины огромной скалы обломки, свергаемые

долу порывами вѣтра, и токмо свистъ движущагося воздуха и стукъ падающихъ частей громады, глушатъ слухъ объятаго трепетомъ путешественника: такъ въ сей кровавый день, среди мрака пылью воздвигнутаго, непримѣтны были удары копій, не зримы сверкающіе блески мечей, изчезало пламя изъ самострѣловъ извергаемое.

Вскорѣ отъ сѣвера подувшій вѣтръ, обративъ мрачное покрывало на сопротивныя полчища, открылъ ужасное позорище: все что лютаго и свирѣпаго можетъ вообразить умъ человѣческій, все происходило тогда между сражающимися. Торжествующая смерть представила взору всѣхъ родовъ язвы, всякую гибель, всѣ ужасы убійства. Лежатъ огромные груды умерщвленныхъ; жалобно стонутъ раненые, на всей обширности кроваваго побоища разпростертые; послѣдній томный вопль тихо испу-

скаютъ умирающіе; пронзительнымъ крикомъ наполняютъ воздухъ жестоко изувѣченные, призывая сокрушительницу рода человѣческаго, единую для нихъ отраду. Пораженные Татары давятъ тѣла Христіанскія; Христіане погибшіе гнетутъ Татарскіе трупы; повсюду разметаны части растерзанныхъ воиновъ. Кровь, разливаясь кипящими потоками, обагряетъ Куликово поле: все обширное пространство онаго представляло кровавый помостъ, изъ умерщвленныхъ коней, всадниковъ и пѣшеборцевъ составленный.

Не притупилася еще губительная коса разсвирѣпѣвшей смерти; не укротилась ярость сражающихся, не ослабѣла еще крѣпость ихъ мышцъ. Месть воспаляетъ сердца противоборниковъ; возобновляется упорнѣйшая и самая жестокая битва: тутъ, среди кровавыхъ потоковъ, зрѣли скачущіе по простертымъ трупамъ

отъ обѣихъ сторонъ конные отряды, обоюдно смерть несущіе и получающіе; пѣшіе полки, то побѣждающіе, то отступающіе; вождей съ равными себѣ мужественно сражающихся, падающихъ купно подъ остріемъ меча, или сильною мышцею низвергающихъ соперниковъ своихъ; ратниковъ, укрѣпляющихъ храбрость свою изящнымъ примѣромъ предводителей.

Летая по полкамъ, Димитрій все обозрѣваетъ собственнымъ окомъ, все предусматриваетъ, соображаетъ, устремляетъ къ одной цѣли; переноситъ войска, гдѣ надобность требуетъ сего; повсюду противопоставляетъ Моголамъ силы соразмѣрныя; здѣсь возбуждаетъ къ отпору, тамъ къ пораженію непріятеля; вездѣ указуетъ пути къ побѣдѣ. Геройство его ободряетъ, одушевляетъ, воспламеняетъ ратниковъ: великій Государь, умѣя повелѣвать, умѣлъ

всѣхъ заставить слѣпо повиноваться велѣніямъ своимъ.

Князья Литовскіе съ непоколебимою твердостію оспориваютъ побѣду, и постоянно сохраняютъ равновѣсіе на правомъ крылѣ. Холмскій, подкрѣпленный силами Князя Нижегородскаго, отразилъ непріятеля, возстановилъ порядокъ; а Князья Ростовскій, Прозоровскіе, Курбскій и Оболенскій, подавая собою примѣръ, вливая въ ратниковъ отличное мужество свое, многократно нападали и жестоко поражали Татаръ. Вельяминовъ вноситъ смерть и ужасъ въ ополченіе сопротивниковъ, бьетъ, разитъ, тѣснитъ Моголовъ: все уступаетъ быстрому и сильному нападенію средняго Россійскаго полка. Собирая лавры, видя преклоняющуюся къ себѣ побѣду, знаменитый и мужествомъ и породою и кровными связями съ вѣнценоснымъ повелителемъ Россіи, рушитель крѣпкихъ Та-

тарскихъ щитовъ Вельяминовъ падаетъ, и драгоцѣнную кровь свою присоединяетъ къ потокамъ, обагряющимъ Куликово поле. Падаютъ и шлемъ и глава героя. Хвала и честь твоей смерти! Малодушныхъ, убѣгающихъ опасностей въ бояхъ, смерть поносна; храбрыхъ же вѣнчаетъ она славою. Князья Кемскій, Цидонскій, Вандомскіе и Воевода Квашня, блистательнымъ и сильнымъ пораженіемъ Моголовъ, мстятъ за смерть предводителя своего.

Въ то самое время, когда лучи побѣды начинали сіять въ среднемъ нашемъ полку, лютѣйшее злоключеніе угрожаетъ Россіянамъ: Герой, примѣръ героямъ подавая, окруженъ былъ многочисленными врагами. Сбитый съ коня, въ пыли, въ крови, Димитрій, собравъ ослабѣвшія силы и преодолѣвая боль ранъ, непримѣтно устранился отъ мѣста битвы и дрожащими стопами едва могъ достигнуть

дубравы въ нѣсколькихъ шагахъ оттоль находившейся: тамъ изнемогая, склоняется онъ на копіе свое, на сіе грозное копіе, дымившееся еще кровію невѣрныхъ; но вскорѣ Герой слабѣетъ, вовсе лишается чувствъ и падаетъ. Листвія недавно ссѣченнаго дерева, развѣваемые нѣжнымъ зефиромъ, прохлаждаютъ его главу.

Громъ извергаемыхъ каменьевъ, свистъ стрѣлъ, звукъ мечей, шумъ сражающихся, крикъ нападающихъ, стонъ умирающихъ, ярость и озлобленіе противоборниковъ, сокрыли отшествіе Государя. Среди ужаснѣйшаго кровопролитія никто не могъ усмотрѣть бѣдствія, постигшаго Героя нашего.

Брянскій, не вѣдая о судьбѣ Государя, нигдѣ не обрѣтая его, тщится лютымъ мщеніемъ вознаградить отсутствіе Благодѣтеля своего. Несясь по трупамъ убіенныхъ, Брянскій стремится, летитъ — и звукъ оружія его

отдается вдали. Уже Могольскіе полки гибнутъ подъ остріемъ меча охранявшей большое знамя Рынды, какъ злобный рокъ постигаетъ почтеннаго ихъ предводителя. Не оградили тебя, Бранскій! ни слава — жизнь и душа героевъ, ни блистательныя почести — мзда мужественныхъ воиновъ: все, какъ пріятный сонъ обольщающій чувства наши, изчезаетъ вмѣстѣ съ тобою; и ты, переселяясь въ вѣчность, не вѣдаешь, что побѣда спѣшитъ увѣнчать неувядаемыми лаврами славнаго твоего Повелителя. Въ семъ мірѣ ты наслаждался неоцѣненнымъ счастіемъ, ты былъ другомъ великаго Царя: миръ и блаженство душѣ твоей, Бранскій! и въ будущей жизни.

Труба военная не престаетъ гремѣть на Куликовомъ полѣ, и сраженіе пылаетъ отъ одного крыла до другаго. Ревность, храбрость и непоколебимость Россіянъ начинаютъ

преодолѣвать неукротимую ярость Татаръ, и лучи побѣды возникаютъ и на правомъ нашемъ крылѣ. Мамай, пылаемый нетерпѣніемъ, безпрестанно обращаетъ взоръ свой на битву. Досада тревожила душу его, огнь мщенія сверкалъ въ глазахъ, волосы развѣвались безпорядочно, и онъ долго стоялъ въ грозномъ безмолвіи. Напослѣдокъ видя, что всѣ напряженія свирѣпыхъ Татаръ не получаютъ успѣха, Мамай оставляетъ при себѣ на холмѣ небольшую часть отборныхъ войскъ, а всѣ прочія многочисленныя силы, при немъ находившіяся, высылаетъ противу Россіянъ. Съ звѣрскою запальчивостію и самонадѣяніемъ тщеславнымъ быстро несутся новые Могольскіе полки на пораженіе наше.

Напослѣдокъ настаетъ часъ славы Владиміровой; отверзается пространное поле подвигамъ его (*). Долго удер-

(*) Владиміръ вступилъ въ дѣло въ исходѣ третьяго часа по полудни.

живалася грозная твоя мышца, долго скрывалось мужество твое, знаменитый Герой! — Едва начали высланныя Мамаемъ свѣжія войска приближаться къ главному ихъ ополченію, лишь токмо примѣтилъ Владиміръ, что надменный обладатель Задонской Орды, отдѣливъ отъ себя всѣ силы, остался на холмѣ съ небольшимъ отрядомъ: тогда юный Герой, сомкнувъ войско свое плотными рядами, перекрестился и возкликнувъ *съ нами Богъ!* немедленно оставилъ дубраву. Владиміръ, на гордомъ и быстромъ конѣ, покрытый блестящими доспѣхами, имѣя на плечѣ длинное копіе, съ мечемъ въ рукѣ, первый летитъ на врага.

Ни пламень бурею несомый, ни потоки съ ревомъ катящіяся весною съ вершины хребтовъ не столь свирѣпы и сильны въ стремленіи своемъ, сколь жестокъ, быстръ, внезапенъ былъ ударъ Владиміромъ вра-

гамъ нанесенный. Тогда рѣшился жребій Моголовъ: ужаснувшіеся Татары, предполагая новыхъ Россійскихъ войскъ изъ за Дона прибытіе, оробѣли, дрогнули, смутились, разстроились. Владиміръ, напоенный любовію къ отечеству и славою воспламененный, вновь произнося: *съ нами Богъ!* при громкомъ звукѣ трубъ, ударилъ въ тылъ и бокъ Татаръ, соединившихся съ правымъ своимъ крыломъ, производившимъ тогда жестокое нападеніе на наше лѣвое. Сопутствуемый побѣдою Герой, сѣя страхъ и трепетъ между непріятелемъ, вдругъ тѣснитъ, разобщаетъ, разсыпаетъ, разитъ силы его, недопуская образумиться. Изумленные и со всѣхъ сторонъ обхваченные Моголы, ни бѣжать, ни защищаться не могутъ. Они зрятъ влетѣвшую со Владиміромъ смерть: падаютъ срываемые съ коней всадники ихъ, валятся поверженные пѣшеборцы, и смерть едва

успѣваетъ принимать кровавыя жертвы свои. Владиміръ, подобно юному льву, разторгшему путы ярость его укрощавшіе, бурнымъ вихремъ носится по полкамъ непріятельскимъ: ни витязи, ни ратоборцы, ни копіи, ни мечи Татарскіе, ничто не можетъ устоять: все презираетъ крѣпкая его броня; все низвергаетъ стремительное его нападеніе; все сокрушаетъ сильная мышца его.

Россія, колыбель героевъ, страна славы! возможно ли изчислить всѣ знаменитые подвиги, превознесшіе оружіе твое въ семъ кровавомъ сраженіи? Тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются герои: Воевода Волынскій, превосходный искуствомъ, славный мужествомъ, извѣстный опытностію, знаменитыми подвигами своими изумляетъ самихъ Россіянъ: какъ всепожирающій пламень сокрушаетъ онъ полки Могольскіе; все падаетъ предъ храбростію его; все покаряется его

дарованіямъ. Неустрашимость Князей: Кашинскаго, Новосильскаго, Мещерскаго, Муромскаго, Елецкаго; Воеводъ Бѣлоусова и Кононовича, являются во всемъ блескѣ и вспомоществуетъ побѣдоносному Владиміру. Герой сей, пылающій огнемъ мужества, поправъ и разсыпавъ правое крыло Моголовъ, повергнувъ многихъ храбрѣйшихъ мурзъ къ копытамъ коня своего, какъ молнія летитъ въ средину непріятельскаго ополченія, и предшествуюція ему смерть и побѣда быстро вносятся туда.

Правое Татарское крыло смятое, поверженное, разбитое Владиміромъ, разсѣявшись бѣжитъ къ Непрядвѣ. Холмскій, высланными отрядами, стремительно преслѣдуетъ опрокинутаго непріятеля. Моголы, видя конечное пораженіе праваго крыла своего, а средину колеблемую и потрясаемую, отдѣляютъ въ подкрѣпленіе оной большую часть лѣваго

крыла, и тѣмъ ускоряютъ разбитіе послѣдняго. Тогда герои, по доблестямъ своимъ намъ кровные, Андрей и Димитрій, Князья Литовскіе, не тратятъ ни одного мгновенія, мудро пользуются счастливыми обстоятельствами. Приказавъ войску сомкнуть щиты и копія, жестоко нападаютъ на остатки лѣваго непріятельскаго крыла, тѣснятъ оное, сламливаютъ и обращаютъ въ бѣгство.

Высокомѣрный Мамай, наблюдая съ вершины горы все бранное поле, видитъ пораженіе праваго своего крыла; видитъ побѣдоноснаго Владиміра, низпровергающаго средину Татарскаго ополченія; видитъ правое Россійское крыло, сломившее сопротивниковъ своихъ; съ ужасомъ видитъ торжествующихъ Россіянъ предъ собою. При семъ зрѣлищѣ бѣшенство взволновало душу Ордынскаго обладателя, сердце его бьется и пылаетъ мще-

ніемъ; подъ тяжкимъ шлемомъ хладный потъ облилъ нахмуренное его чело. Дрожитъ Мамай и въ ярости громогласно повелѣваетъ возвѣстить всѣмъ мурзамъ поспѣшное низшествіе съ горы.

Мамай на конѣ, свирѣпствомъ всаднику своему подобномъ, ведетъ отборную рать. Ярость воспламеняетъ смуглое лице его; подъ мрачною густотою бровей, глаза его наполнились огнемъ и кровію. При шумномъ звукѣ трубъ, подобно вихрю несется онъ на Россійское воинство. Страшенъ подвигнувшійся Мамай! И кто дерзнетъ противостать ему?

Владиміръ, предоставивъ Князю Нижегородскому довершить пораженіе Моголовъ въ серединѣ боеваго порядка, беретъ Московскій полкъ, летитъ съ нимъ на новое поле славы, встрѣчаетъ несущагося Мамая. Сколь ужасно, среди мрачной осени, съ высотъ противостоящихъ скалъ стремленіе

двухъ разсвирѣпѣвшихъ бурь, свергаемыхъ по каменьямъ утесовъ, когда слившись въ долинѣ, онѣ сражаются и шумятъ: столь же страшна была встрѣча Владиміра съ Мамаемъ. Храбрый Герой нашъ, воспламенивъ огнемъ своимъ дружину, быстро ее двигаетъ, велитъ нагрянуть и вступить въ бой съ мурзами и тѣлохранителями, окружающими Мамая, не взирая ни на множество, ни на силу: Моголы не удержали оружія своего, не устояли противу ударовъ Русскаго. И грозный, страшный Мамай въ трепетѣ и отчаяніи обращается въ быстрое бѣгство, стыдомъ, кровію и пылью покрытый.

Насталъ часъ лютаго бѣдствія Татаръ и громкой славы Россовъ. Ослабѣли руки Магометанъ, устали плеча ихъ, колѣна оцѣпенѣли. Все отборное полчище, охранявшее Мамая, бѣжитъ вмѣстѣ съ повелителемъ своимъ, преслѣдуемое побѣди-

телями; хотя мгновенно оставясь у Непрядвы, дерзаетъ еще противопоставить лице свое Россіянамъ, но вновь смятое и сломленное, съ невмовѣрною поспѣшностію удаляется. Торжествующее правое наше крыло, руководимое Князьями Литовскими, несется чрезъ волны Непрядвы, ни на одно мгновеніе не давая отдыха непріятелю, опрокидываетъ его за берега Мечи. Герой Владиміръ, сопутствуемый славою и побѣдою, повсюду разпространяя страхъ и трепетъ, біетъ, гонитъ, покоряетъ въ плѣнъ, низвергаетъ въ волны Дона разсѣянныхъ Моголовъ. Тамъ Московскій полкъ со всѣми силами средняго ополченія, презирая опасности, преодолѣвъ величайшія препоны, посѣявъ ужасъ въ непріятелѣ, жестоко тѣснитъ на берегахъ Непрядвы, множитъ стонъ его, и струи рѣки сей сугубо обагряются кровію Татарскою. Здѣсь Нижегородскій и Холм-

скій, поддерживая честь Рускаго имени, безщадно разятъ враговъ, обращаютъ ихъ въ конечное бѣгство и стремительно преслѣдуютъ. Повсюду окровавленные, изувѣченные Моголы, наполняя воздухъ жалобными воплями, спѣшатъ въ лѣсахъ сокрыть бѣшенство свое. Всюду побѣда купно со славою паритъ надъ Россіянами. Вездѣ раздаются радостные клики: *Мамай убѣжалъ! Россіяне побѣдили!* Разнесшейся быстро молвѣ сопутствуютъ, въ одномъ воинствѣ торжество, побѣда и пожирающая остатки Моголовъ смерть; въ другомъ отчаяніе, ужасъ, повerженіе оружія, бѣгство, плѣнъ (*).

(*) И сей знаменитой побѣды не пощадили иностранные писатели: Лакомбъ, въ Исторіи о перемѣнахъ, произшедшихъ въ Россіи, на стр. 27 говоритъ: что Димитрій палъ со всею арміею, простиравшеюся до 240,000 человѣкъ, и погибъ въ этой битвѣ. Такъ почти всѣ иноземные дѣеписатели, дышущіе

Такъ, знаменитые соотечественники, происходила славная битва, о-

---

завистію, повѣствуютъ о Россіи; но многихъ можно исключить изъ сего числа: Коксъ, Тукъ, Манштеинъ, Шлецеръ, Принцъ де Линь, Сегюръ, Левекъ, Лавернъ, наблюдая справедливость, съ честію писали о нашемъ отечествѣ. Шапъ, Леклеркъ, Шантро много бредили. Рюлльеръ, Массонъ, Галлешъ, Кларкъ, Кастера, омочивъ перо въ ядъ, изрыгнули въ свѣтъ плевелы самой гнусной клеветы противу Царей, вельможей, противу цѣлаго Россійскаго народа: никого и ничего ими не пощажено. Остановимся на Массонѣ: сей наглый лжецъ съ хвастнею говоритъ, что онъ былъ значущимъ человѣкомъ въ Россіи, имѣлъ доступъ во внутренніе царскіе чертоги. Всѣ, воспитывавшіеся во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, знаютъ Массона. Сего имени было два брата, старшій Петръ, кроткій, любезный, просвѣщенный, съ похвалою продолжалъ нашу службу; меньшой, негодный сочинитель, находился *репетиторомъ* при Егерьской Кадетской ротѣ, помогалъ дѣтямъ лепетать на Французскомъ языкѣ, никого изъ нихъ не научилъ и служилъ кадетамъ, презиравшимъ его, постояннымъ предметомъ насмѣшекъ. Въ праздники прово-

держанная Великимъ Княземъ Димитріемъ на ровнинахъ Куликова поля,

---

жалъ онъ егерей къ Директору Корпуса, гдѣ иногда выказывалъ изящный свой даръ, на пр.: по прибытіи въ Россію Пр. Пассау, Массонъ истощилъ весь свой геній въ похвалу шкуры тигра, убитаго въ Америкѣ рукою сего Принца. Не вынося ноги за заставу Петербурга, оставаясь въ укромномъ уголку подлѣ Кадетскихъ комнатъ, великій сей мужъ вообразилъ себѣ, будто онъ могъ пріобрѣсть обширное понятіе о всей Россіи. Въ 1794 или 95 году Генералъ Мелиссино передалъ сего Француза Графу Н. И. Салтыкову, который поручилъ смотрѣнію его конюшню свою; Графъ жительствовалъ тогда во Дворцѣ: и Массонъ, въ очарованіи, принялъ жилище ввѣренныхъ ему коней за чертоги, о коихъ съ пышнымъ чванствомъ разсказываетъ въ сочиненіи своемъ. И подобные историки переходятъ изъ рукъ въ руки молодыхъ людей, и на нихъ основываютъ они сужденія свои, по нимъ цѣнятъ и получаютъ понятія о Россіи, о вѣкѣ Петра, Екатерины, о знаменитыхъ людяхъ, содѣлывающихъ честь и славу отечества нашего. Молодые Россіяне, любящіе отечество свое, воспламененные славою его! бѣгите сей за-

при сліяніи Непрядвы съ Дономъ,—битва, продолжавшаяся съ двѣнадцатаго

фазы, неослѣпляйтесь твореніями всѣхъ упомянутыхъ вредныхъ иностранныхъ писателей: кромѣ яда на Россію, ничего добраго въ нихъ не найдете. Полюбите своихъ: тутъ обрѣтете пищу и для ума и для сердца. Если устрашаетесь прочесть лѣтописцевъ, если не рѣшаетесь заняться знаменитымъ *Татищевымъ*, если слогъ ихъ останавливаетъ васъ, читайте: *Ломоносова*, *Палласа*, *Гмелина*, *Лепехина*, *Озерецковскаго*, *Севергина*, *Плещеева*, *Миллера*, *Щербатова*, *Стритера*, *Болтина*, *Елагина*, *Карамзина*: они преподадутъ вамъ лучшія понятія о Россіи, не развратятъ вашей нравственности, не погасятъ природныхъ вашихъ добротъ. Въ часы отдохновенія парите подъ облака съ безсмертнымъ *Ломоносовымъ*; возвышайтесь духомъ съ *Херасковымъ*, плѣняйтесь добродѣтелію героевъ его, величественною красотою и прелестями пера сочинителя. Пораженные громомъ лиры *Державина*, съ нимъ же отдохните и порѣзвитесь на лугахъ; смотрите на дышущіе цвѣты Поэзіи; удивляйтеся разнообразности тоновъ славнаго Стихотворца, внимайте очаровательной Философіи его. Восхищайтесь съ *Костровымъ* древней Греціи;

часа утра до заката солнечнаго, — битва, увѣнчавшая лаврами предковъ нашихъ, рѣшительная и кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ въ

плачьте и въ трепетъ приходите съ *Сумароковымъ, Княжнинымъ, Озеровымъ;* рукоплещите и смѣйтесь съ тѣми же *Сумароковымъ* и *Княжнинымъ* и съ *фонъ-Визинымъ. Петровъ*, представивъ взору вашему Виргилія, пышно прозвучитъ славу героевъ Екатерининыхъ дней. Забывшись съ добрымъ *Хемницеромъ*, поговорите съ оленями, собачками, голубками. Любители голоса Филомелы! твердите пѣсни *Нелединскаго. Бобровъ* проведетъ васъ по великолѣпной Тавридѣ: не пугайтесь треска словъ его. Желаете ли видѣть совершенные образцы плавности, игривой замысловатости, чистоты, пріятныхъ вымысловъ; всѣ прелести легкаго слога? Граціи поднесутъ вамъ Душеньку *Богдановича* и стихи *Дмитріева. Шишковъ* укажетъ правила, силу и красоты Россійскаго слова, наставитъ любить родину свою *Мордвиновъ* откроетъ вамъ языкъ Ѳемиды, *Завадовской* языкъ Царей. *Ѳеофанъ* и *Платонъ* заставятъ забыть Боссюета и Флешье. И сколько въ наши дни сіяетъ отличныхъ дарованій! Одни поведутъ васъ къ Мельпоменѣ и Таліи; дру-

лѣтописяхъ Россійскаго бытописанія.

По пораженіи и преслѣдованіи враговъ, побѣдоносный Владиміръ предъ закатомъ солнца прибылъ къ большому Московскому полку, сталъ на костяхъ у Великокняжескаго знамени и повелѣлъ играть въ трубы. По гласу сему стекаются подъ развѣвающійся большій хоругвъ всѣ Князи, Воеводы и Бояре. Простирая взоръ по Куликову полю, Владиміръ съ душевнымъ прискорбіемъ видитъ на всей обширности онаго безчисленное множество побіенныхъ, смѣшенные трупы и Князей, и предводителей и ратниковъ; видитъ уцѣлѣвшіе остатки знаменитыхъ Князей и полководцевъ, вокругъ его собравшихся,—и не находитъ, — кого? Перваго героя, вѣнценоснаго своего Повелителя, От-

гіе плѣняютъ баснями, эклогами, идилліями; иные представятъ прекрасныя баллады; всѣ они доставятъ чтеніе пріятное, упражненіе полезное.

ца Россіи. Въ горькой неизвѣстности о судьбѣ его, Владиміръ предается неизреченной скорби, терзается, стонетъ, въ отчаяніи рветъ на себѣ одежды. Проливая слезы, вопрошаетъ всѣхъ: »не видѣлиль Великаго Князя? »не видѣлъ ли кто брата моего возлюбленнаго?« Утомленный трудами и удрученный горестію ѣздитъ повсюду въ отчаяніи, повторяя тѣ же вопросы. Слышитъ отъ всѣхъ, что видѣли Государя вездѣ среди опасностей величайшихъ, преодолѣвающаго, разящаго и торжествующаго надъ непріятелемъ; всѣ отвѣты свидѣтельствовали славу Великаго Князя и усугубляли въ сердцѣ Владиміра скорбь и сѣтованіе. Тогда неутѣшимый Князь, и грознымъ велѣніемъ и обѣщаніемъ великаго награжденія, разсылалъ повсюду искать Государя. Скоро по всему Россійскому стану распространяется молва, что Димитрія нѣтъ среди торжествую-

щихъ побѣдителей; воинство, вѣстію сею какъ громомъ пораженное, приходитъ въ онѣмѣніе и оцѣпенѣніе.

Таковое ревностное попеченіе о судьбѣ Государя, толико чистѣйшая любовь и привязанность къ нему, среди утомленія, изнуренія и тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, ужасовъ кровопролитнѣйшаго побоища, вопля и стона умирающихъ, радостныхъ кликовъ побѣдителей, среди всѣхъ разнообразныхъ чувствованій волновавшихъ сердцà Россіянъ, приносятъ несказанную честь Владиміру, свидѣтельствуютъ о величествѣ характера и нѣжной вѣрности Россовъ къ Вѣнценосцамъ своимъ, прославляютъ изящныя добродѣтели Димитрія.

Одни изъ разосланныхъ нашли Государева наперсника Брянскаго; другіе сильнаго Пересвѣта, иные знаменитаго Вельяминова и героевъ Бѣлоозерскихъ. Счастливѣе всѣхъ были два простые воина Ѳеодоръ Зерновъ и

Θеодоръ Холоповъ (*): Провидѣніе указало имъ путь къ той дубравѣ, гдѣ израненный Великій Князь лежалъ безъ памяти и чувства, съ избитымъ шлемомъ и бронею сокрушенною. Милосердый Творецъ вселенныя благоволилъ, для славы и блага Россіи, сохранить Димитрія среди неимовѣрныхъ опасностей и возпретилъ смерти коснуться его. Обрадованные ратники, спрыгнувъ съ коней, пали предъ едва дышущимъ Государемъ. Зерновъ остался при Великомъ Князѣ, а Холоповъ поскакалъ съ радостнымъ извѣстіемъ ко Владиміру.

Подобно какъ пробужденный человѣкъ, страшнымъ сновидѣніемъ терзаемый, не вѣритъ еще, что стра-

---

(*) По инымъ дѣеписателямъ: Θеодоръ Сабуръ и Григорій Холопищевъ, Θеодоръ Порозовичъ и Θеодоръ Холоповъ, Θеодоръ Морозовъ и Θеодоръ Холоповъ. Я послѣдовалъ древнему лѣтописцу.

даніе его вмѣстѣ съ мечтою изчезло: такъ Владиміръ и радуется и сумнѣвается, и цѣлуетъ вѣстника и ласкательнымъ вымысломъ укоряетъ его. Наконецъ убѣжденный, беретъ съ собою врачей, и сопутствуемый Князьями и вельможами, летитъ къ показанному мѣсту. Тутъ обрѣтаетъ Государя простертаго на травѣ, кидается съ коня, объемлетъ, орошаетъ слезами и освобождаетъ едва дышащаго Димитрія отъ тяжести латъ.

Великій Князь открываетъ томныя очи, и тихимъ голосомъ вопрошаетъ: »Гдѣ я? кто со мною го»воритъ? между ли вѣрныхъ Росси»янъ нахожусь?« Владиміръ отвѣтствуетъ съ плѣняющимъ умиленіемъ: »познай вѣрныхъ Россіянъ; но преж»де всего дозволь, Государь, подать »себѣ потребную помощь.« При сихъ словахъ поспѣшно приказываетъ разложить огонь, при свѣтѣ осмотрѣть и перевязать раны, а хлад-

ное тѣло согрѣть при пламени. Врачи не находять ни одной опасной раны, перевязывають многія, свидѣтельствующія о чудесномъ мужествѣ его.

Воспрянулъ Герой, ободрился. Гдѣ враги? наша ли побѣда? произносять уста Димитрія. — »Нѣтъ враговъ« отвѣтствуетъ Владиміръ »они раз»биты, плѣнены, разсѣяны. Радуйся, »веселись и торжествуй грознаго Ма»мая и несмѣтныхъ силъ его Сокру»шитель!« Тогда Великій Князь, пре-изполненный радости, произнесъ: »Ве»лій еси Господи и чудна дѣла Твоя: »вечеръ водворися плачь, заутра ра»дость! Хвалю Тебя Господи Боже! »и почитаю имя Твое Святое: зане »не предалъ насъ врагамъ нашимъ и »не попустилъ похвалитися надъ на»ми иному языку.«

Димитрій, мужественная грудь коего носила сердце чувствительное къ дружбѣ и къ человѣчеству любовію

пылающее, едва приведенный въ чувство, помышляетъ о преподаніи пособія раненымъ вождямъ и ратникамъ, повелѣваетъ неукоснительно отыскать тѣла̀ возлюбленныхъ сердцу его, спасать ихъ, буде есть еще надежда къ спасенію; приложить тщательное попеченіе о вспомоществованіи всѣмъ раненымъ, облегчить елико возможно злосчастную участь ихъ, послѣднихъ тщательно отдѣлить отъ убіенныхъ. Димитрій! Таковая благость твоя возвышаетъ величество твоея побѣды!

Между тѣмъ возвратилось къ ополченію и правое наше крыло, по жестокомъ преслѣдованіи пораженнаго непріятеля чрезъ двадесять пять верстъ, и прогнавъ остатки его за берега̀ рѣки Мечи (*). Станъ Мамаевъ

(*) Рѣка Меча красивая, Тульской Губерніи, въ Ефремовскомъ уѣздѣ, на которой стоитъ и окружный городъ. Кратчайшее разстояніе

на горѣ и другой за Непрядвою, со всею казною, несмѣтнымъ богатствомъ и драгоцѣнными товарами, достались въ корысть побѣдителямъ съ множествомъ браннаго оружія: копій, мечей, дротиковъ, стрѣлъ, щитовъ и шишаковъ. Равномѣрно Россіяне овладѣли огромнымъ обозомъ Татарскимъ, стадами рогатаго скота и великимъ количествомъ навьюченныхъ различными тягостями верблюдовъ.

Димитрій былъ прямый отецъ ратниковъ: они почитали себя сынами Государя добродѣтельнаго. Взаимная нѣжная любовь, крѣпчайшая цѣпь, связывала сего Монарха съ подданными. Храброе воинство, оживленное радостною вѣстію о обрѣтеніи Великаго Князя, въ нетерпѣливомъ желаніи узрѣть его, цѣлую

между Мечею и рѣкою Непрядвою около 25 верстъ.

ночь добровольно провело при знаменахъ своихъ.

Отдохновеніе и спокойствіе духа, при пособіи усердствующихъ врачей, возстановили тѣлесныя силы Великаго Князя; на разсвѣтѣ дня могъ онъ уже шествовать къ горящему нетерпѣніемъ узрѣть его ополченію. Ужасное зрѣлище поразило взоръ Димитрія; мгновенно изчезъ предъ нимъ блескъ побѣды, состраданіе растрогало чувствительное его сердце и горькія слезы полились изъ очей добраго Государя: тамъ видъ Князей умерщвленныхъ; индѣ мужественныхъ воеводъ простертыхъ, и тѣхъ и другихъ безъ доспѣховъ, безъ одежды, едва познаваемыхъ. Димитрій останавливаетъ взоръ скорби и благодарности при прахѣ героевъ Вельяминова и Бѣлоозерскихъ; съ признательностію вспоминаетъ заслуги Князей Тарускаго и Дорогобужскаго; знаменитые подвиги Мелика, Акинфова, Волуевича, Морозова, Минина, Сер-

кизова, Шубы, Шашнева и иныхъ; усугубляется сѣтованіе и слезы прерываютъ слово при видѣ Брянскаго: Димитрій любилъ его какъ самаго себя. Узрѣвъ Пересвѣта и подлѣ него поверженнаго Татарскаго исполина, растроганный Государь произноситъ: взирайте съ признаніемъ на сего богатыря: онъ побѣдилъ грознаго сопротивника повсюду торжествовавшаго.

Все пространство Куликова поля̀ покрыто было трупами; вездѣ смѣшенныя тѣла̀ и бояръ и ратниковъ, и Христіанъ и Магометанъ, грудами лежали: многіе дѣеписатели простираютъ число погибшихъ до нѣсколька сотъ тысячь (*). По представленіи

(*) И въ наши времена, по появленіи въ Европѣ со дней Людовика XIV огромныхъ регулярныхъ армій, нерѣдко случается, что болѣе 50.000, а иногда даже болѣе 100.000 съ обѣихъ сторонъ погибаетъ въ одномъ сраженіи. Въ древности же, когда рѣшали бой

себѣ огромнаго совокупленія силъ всей Россіи и несмѣтнаго скопища Задонской и другихъ ордъ, подкрѣпленнаго разноплеменными иноземцами, жертва таковая окажется вѣроятною.

Съ душевною скорбію протекая сіе страшное зрѣлище, Великій Князь приближился къ воинству: оно собрано и устроено было въ боевой

холоднымъ оружіемъ, несравненно болѣе истребляющимъ нежели огнестрѣльное, дѣйствительно происходили сѣчи и смертоубійства кровопролитныя. Рукопашной бой есть самой вредоноснѣйшій, какой токмо можно примыслить, для истребленія рода человѣческаго. Въ Куликовской битвѣ соперники сражались со всею лютостію и ожесточеніемъ: одни защищали то, что есть священнѣе всего въ мірѣ—отечество; другіе усиливались удержать на раменахъ соперниковъ расторгаемые узы. И вѣроятно, что въ семъ жестокомъ сраженіи могла погибнуть половина ополченія; присоедините къ сему раненыхъ и бѣглыхъ: то уцѣлѣвшіе остатки, бывшіе въ состояніи вновь сразиться, не окажутся значительными.

порядокъ вокругъ шой горы, на высошахъ коей на канунѣ высокомѣрный Мамай мечшалъ попрашь къ ногамъ своимъ Димишрія, а съ нимъ и всю Россію. При появленіи Великаго Князя у большаго знамени добрый Государь внезапно поражаешся восшоргомъ радосшнымъ. Троекрашное громогласное оглашеніе всего воинсшва: *Да здравсшвуешъ Димишрій Донскій! Государь нашъ, да здравсшвуешъ на многія лѣта* плѣняешъ слухъ его. Восхищенный Димишрій воскликнувъ: *Да здравсшвуюшъ Герои Рускіе, защишники Церкви и отечесшва*, съ благопривѣшливосшію, ошличавшею характеръ сего превосходнаго Государя, произнесъ: »Знаменишые Князья, Бояре и Воеводы сильные, и всѣ вѣрные сыны земли Рускія! Чесшь и слава подвигамъ вашимъ! Радуясь и ушѣшаясь несказанно, я долженсшвую досшойнымъ »образомъ возхвалишь ихъ: прибывъ

»въ Престольный градъ нашъ, въ »славную Москву, не оставлю всѣхъ »и каждаго по заслугамъ щедро на- »градить и одарить изобильно. Днесь »поспѣшимъ принести благодареніе »Великому Виновнику торжества на- »шего, и обратимъ попеченіе на воз- »даяніе послѣдней почести падшимъ »храбрымъ нашимъ сподвижникамъ.«

Духовенство въ златыхъ ризахъ и великолѣпномъ облаченіи, стоявшее на вершинѣ горы, съ сіяющими крестами, развѣвающимися хоругвями и освященною водою, окруженное многимъ числомъ въ богатомъ одѣяніи пѣвчихъ, приступило къ торжественному совершенію молебнаго благодаренія Богу и надгробнаго пѣнія убіеннымъ. Герой съ смиреніемъ преклонилъ колѣна; Князья, Бояре и все побѣдоносное воинство послѣдовало примѣру благочестиваго Государя. Трепетъ, отъ коего невозможно было воздержаться на полѣ сраженія, усѣ-

янномъ трупами избіенныхъ; восторгъ, при воспоминаніи неимовѣрныхъ опасностей, преодолѣнныхъ въ день кровопролитія; взоръ на вершину горы, съ коея высокомѣріе умышляло потрясти и раздавить Россію, и гдѣ въ сей часъ пастыри Церкви нашей приносили жертву хваленія Господу Богу, оградившему и защитившему любезное наше отечество; величественное священнодѣйствіе Духовенства, стройное и сладкогласное пѣніе клиросовъ: все споспѣшествовало украшенію торжественнаго празднества. Солнце сіяло во всемъ блескѣ своемъ; озаряемые лучами онаго холмы, долины и дубравы Куликова поля, струи Дона, Непрядвы и Уны, возвышали великолѣпіе позорища. Все воинство съ сердечнымъ умиленіемъ предало себя чувству благодарности, приносимой Всевышнему Существу; всѣ голоса съ одного конца до другаго славословили

неизреченную благость Зиждителя вселенной, спасшаго Россію.

Обширное поле Куликово! Не украшаешься ты памятниками; не отыскалася еще рука благодарнаго потомка, ревностная къ сооруженію оныхъ (*): но драгоцѣнныя кости Бѣлозерскихъ, Вельяминова, Акинфова, Дорогобужскаго, Стародубскаго, Брянскаго, Мелика, Пересвѣта, Волуевича, Морозова, Серкизова, Минина, Шубы, Ослаба, разсыпанныя на плодоносныхъ твоихъ пажитяхъ; остатки щитовъ, броней, шлемовъ, и днесь обрѣтаемые въ нѣдрахъ твоихъ, громогласно вѣщаютъ: что ты навсегда знаменитое поле Куликово было свидѣтелемъ конечнаго пораженія несмѣтныхъ силъ кровожаднаго Мамая,

---

(*) Герою Донскому и незабвеннымъ его сподвижникамъ благодарное отечество предположило уже соорудить памятникъ, для котораго, какъ извѣстно, собираются пожертвованія.

славы Великаго Димитрія, Владимірова геройства, доблестей Андрея и Димитрія Литовскихъ, чести Кн. Нижегородскаго, Волынскаго, Холмскаго и другихъ мужественныхъ нашихъ вождей, торжества Рускихъ! Ты же будешь провозглашать потомству имена сихъ знаменитыхъ героевъ, передавать отъ поколѣнія въ поколѣніе молву о громкой побѣдѣ, одержанной храбрыми на берегахъ Дона. — Герои падшіе и подвизавшіеся на Куликовомъ полѣ! слава сохранитъ васъ въ сердцахъ потомства: здѣсь прочнѣе удержатся великія имена защитниковъ отечества, нежели подъ пышными мавзолеями, столь же тлѣнными, какъ и человѣки ихъ воздвигающіе.

Берега Мечи остановили торжествующую руку побѣдителя. Не могъ и не долженствовалъ Димитрій вносить оружіе далѣе. Ягеллонъ стоялъ на одинъ переходъ отъ поля битвы;

слѣдовательно, надлежало помышлять не о суетномъ преслѣдованіи низверженнаго непріятеля, но объ огражденіи владѣній Россійскихъ отъ пагубнаго вторженія Литовцевъ, которые, соединясь съ Рязанскимъ Княземъ, и пользуясь отсутствіемъ Великаго Князя и всѣхъ военныхъ силъ удобно могли ворваться въ Московскія области, обрѣтавшіяся безъ всякой обороны, и опустошилибъ оныя въ конецъ. И куда бы пошелъ Димитрій съ остатками войскъ своихъ, ослабленныхъ, утомленныхъ? Въ страны, обитаемыя варварами, не воздѣлывавшими занимаемыхъ ими земель; гдѣ, встрѣчая препоны всякаго рода, не находя пропитанія, борясь съ голодомъ, долженствовалъ бы на каждомъ шагу сражаться съ Татарами. Народъ сей воинскій и бранный, зная всѣ пути и мѣстоположенія, вездѣ бы останавливалъ преслѣдователей, возсталъ бы поголовно, съ

превосходными силами окружилъ бы Россіянъ, напалъ, истребилъ. И такъ, Великій Князь явилъ величайшую мудрость, остановясь на берегахъ Дона. Сохраняя грозный видъ, онъ привелъ въ трепетъ и Олега и Ягеллона; и послѣдній не разсуждая много въ страхѣ, поспѣшно отошелъ въ Литву.

Великій Князь повелѣлъ предать землѣ тѣла погибшихъ Россіянъ, елико возможно отдѣляя ихъ отъ невѣрныхъ. Куликово поле приняло въ нѣдра свои несчетное множество убіенныхъ. По совершеніи сего богоугоднаго дѣла, Димитрій оставилъ поле славы своея и перешелъ Донъ со всѣмъ воинствомъ.

Перенеся стопы свои въ предѣлы Россійскіе, побѣдоносный Государь щедро одарилъ и изъявилъ торжественно благодарность знаменитымъ Князьямъ Литовскимъ, участвовавшимъ въ славѣ Куликовскаго дня,

простился съ ними, а самъ съ храбрымъ Россійскимъ воинствомъ предпринялъ обратный походъ къ Москвѣ.

Возвращеніе Великаго Князя представляло торжественное шествіе: вездѣ народъ стекался на срѣтеніе Государя добродѣтельнаго; повсюду принимали побѣдоносцаго героя съ радостными кликами и рукоплесканіемъ; вездѣ благословленія граждань сопровождали избавителя Россіи. Путь лежалъ чрезъ Рязанскія области. Олегъ извѣстясь, что побѣдитель Мамая, его покровителя, вступаетъ въ принадлежащія владѣнія, разкаяніемъ и страхомъ пораженный убѣжалъ къ Ягеллону, Князю Литовскому. Великій Князь, примѣрный смиреніемъ въ счастіи, приближась къ областямъ Рязанскимъ, издалъ строгое повѣленіе, чтобы никто не осмѣлился коснуться ни единаго власа жителей. Поселянинъ, пріобыкшій видѣть хищную руку воина, съ

изумленіемъ собиралъ съ полей жатву, благословляя имя Царя, охранившаго хижину его. Таковое человѣколюбіе приноситъ побѣдителю несказанную честь. Димитрій на поляхъ брани разившій и свирѣпствовавшій, какъ грозная буря; во дни мира былъ кротокъ какъ пріятный весенняго дня вечеръ.

Смущенные Рязанскіе бояре со страхомъ встрѣтили Димитрія на предѣлахъ своихъ. Скоро прошло смущеніе ихъ, изчезъ страхъ и внезапная радость возсіяла. Великодушный герой принялъ Рязанскихъ бояръ съ отличнымъ благоволеніемъ, милостиво обласкалъ и услышавъ объ ушествіи Олега и о желаніи ихъ быть въ подданствѣ Московскаго Великаго Князя, послалъ въ города Рязанской области своихъ намѣстниковъ, и повелѣлъ гражданъ привести къ присягѣ.

Сентября 21 день прибылъ Великій Князь въ Коломну. Епископъ Гера-

симъ, встрѣтивъ Государя во вратахъ градскихъ, предшествовалъ ему въ Соборную Церковь, въ коей по Божественной литургіи, совершено было молебное пѣніе. По четырехъ-дневномъ отдохновеніи отъ великихъ трудовъ Димитрій предпринялъ походъ къ столицѣ.

Въ 28 день Сентября Москва узрѣла вѣнценоснаго своего Героя, Монарха, отвратившаго отъ Россіи величайшее злоключеніе, показавшаго Свѣту могущество силъ ея, совершившаго блистательный походъ, одержавшаго побѣду преславную, низложившаго свирѣпаго и страшнаго врага. Предъ лицемъ храбраго воинства, шествовалъ герой, сопровождаемый Владиміромъ и окруженный знаменитѣйшими полководцами. Слава соединяла ихъ съ Государемъ на полѣ битвы; неразлучны они были съ нимъ и въ день торжества. При появленіи шествія, торжественный звонъ ко-

(раздался)

локоловъ во всѣхъ церквахъ столицы, народъ, наполнявшій стогны и площади, изъявлялъ радость плесками и громогласными восклицаніями: всѣ уста славили Героя; имя его носилось въ воздухѣ. Великій Князь въѣхалъ верхомъ, и среди многочисленнаго стеченія долженствовалъ почасту останавливаться: тутъ зрѣли необыкновенные доказательства возторга и благодарности; всѣ спѣшили прикоснуться одеждѣ великаго мужа; лобызали руки и ноги его. Вшедши въ Кремль чрезъ Флоровскіе ворота побѣдитель сходитъ съ бранопоснаго коня, смиренно преклоняетъ колѣна предъ Св. Крестомъ и пріемлетъ благословеніе отъ Митрополита, срѣтившаго его со всѣмъ духовнымъ сугклитомъ; потомъ спѣшитъ Государь въ объятія нѣжной, благонравной супруги, воздаетъ Великой Княгинѣ всенародно почтеніе, являетъ къ ней любовь горячую, ла-

скаетъ милыхъ дѣтей; милостиво объемлетъ именитѣйшихъ боляръ, и съ неизреченною благосклонностію привѣтствуетъ весь Рускій народъ, сердцу его возлюбленный.

Предводимый священнымъ сvгклитомъ, спаситель отечества вошелъ въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. По принесеніи жертвы благодаренія Богу, поборствовавшему по Россіи, и по совершеніи литургіи и молебнаго пѣнія, когда клиросъ окончилъ *Тебе Бога хвалимъ*, Преосвященный Архипастырь, приближась къ Димитрію, устами всего Россійскаго народа, принесъ ему поздравленіе: Радуйся вели- »кій величайшихъ силъ Магометова »дракона побѣдитель! Радуйся, вни- »мая раздающемуся въ воздухѣ гласу »радованія народнаго! Нѣсть бо гла- »гола дѣяніямъ Твоимъ соразмѣрнаго; »нѣсть благодаренія подвигамъ Тво- »имъ достойнаго. Ты персями своими

»оградилъ, защитилъ Церковь Право-
»славную: Она, теплымъ у Престола
»Владычня молетіемъ, оградитъ и за-
»щититъ тебя отъ козней вражіихъ.
»Ты пріялъ язвы за Христа Спасителя:
»Онъ, язвами на крестѣ возпріятыми,
»изкупитъ Тебя изъ челюстей вѣч-
»ныя гордыни. Ты пошелъ на спа-
»сеніе отечества; спасъ и просла-
»вилъ его: спасенное Тобою, оно про-
»славитъ Тебя на вѣки, внесетъ имя
»Твое во храмъ безсмертія, а великія
»заслуги Твои впечатлѣетъ въ серд-
»цà своихъ потомковъ. — Радуйся и
»ты, Великому брату своему въ тор-
»жествѣ и побѣдѣ соучастникъ! Со
»трепетомъ слышали мы, каковъ былъ
»среди ужасовъ бранныхъ славный Вла-
»димиръ; слышали, и въ возторгѣ ди-
»вились мужеству его! — Веселитесь
»и вы, вожди знаменитые, весели-
»тесь храбрые сподвижники Героя
»вашего Государя: но не возноси-
»тесь о единой побѣдѣ; не ослабѣвай-

»те среди тишины мирной; поучай-
»те подчиненных ратному дѣлу;
»будьте всегда готовы къ бою; бодр-
»ствуйте и молитесь: милость Все-
»вышняго да укротитъ и уничто-
»житъ враговъ нашихъ и брани ихъ;
»да сокрушитъ внутренніе мятежи,
»насъ изнуряющіе! Да благодатію
»Своею низпошлетъ намъ тишину,
»миръ и любовь! Да заступитъ вѣр-
»ное стадо Свое, сохранитъ его не-
»вредимо и отженетъ отъ насъ кле-
»вету, зависть, гордость и насадитъ
»въ сердца наши кротость, смиреніе,
»милость, любовь: зане Богъ любовь
»есть, Ему же слава во вѣки вѣковъ!« —
Такъ и привѣтствовалъ и поучалъ
мудрый Пастырь.

Въ чертогахъ царскихъ ожидалъ
побѣдителя великолѣпный пиръ. Тутъ
угощаемъ онъ былъ съ Митрополи-
томъ и со всѣми знаменитыми боя-
рами и Воеводами, участвовавшими
въ славѣ Донской побѣды. Милость

и благоволеніе оказываемое Великимъ Княземъ, сердечный возторгъ Княгини и всего Княжескаго дома, при воззрѣніи на побѣдоносаго Государя, благородная величавость полководцевъ, непритворная радость гостей къ Государеву столу приглашенныхъ: все споспѣшествовало украшенію праздества.

По окончаніи пиршества, Димитрій, Герой и Государь правосудный, благотворительный, щедрый, приступилъ къ выполненію непреложной обязанности всѣхъ владѣтелей: съ мудрою разборчивостію разсмотрѣлъ, отличилъ, одарилъ, наградилъ каждаго полководца и все воинство, по достоинству и соразмѣрно заслугамъ, въ пользу и славу отечества оказаннымъ. Устроивъ для народа разныхъ родовъ игры, забавы, пиры и увеселенія, онъ желалъ, дабы всѣ граждане раздѣляли радость торжества. Вѣдая, что благоденствіе народное созидаетъ могу-

щество и величество государствъ, что любовь народная доставляетъ тріумфы и побѣды, вѣнчанный лаврами Димитрій простеръ къ подданнымъ благотворную длань, явилъ имъ новыя милости и щедроты: въ возмездіе пріялъ отъ народа дань благодарности и горячности,—дань, достойную великихъ Царей, усугубляющую блескъ славы ихъ.

Одно изъ человѣколюбивѣйшихъ и похвальнѣйшихъ попеченій, занимающихъ въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ сердце благодѣтельныхъ Монарховъ, есть утѣшеніе вдовъ и сиротъ: ихъ потрясенное благосостояніе слѣдовало подкрѣпить; имъ надлежало отерешь слезы; къ ихъ осиротѣвшимъ персямъ потребно было приложить цѣлительный бальзамъ: и подкрѣпилъ, и отеръ, и приложилъ великодушный Димитрій, не щадя сокровищь своихъ. — Благополученъ народъ твой, Димитрій!

Твоя мышца за него ратоборствуетъ и льетъ на него щедроты. Въ гремящихъ браняхъ, ты первый изъ героевъ; среди тихаго мира, ты добрѣйшій изъ Царей.

Вѣдая, что благодать Божія вящше содѣйствовала побѣдѣ, нежели всѣ соединенныя силы человѣческія, Великій Князь, по принесеніи въ Москвѣ и богоугодными дѣлами и теплыми во всѣхъ церквахъ молитвами достодолжныя Богу, Спасителю и Покровителю Россіи, жертвы благодаренія, тѣмъ же чувствованіемъ возбуждаемый, пошелъ въ Св. Троицкую обитель. Принеся молитвы благодарственныя, оказавъ щедроту свою въ подаяніи на обитель знатнаго количества сребра и злата; явивъ всенародно благодарность преподобному Сергію, мудрыя внушенія коего много споспѣшествовали къ воспламененію сердецъ народа, возвратился Государь въ престольный градъ. Безопас-

ность на предѣлахъ Россіи водворенная, и спокойствіе, господствовавшее во всѣхъ владѣніяхъ ея, достойно вознаграждали Героя за понесенные имъ славные и неимовѣрные труды, и, казалось, предвѣщали ему сладкое отдохновеніе въ объятіяхъ мирныя тишины. Но надежды смертныхъ созидаются на зыблемомъ основаніи, и ненарушаемое счастіе не предоставлено въ удѣлъ человѣчеству.

Мамай, по совершенномъ пораженіи его на Куликовомъ полѣ, съ малыми остатками убѣжалъ въ низовыя страны Дона. Полки его были разбиты, разсѣяны, силы сокрушены; гладъ, буйное смятеніе, трепетъ, обитали въ нѣдрахъ его владѣній. Однако, истощая послѣднія пособія, сгараемый гнѣвомъ и местію Мамай поспѣшно набиралъ новыя войска, съ которыми намѣревался еще ударить на Димитрія. Но въ сердцѣ Татарскихъ владѣній воз-

ставалъ уже грозный сему хищнику сопротивникъ. Во время нашествія Мамаева на Россію, многіе Мурзы, недовольные жестокостію правленія его, удалились къ Тохтамышу, имѣвшему пребываніе въ Сараѣ; просили принять ихъ въ свое подданство, удостовѣряя, что и все войско готово предать хищника. Тохтамышъ появился съ большими силами на берегахъ Волги въ то самое время, когда Мамай предпринималъ учинить вновь вторженіе въ Россію. Мамай долженствовалъ прежде отразить новаго непріятеля, и потомъ уже бороться со старымъ; но рокъ предопредѣлилъ, чтобы и волны Меотійскаго моря, подобно Донскимъ, были свидѣтелями пораженія его. Тохтамышъ и Мамай встрѣтились при Калкахъ (*), сразились и побѣжденъ

(*) Хотя въ лѣтописяхъ нашихъ и не объяснено, гдѣ были упоминаемые здѣсь Калки,

былъ послѣдній. Войска предали Мамая, безъ сопротивленія положили оружіе, провозгласили своимъ Царемъ Тохтамыша. Надменный, доселѣ страшный Мамай, едва могъ ускакать съ поля стыда своего; преслѣдуемый врагами, искалъ спасенія въ быстротѣ ногъ, и съ величайшимъ трудомъ, а малымъ числомъ сопутниковъ пробрался въ Кафу, городъ на Крымскомъ полуостровѣ, тогда Генуезцами обладаемый. Съ начала Кафимцы приняли его дружелюбно, но вскорѣ прельстясь великимъ сокро-

---

но надлежитъ полагать, что Мамай разбитъ былъ не близъ Волги, какъ иные мыслятъ, а при рѣкѣ Калкѣ, (см. карту приложенную къ Ист. изслѣ. о мѣстѣ Тмутараканскаго Кн.) впадающей въ Азовское море. Предположеніе сіе ближе къ истинѣ потому, что Мамай, потерявъ сраженіе, бѣжалъ въ Кафу. Въ запискахъ *Росс. Исторіи*, соч. Екатериною Великою, Ч. VI, стр. 4, сказано, что рѣка сія нынѣ называется Калміусъ.

вищемъ Мамая въ серебрѣ, златѣ, богатыхъ тканіяхъ, жемчугѣ и каменьяхъ драгоцѣнныхъ, предали Мамая и всѣхъ съ нимъ прибывшихъ жестокой смерти. Таковъ былъ, любезные соотечественники, конецъ лютѣйшаго врага Россіи, тирана, пролившаго потоки человѣческой крови, приводившаго въ трепетъ знатную часть Земнаго Шара!

Премѣнился злодѣй, но туча, угрожавшая Россіи, не преставала скопляться. Тохтамышъ, овладѣвъ всею Капчакскою ордою, дворомъ и несмѣтными сокровищами, простиралъ замыслы о новомъ порабощеніи Россіи власти Ордынской. Съ симъ намѣреніемъ отправилъ онъ пословъ къ Князьямъ нашимъ, извѣщая объ одержанной побѣдѣ, изгнаніи Мамая и покореніи Капчакскаго царства. Князья, благосклонно принявъ Татарскихъ пословъ, и своихъ съ богатыми дарами послали къ новому Ордынскому Царю. Между

тѣмъ всѣ Россійскіе Князья помышляли объ огражденіи безопасности отечества. Зимою съѣхались въ Москву уполномоченные ихъ, и по повелѣнію владѣтелей своихъ, въ 20 день Ноября 1381 года вновь подтвердили оборонительный союзъ.

Хотя возвратившіеся послы удостовѣряли о благоразположеніи Тохтамыша: но проницательный Димитрій понималъ, что не искренность, а токмо прелесть даровъ и внутреннее неустройство въ Ордѣ, мгновенно пріостановили злобу непримиримыхъ враговъ Россіи. Доходили до него слухи, что многіе мурзы, свидѣтели пораженія единоземцевъ своихъ на берегахъ Вожи и Дона, кипѣли мщеніемъ и внушали оное новому Царю; что вѣроломный Олегъ домогался пріобрѣсти благоволеніе Тохтамыша и возбуждалъ гнѣвъ его противу Россіи. Такъ жало злобы, единожды погруженное во мстительное

сердце, никогда не притуплялся! Среди сихъ волненій, Димитрій не отметалъ благоразумной предосторожности. Дорогою цѣною стяжалъ онъ торжество на Куликовомъ полѣ; уронъ въ войскѣ былъ чрезвычайно великъ; многіе изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ учинились жертвою войны. Хотя въ храбрыхъ сынахъ въ Россіи недостатка никогда не бываетъ, однако трудно было тогда вскорѣ вознаградить потери необыкновенныя: не взирая на сіе, попечительный Государь приступилъ къ набору новыхъ войскъ и рачительно занимался образованіемъ ихъ.

Знаменитая побѣда на берегахъ Дона не произвела всѣхъ счастливыхъ послѣдствій, каковыхъ бы отъ важности ея ожидать надлежало. Хотя стрясла она съ Россіянъ страхъ, доселѣ наводимый однимъ именемъ Татарскимъ, хотя убѣдила въ могуществѣ силъ нашихъ, хотя много поколебала сча-

ствіе и унизила высокомѣріе Моголовъ: но пагубное междоусобіе питало еще въ сердцахъ Князей Россійскихъ, къ стыду и поношенію ихъ, сѣмена зависти и вражды.

Въ 1382 году появился на предѣлахъ нашихъ посолъ отъ Тохтамыша къ Великому Князю и ко всѣмъ другимъ удѣльнымъ владѣтелямъ, султанъ Акхозъ, сопровождаемый семью стами Татаръ; онъ требовалъ прибытія Князей Россійскихъ въ Орду; но дошедши до Нижняго Новагорода, Акхозъ возвратился назадъ, и не дерзая продолжать пути въ Москву, отправилъ туда нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты. Посольство сіе не имѣло успѣха. Между тѣмъ суевѣріе, примѣтивъ сѣверное сіяніе и появленіе кометы, предвѣщало изъ того нашествіе Татаръ и злое раззореніе Россіи: однако, невзирая на таковыя предсказанія, годъ сей протекъ въ тишинѣ и спокойствіи.

Святая церковь, при благословеніи Божіемъ, насажденная въ Россіи Владиміромъ Великимъ, во всемъ благолѣпіи процвѣтала въ нѣдрахъ нашего отечества; но при вторженіяхъ Татаръ церковныя дѣла́ пришли въ нѣкоторое замѣшательство, благоустройство поколебалось, начался вкрадываться разколъ, появились лжеучители подъ именемъ *Стригольниковъ*, которые всенародно разсѣвали плевелы суемудрія и раздора, особенно же въ Новѣградѣ и Псковѣ. Въ 1382 году прибывшій изъ Царяграда Діонисій, Епископъ Суздальскій, отправленъ былъ отъ Великаго Князя въ Псковъ и Новгородъ: пастырь сей благоразумными внушеніями возвратилъ заблуждшихъ на путь истины, успѣшно преподавалъ ученіе Божіе, наставилъ гражданъ и водворилъ въ сословіяхъ миръ и тишину.

Тохтамышъ, возникшій отъ паденія Мамаева на Дону, утвердивъ

власть свою въ Капчакской ордѣ, въ приморскихъ городахъ и Сараѣ, злобно взиралъ на поступки Димитрія и прочихъ Князей Россійскихъ, не являвшихъ прежняго раболѣпства, отрекшихся предстать въ Орду и не хотѣвшихъ платить Моголамъ дани. Въ 1383 году Тохтамышъ, кипя яростію, отправилъ сильный отрядъ въ Болгарскую страну, повелѣвъ ограбить и умертвить всѣхъ находившихся тамъ Христіанскихъ купцовъ и гостей Руских, а суда ихъ захвативъ, немедленно доставить въ Орду для перевоза чрезъ Волгу Могольскихъ войскъ. Выступивъ со всѣми Татарскими силами къ берегамъ Волги, Ханъ перешелъ сію рѣку. Опасаясь, чтобы Димитрій не противопоставилъ непреодолимой обороны и не поразилъ его подобно какъ Мамая, Тохтамышъ съ величайшею хитростію и тайною разположилъ походъ свой, учредивъ повсемѣстно крѣпкіе заставы,

дабы не дошло въ Россію извѣстіе о нашествіи его, съ необыкновенною поспѣшностію приступилъ къ исполненію. Князь Нижегородскій, прежде другихъ увѣдомленный о приближеніи страшнаго врага, послалъ о семъ донесеніе къ Великокняжескому Двору: но забывъ, что онъ состоялъ въ сонмѣ избраннѣйшихъ владѣтелей, былъ ближній родственникъ Главы Россіи; забывъ все это, смутился духомъ и прибѣгъ къ раболѣпству, отправилъ къ Ордынскому Царю двухъ сыновъ своихъ съ богатыми дарами и съ изъявленіемъ покорности. Олегъ, имя коего съ отвращеніемъ вспоминаемъ, поспѣшилъ на срѣтеніе Тохтамыша, поднесъ дары и повергнулъ себя къ стопамъ Татарина. Сей вѣроломный Князь, предатель и врагъ Отечества, погасивъ вовсе совѣсть свою, былъ ревностнымъ помощникомъ, совѣтникомъ и путеводителемъ Моголу: руководствомъ Олега

введенъ въ Россію свирѣпый Тохтамышъ, а съ нимъ вмѣстѣ введены злополучіе и всѣ лютыя бѣдствія.

Димитрій внезапно получаетъ извѣстіе о избіеніи Россіянъ въ Болгаріи, о вторженіи Тохтамыша съ войскомъ могущественнымъ, о трусости Князя Нижегородскаго, о новомъ предательствѣ Олега. Всѣ совокупившіяся бѣдствія не смущаютъ Димитрія. Нося въ мужественной груди сердце неустрашимое, великое, вновь ополчается онъ твердостію непоколебимою. Собираетъ силы свои, призываетъ силы другихъ Князей, желаетъ вновь, при шумномъ звукѣ щитовъ и мечей, вести ихъ къ побѣдѣ и торжеству. Оставивъ Москву, предпріемлетъ рѣшительное намѣреніе противостать непріятелю въ полѣ. Одушевленный благородными чувствами, является среди ополченія. И что Герой обрѣтаетъ? Разномысліе, раздоръ, вражду меж-

ду Князьями и полководцами. Тщетно возвышенный его духъ и умъ силятся согласить, воспламенить, ободрить: нѣтъ прежняго единодушія; угасли доблести, въ недавнихъ дняхъ съ толикимъ блескомъ сіявшія. Въ единомъ Вельяминовѣ пылаетъ благородная любовъ къ отечеству (*). Расторгнутые завистію и враждою узы дружбы и родства, вновь воспаляютъ пагубное междоусобіе среди Князей Россійскихъ; ухищренія руководствуютъ ихъ дѣяніями; въ разореніи отечества находятъ они частныя свои выгоды. Вѣра, сія истинная наставница, вѣрнѣйшая путеводительница душъ непорочныхъ, потеряла надъ ними власть свою; развращенные нравами, усыпили совѣсть и предали себя вѣроломству; ревностные подражатели Татарскаго сластолюбія, въ постыдномъ разслѣніи и

(*) *Татищевъ* Ист. Рос. книга IV. стр. 295.

нѣгѣ забыли о славѣ предковъ своихъ; сановитое духовенство, лаская прихотямъ Князей, колебало власть ихъ; самъ Кипріянъ, потерявъ бодрость духа, помышлялъ преклониться къ покорности Тохтамышу.

Преданный счастіемъ, оставленный друзьями и союзниками, Димитрій, къ усугубленію скорби и злополучія, ежеминутно получаетъ извѣстія: что ополченіе малосильно; что земля оскудѣла людьми; что всѣ жители объяты непомѣрнымъ страхомъ, ужасаются Татарскаго оружія, трепещутъ имени ихъ. Не роняя величества сана своего, Великій Государь удаляется; скрываетъ побѣдоносное чело свое отъ тѣхъ самыхъ Моголовъ, надъ коими съ толикою славою онъ торжествовалъ! Дворъ слѣдуетъ за нимъ, чрезъ Переяславль и Ростовъ, въ Кострому (*).

(*) Димитрій оставилъ въ Москвѣ Великую

Тохтамышъ, безпрепятственно перешедъ Оку, покорилъ и ограбилъ Серпуховъ и оттоль прямо пошелъ къ Москвѣ, оставляя за собою кровавые слѣды и селенія объятыя пламенемъ. Приближеніе Татаръ произвело въ Престольномъ градѣ великій мятежъ. Робость и малодушіе Митрополита Кипріяна, усугубляя между народомъ уныніе и разногласіе, всѣхъ жителей привели въ страхъ. Одни изъ гражданъ хотѣли бѣжать, другіе обороняться; и тѣ и другіе мнѣніе свое подкрѣпляли оружіемъ; лютѣйшіе, утративъ совѣсть и страхъ Божій, начали расхищать и грабить домы. Иные въ смятеніи несутъ богатство въ Москву; ограбленные спѣшатъ

Княгиню и дѣтей. Изъ сего заключать можно, что онъ полагалъ, что столица отразитъ нападеніе непріятеля, а самъ между тѣмъ надѣялся собрать достаточное войско, и вѣроятно намѣревался противостать Тохтамышу въ полѣ.

удалиться изъ оной. Не внимаетъ необузданная чернь увѣщанію Митрополита, не повинуется властямъ, не уважаетъ прошенія Великой Княгини; захвативъ всѣ ворота, мятежники обнаженными мечами возбраняютъ выходъ изъ города. Кипріянъ, родомъ Сербинъ, предпочитая безопасность собственную обязанности сана своего, забывъ долгъ повелѣвавшій ему помышлять о спасеніи ввѣренной ему паствы, торопливо убѣжалъ въ Тверь. Послѣ сего и Великая Княгиня, находясь въ страхѣ и опасности, рѣшилась удалиться.

Когда мятежъ, безпорядокъ, шумные раздоры и наглое своевольство, вѣрные спутники перваго, яростно разпространясь выходили изъ предѣловъ; когда вся Москва подобно бурному морю волновалася; тогда внезапно явился въ ней одинъ иноземецъ: рѣшительный и храбрый Литовскій Князь Остей, внукъ Ольгер-

довъ; онъ предпринялъ великодушное намѣренiе защищать Россiйскую столицу и оградить ее отъ мстительной руки Татаръ (*). За нимъ стеклись въ Москву во множествѣ окрестные жители. Остей, какъ нѣкiй благотворный генiй, принявъ начальство въ столицѣ, укротилъ мятежъ, водворилъ устройство и тишину, исправилъ и сильнѣе укрѣпилъ градскiя стѣны, посады и предмѣстiя выжегъ, разставилъ и распорядилъ войска, и всѣхъ предуготовилъ къ мужественной оборонѣ.

Въ полдень 23 Августа 1383 года раздавшiйся на Кремлевскихъ стѣ-

(*) Вѣроятно, что Остей по повелѣнiю или приглашенiю Великаго Князя прибылъ въ Москву. Сыны Ольгерда Димитрiй и Андрей всегда были преданы нашему Государю, и Остей сей долженствовалъ быть сынъ Андрея Ольгердовича: ибо лѣтописцы называютъ Остеемъ и другаго сына сего Князя, Александра, захваченнаго въ Коломнѣ, въ 1385 году Олегомъ Рязанскимъ.

нахъ гласъ трубный возвѣстилъ появленіе непріятеля. Граждане вооружились къ отраженію нападающихъ; Остей, взявъ мечъ въ крѣпкую десницу, ограждаетъ себя щитомъ, въ даръ отъ побѣдоноснаго Ольгерда полученнымъ: Ольгердъ носилъ щитъ сей въ бурныхъ браняхъ. Съ неутомимою дѣятельностію летаетъ Остей по стѣнамъ, распоряжаетъ и повсюду учреждаетъ мѣры къ сильному отпору непріятеля. Явясь на главной площади, съ краснорѣчіемъ героя напоминаетъ славу Донской побѣды, возбуждаетъ, воспламеняетъ гражданъ.

Между тѣмъ Тохтамышъ въ близкомъ разстояніи отъ Москвы поставилъ огромный станъ, а отряженные отъ него наѣздники, дерзновенно приближась къ стѣнамъ спрашивали: »Въ столицѣ ли находится »Князь Димитрій?« — Московскіе граждане отвѣчали: »Великаго Князя здѣсь »нѣтъ; онъ собираетъ въ полѣ несмѣт-

»ныя силы! « Татары поскакали вокругъ города, разсматривали укрѣпленія онаго и удалились съ донесеніемъ къ Царю.

Набожные жители Московскіе проливали слезы предъ олтарями въ храмахъ Божіихъ; неблагонамѣренные, ворвавшись въ боярскіе домы, похищали сребренные и драгоцѣнные хрустальные сосуды, выкапывали изъ погребовъ бочки меда, пива, вина; осушая оныя, въ развращенномъ и неистовомъ видѣ повсюду кричали: » не боимся поганыхъ Татаръ; не осмѣ» лятся они приступить къ крѣп» кимъ нашимъ каменнымъ стѣнамъ, » ниже ко вратамъ желѣзнымъ! Стра» шатся Моголы насъ, страшатся и » Великаго Князя! « Взлетѣвъ на стѣны, кичливые граждане поносили Татаръ ругательствомъ: сіи въ отвѣтъ показали имъ обнаженныя сабли. И полки непріятельскіе дѣйствительно въ сей день удалились отъ стѣнъ.

На другой день поутру Тохта-

мышъ опять приближился къ городу, намѣреваясь лично обозрѣть Московскія укрѣпленія. Осажденные начали метать въ непріятеля стрѣлы, бросать каменья изъ махинъ. Раздраженные Татары тѣмъ же отвѣчали, и туча стрѣлъ съ обѣихъ сторонъ омрачила воздухъ; съ великимъ проворствомъ и искуствомъ Магометане напрягали луки, жестоко поражали осажденныхъ на стѣнахъ, и кидая лютую смерть внутрь города, покрывали стогны мертвыми трупами; отважнѣйшіе изъ Моголовъ, приставивъ лѣстницы, съ свирѣпствомъ силились взойти на стѣны: Рускіе сшибали ихъ каменьемъ, низвергали на нихъ горящія бревна, напрягали самострѣлы, дѣйствовали пороками (*),

---

(*) *Пороки* были великіе рычаги на перевѣсахъ съ желѣзными оковами, которыми разбивали деревянныя и каменныя стѣны, см. *Татищева* Ист. Росс., кн. III, стр. 482. Поелику Пороки долженствовали устроені-

бросали *тюфяки* (*), пускали стрѣлы, обливали нападающихъ кипящимъ варомъ и смолою клокощущею. Всѣ сіи губительныя средства не могли обуздать ярости непріятеля. Вдругъ одинъ Московскій гражданинъ, суконникъ Адамъ Москвитинъ, стоявшій у Флоровскихъ воротъ, примѣтивъ знатнаго Татарина, беретъ въ твер-

емъ своимъ походить на *Тараны*, то вѣроятно, что осажденные, разкачавъ брусъ, на концѣ коего придѣлана была огромная вылитая изъ желѣза голова баранья, пускали оный противу осаждающихъ, усиливавшихся взойти на стѣну, и страшнымъ ударомъ бруса низвергали ихъ.

(*) Объясненія, что разумѣется подъ словомъ *тюфякъ*, нигдѣ я не нашелъ, кромѣ Щербатова, который (Ист. Росс., кн. IX, стр. 185) полагаетъ, что тюфяки были мѣшки наполненные каменьями. Вѣроятно сіе: ибо мѣшки, отъ силы верженія и сопротивленія воздуха, могли разрываться на полетѣ и, наподобіе картечь, кучею соединенныхъ камней поражать непріятеля. Быть можетъ, что тюфяки были и кожаные наполненные какимъ нибудь горючимъ веществомъ.

дую мышцу лукъ, натягиваетъ тетиву, пускаетъ острую стрѣлу: взвившаяся стрѣла, летя быстро и мѣтко, пронзаетъ сердце одного Ордынскаго Князя, храбрѣйшаго и славнаго между богатырями Могольскими. Смерть его повергаетъ Царя въ несказанную печаль и приступъ прекращается.

Такъ колеблемый страхомъ и надеждою Тохтамышъ провелъ три дня, а на четвертой, видя упорное и храброе сопротивленіе осаждающихъ, прибѣгъ къ вѣроломству, обыкновенному пособію злодѣевъ, и предложилъ перемиріе. Остей, имѣвшій мужественную душу, съ благородною довѣренностію явился въ непріятельскій станъ для постановленія условій. Татары окружаютъ героя, повергаютъ и предъ лицемъ Царя своего злодѣйски умерщвляютъ Литовскаго Князя. Жертва сія была началомъ ужаснѣйшаго кровопролитія. Тогда Тохта-

мышъ повелѣлъ обложить Москву со всѣхъ сторонъ.

Татарскій духъ неудовольствовался симъ удачнымъ опытомъ вѣроломства; въ злобѣ своей примыслилъ сильнѣйшій и пагубнѣйшій. Два сына Князя Нижегородскаго находились при Тохтамышѣ; сихъ младыхъ Князей успѣлъ Ордынскій Царь преклонить къ себѣ: или прелестію верховной власти, идола тщеславныхъ душъ, обѣщая отдать имъ Великое Княженіе Московское; или страхомъ, грозою робкихъ; или внушеніемъ, удобнымъ обольстить неопытные умы, что не жаждетъ онъ крови, что желаетъ единственно покорности. Юноши Василій и Симеонъ Нижегородскіе, содѣлались орудіями свирѣпаго врага, орудіями къ истребленію Москвы. Забывъ санъ свой, честь близкаго родства съ героемъ Донскимъ; забывъ, что, нося славное имя Россовъ, долженствовали они гордиться онымъ,

и за честь отечества принести себя въ жертву; юноши сіи, сдѣлавъ первый шагъ къ раболѣпству, не остановились идти далѣе. По наставленію Тохтамыша, съ Ордынскими вельможами и окруженные войскомъ, подъѣхали они къ городу: Московскіе граждане, увидѣвъ со стѣнъ приближеніе Нижегородскихъ Князей, прекратили непріязненные дѣйствія, и услышали отъ нихъ слѣдующую рѣчь: »Царь Тохтамышъ жалуетъ васъ, »зная, что вы невинны и незаслуживаете гнѣва его. Противъ Великаго »Князя Димитрія Іоанновича ополчился и воюетъ Царь, а вы достойны его милости. Желаетъ, чтобы »вы съ Воеводами вышли на встрѣчу »ему съ небольшими дарами; желаетъ »видѣть градъ вашъ. Отворите ему »ворота и пріимите отъ него миръ »и любовь. Имѣйте вѣру къ намъ, »Христіанамъ, вашимъ Князьямъ!« — Ничто не можетъ извинить слабо-

душнаго поступка Князей Нижегородскихъ; никакія побужденія не долженствовали преклонить ихъ къ оному. Честный человѣкъ, прямый сынъ отечества, предпочитающій честь и славу онаго жизни своей, не поколебался бы въ подобномъ обстоятельствѣ: съ благороднымъ величіемъ и твердостію обнажилъ бы онъ грудь свою и, для спасенія отечества, безтрепетно бы принялъ отъ убійцы ударъ кинжала.

Московскіе граждане, приклонивъ слухъ къ льстивымъ словамъ юношей и довѣряя имъ, какъ единокровнымъ Государю ихъ Князьямъ, спѣшатъ къ своей погибели: духовенство въ облаченіи со Святыми Крестами и иконами, бояре и градоправители съ богатыми дарами, многочисленная толпа народа въ смиреніи и безъ оружія, шествуютъ къ Татарскому стану. Едва выступили они изъ города, какъ ворота запи-

маются стражею неприятельскою, а одинъ конной отрядъ въѣзжаетъ въ Москву. Едва показались предъ шатромъ Тохтамыша, какъ злодѣй сей даетъ зловѣщій знакъ воинству своему, и неистовые Татары съ бѣшенствомъ бросаются на Россіянъ, въ мирѣ и тишинѣ на встрѣчу Ордынскаго повелителя изшедшихъ, въ ярости совлекаютъ одежды съ духовныхъ, обнажаютъ всѣхъ несчастныхъ и попирая ногами покрываютъ тѣла̀ ихъ кровавыми ранами; нечестивая рука прикасается ко крестамъ и иконамъ, исторгаетъ ихъ изъ рукъ священниковъ.

Злодѣю Тохтамышу злодѣи подданные скоро повинуются: въ одно мгновеніе устилается поле предъ Кремлевскими стѣнами безчисленнымъ множествомъ избіеннаго Рускаго народа. По простертымъ трупамъ несчастныхъ и конные и пѣшіе Татары несутся въ Москву, разсыпаются по

улицамъ и площадямъ; смерть, не встрѣчая сопротивленія, быстро мчится; кровожадное бѣшенство Моголовъ не имѣетъ труда отыскивать жертвъ: народъ Московскій въ слезахъ, отчаяніи, страхѣ и трепетѣ, бѣгалъ по всему городу; изыскивая убѣжища ко спасенію своему, изъ одной бѣды ввергался въ другую: повсюду преслѣдующій мечь поражалъ, произали стрѣлы, копіе истребляло. Иные жители, бросясь въ домà, желали укрыть себя: но свирѣпые враги вламываются туда и всѣхъ встрѣчающихся взору ихъ безщадно умерщвляютъ. Лавки и дворы торговцевъ, преисполненные богатствомъ и разнообразными товарами; жилища знаменитыхъ бояръ, гордившіяся красотою убранства; кладовыя ихъ, обиловавшія многоцѣнными запасами, плодомъ долговременной рачительности и домоводства похвальнаго; чертоги Великокняже-

скіе, изящные зодчествомъ и великолѣпіемъ, казна и всѣ сокровища Димитрія: все разхищено, унесено, все въ одно мгновеніе изчезло. Другіе граждане чаютъ обрѣсти спасеніе у олтарей, скрываются въ храмахъ Божіихъ: нечестивцы не поставляютъ предѣловъ буйству своему, съ неистовствомъ бросаются въ церкви и монастыри, обагряютъ помосты храмовъ струями крови невинной; святотатственная рука похищаетъ одежды и пелены парчевые изукрашенныя жемчугомъ, грабитъ кресты и сосуды многоцѣнные, обламываетъ и обдираетъ Святыя иконы златомъ и алмазами сіяющія.

Все, что варварство въ лютости и свирѣпости примыслить можетъ, все производили кровожадные злодѣи: предъ слезящими глазами чадъ разсѣкаютъ по поламъ согбеннаго лѣтами отца; въ виду пораженныхъ ужасомъ родителей, разможжаютъ не-

счастныхъ дѣтей о стѣпы каменныхъ церквей; пронзаютъ младенцевъ играющихъ на грудяхъ матерей, а сихъ поруганными предаютъ мечу. Неслыханное и въ трепетъ приводящее смертоубійство вдругъ разитъ всю Москву.

Рыданіе, вопль и стонъ ужасный распространились по столицѣ. Варвары не довольствуются ни грабительствомъ, ни кровопролитною сѣчею: съ бѣшенствомъ разносятъ они огонь по городу; пламя мгновенно объемлетъ всю Москву, быстро носится, совокупляется и представляетъ трепещущему взору картину лютѣйшаго всеобщаго пожара, съ яростію пожирающаго обширный и великолѣпный городъ. Тутъ ужѐ не оставалось никакого спасенія, ни пристанища, ни убѣжища: и убѣленные маститою старостію, и цвѣтущіе юноши, и чадолюбивыя матери прижавшія къ персямъ чадъ своихъ, и

поруганныя дѣвы, дотолѣ блиставшія и красотою и непорочностію, всѣ безъ остатка или истребляются мечемъ Татарскимъ, или сгараютъ въ пламени, или поглощаются въ волнахъ Москвы и Неглинной: рѣки сіи, обагренныя кровію, съ ужасомъ несутъ трупы тѣхъ самыхъ обитателей, которые въ недавнихъ дняхъ на берегахъ ихъ наслаждались всѣми благами кроткаго правленія. Тогда утихли и стонъ и вопль и рыданіе: Москва превратилася въ пустыню.

Такъ жестоко пострадала Москва въ 26 день Августа 1383 года; такъ повержена была къ стопамъ Тохтамыша та Москва, которая, при благородномъ единодушіи Князей Россійскихъ, долженствовала бы учиниться гробомъ лютаго Татарина. Дотолѣ была она великимъ и прекраснымъ градомъ, славна сокровищами, превознесена надъ всѣми городами въ Россіи. Въ одно мгновеніе померкла сла-

ва ея и великолѣпіе измѣнилось: покоренная неистовымъ врагомъ, съ изумленіемъ зрѣла всѣ зданія свои въ пепелъ обращенныя; храмы Божіи, деревянные падшіе, а каменные обгорѣвшіе, пустые, уединенные: ни звонъ колокола не призывалъ ужѐ благочестивыхъ, ни сладкогласное пѣніе не славословило Творца Вселенной. Москва ограбленная не обрѣтала и признаковъ прежняго богатства; Москва униженная съ поникшею главою смотрѣла на развалины величества всего; Москва пораженная съ трепетомъ и содроганіемъ, видѣла разметанные трупы чадъ ея, потоки крови, струившіеся по всему городу.

Не изображеніе ли это ужаснаго бѣдствія, поразившаго столицу Россійскую въ 1812 году? Наполеонъ, принявъ себѣ въ образецъ Мамая и Тохтамыша, тщательно слѣдовалъ по стопамъ сихъ извергов: единственное разли-

чіе, что въ XIV вѣкѣ Москва сокрушена была настоящими варварами, а въ XIX столѣтіи изтреблена народами, превозносящимися просвѣщеніемъ; но народы сіи покорялись гласу тирана. Россія, и въ наши дни поднявъ силы свои, отразила, превозмогла, разсыпала песмѣтное ополченіе возставшей противу благоденствія ея бóльшей части Европы. Возторжествовавъ сыны славы полетѣли въ предѣлы Германіи; сопутствуемые побѣдою, перенеслись чрезъ волны Рейна. Среди непрерывныхъ тріумфовъ, наступивъ твердою стопою на сердце лютѣйшаго противоборника, Ангелъ кротости, добротою души превышающій всѣхъ смертныхъ, Ангелъ хранитель счастія Россіи, изливая благотворенія на друзей, не содѣлывая зла врагамъ, напоивъ души храбрыхъ своими чувствами великодушія, за неизчислимое зло воздаетъ непріятелю благостію! Сама

злоба оцѣпенѣла отъ удивленія. Такъ человѣколюбивые Цари волшебною силою добродѣтели изкореняютъ ненависть, укрощаютъ ярость воина. Димитрій и Александръ, подобные въ непреоборимости духа, сходствуютъ и въ благости.

Прекрасная и великолѣпная Москва! Изпытавъ всѣхъ родовъ бѣдствія, многократно превращенная пожарами въ пепелъ, опустошенная смертоносными повѣтріями, сокрушенная губительною рукою Моголовъ, Поляковъ, Французовъ, пріявшая, кровавыя язвы во спасеніе Отечества, днесь (*) благотворною дланію АЛЕКСАНДРА подъятая, обновленная, украшенная, возвеличенная, сіяй безмятежно на многіе вѣки! Да не коснется къ стѣнамъ твоимъ ни пламень, ни моръ, ни буря внутреннихъ крамолъ, ни мечъ иноплеменника! Цвѣти и бла-

---

(*) Писано въ 1820 году.

жествуй градъ величественный! Питай Музъ; распространяй по великой Имперіи свѣтъ ученія; пребудь хранилищемъ добродѣтелей Россовъ: укрѣпляй ихъ въ любви къ Государю и отечеству, изъ коей истекаютъ всѣ прочія доблести; весели и покой знаменитыхъ сыновъ Россіи, отдыхающихъ въ нѣдрахъ твоихъ; торжествуй вѣнчаніе Монарховъ, залогъ горячности Ихъ къ подданнымъ! Царица и матерь градовъ Россійскихъ, Москва — превозносись и благоденствуй до послѣднихъ дней міра!

Сокрушивъ столицу Россійскую, Татары разсыпались по окрестностямъ, жгли и опустошали селенія, грабили и умерщвляли жителей. Устремясь во всѣ стороны, одни съ яростію напали на Переяславль, предали его огню, до основанія искоренили: несчастные жители успѣли спастись, сѣли на лодки и суда и поплыли въ озеро. Другіе съ тою же

яростію пустились къ Звенигороду, Можайску, Юрьеву, Боровску и Дмитрову, оставляя за собою кровавые слѣды. Нѣкоторые несли свирѣпость свою къ Волоку: но здѣсь Ангелъ-хранитель Россіи поставилъ предѣлъ лютости варваровъ: Владиміръ недремлющій, когда предлежитъ спасать Отечество, сей герой, имя коего Россіяне долженствуютъ воспоминать съ душевною признательностію и почтеніемъ, собравъ около восьми тысячь войска, стоялъ близъ Волока: герой, не спрашивая о числѣ непріятеля, съ быстротою молніи ударилъ на приближающійся Татарскій отрядъ, не далъ ему образумиться, разсыпалъ, разилъ, плѣнялъ и положилъ на мѣстѣ болѣе 6000 человѣкъ. Малые разсѣянные остатки, спасаясь бѣгствомъ, принесли страхъ и ужасъ въ станъ Тохтамыша, расположенный предъ Московскими развалинами. Въ слѣдъ за

ними разпространился слухъ, что и Великій Князь собралъ большія силы.

Необузданная буйность и свирѣпство крайне дерзновенны въ счастіи; но при малѣйшей превратности легко и скоро робѣютъ, трепещутъ. Устрашенный Тохтамышъ торопливо снялъ станъ, поспѣшно пошелъ чрезъ Рязанскія области, нигдѣ не осмѣливаясь отдохнуть. Тогда Олегъ увидѣлъ, что его гнусное предательство на самаго его низринулось; что суетны и безполезны союзы со злодѣями: огнь, опустошеніе, кровопролитіе, сопровождали быстрое отшествіе Моголовъ и въ предѣлахъ измѣнника. Обремененный великими сокровищами, нахищенными въ сокрушенной Москвѣ и повсюду на пути у несчастныхъ жителей изторгнутыми, Тохтамышъ съ многочисленнымъ плѣномъ возвратился въ Орду.

Димитрій и Владимиръ, прибывъ въ Москву, поражаются ужаснымъ

зрѣлищемъ: куда сокрылася краса всѣхъ градовъ? Вмѣсто величественной Москвы, обрѣтаютъ дымящіяся еще развалины; вмѣсто многолюдства обитателей, окровавленные трупы несчастныхъ; вмѣсто сокровищь, сокрушенные обломки великолѣпныхъ зданій. Скорбятъ, ліютъ слезы Герои. Плѣнительны слезы орошающія глаза геройскіе; онѣ доказываютъ доброту сердца ихъ. Но въ сей лютый часъ испытанія не слезъ требовало отечество; спасать его надлежало; надлежало всѣ помышленія, всѣ пособія ума и могущества, съ непоколебимою твердостію устремить къ сей одной цѣли; оставляя Москву, надлежало сдѣлать всѣ потребныя распоряженія къ огражденію и оборонѣ ея; не оставляя Престольнаго града на произволъ счастія, ввѣрить оный охраненію мужа надежнаго. Надлежало умомъ руководствовать, возвышенною ду-

шею возпламенять гражданъ; и властію и прелестію наградъ, всѣми пружинами возбудишь народъ. Для чего не оставить въ Москвѣ Владиміра? Ежели Остей, сей великодушный иноземецъ, съ толикою честію и похвалою оспоривалъ покореніе города: то чего бы не совершилъ мужественный и рѣшительный Владиміръ? Вѣроятно, что сей славный мужъ, преодолѣвъ всѣ препоны, удержавъ благочиніе между гражданами, благоустройство въ войскѣ, вливъ въ сердца всѣхъ храбрость свою, извлекъ бы ихъ изъ безчувственности, разсѣялъ бы страхъ появленіемъ Татаръ причиненный. И свирѣпый Тохтамышъ, подобно какъ Ольгердъ, несравненно искуснѣйшій его въ бранномъ ремеслѣ, посмотрѣлъ бы токмо завистливымъ окомъ на величественныя стѣны Кремлевскія.

Димитрій, и среди жесточайшихъ злополучій великій, не предается от-

чаянію при воззрѣніи на развалины столицы своей. Немедлѣнно повелѣваетъ очищать улицы и площади, тѣла умерщвленныхъ предать землѣ (*); приступаетъ къ возобновленію Москвы. Рачительный и мудрый Государь всегда счастливо успѣваетъ въ благихъ предпріятіяхъ. Скоро возвращаются разсѣявшіеся по лѣсамъ прежніе жители, приходятъ новые, привлекаемые щедротою и благостію Правительства; обновляются уцѣлѣвшія строенія, сооружаются поврежденныя Кремлевскія стѣны, со-

(*) За каждые 80 убіенныхъ тѣлъ Великій Князь повелѣлъ платить по 1 руб.; всего выдано было 300 рублей; слѣдовательно мертвыхъ тѣлъ предано землѣ 24 000. Разумѣется, что въ сіе число не могли быть включены погибшіе въ пламени и въ рѣкахъ. Изъ онаго усматривается и великое число истребленныхъ въ Москвѣ при вторженіи Тохтамыша, и тогдашнее знатное населеніе столицы нашей.

зидающся и изящно украшающся храмы Божіи, появляющся великолѣпные чертоги Царскіе. И Москва, по мановенію мудраго Самодержца, стряхнувъ пепелъ, съ новымъ блескомъ подъемлетъ величавую главу свою.

Такъ Димитрій обратилъ во славу свою и тотъ бѣдственный случай, который могъ помрачить блескъ государствованія его. Народъ Россійскій, питающій сердцà свои любовію къ Царямъ, чтилъ власть Государя правосуднаго, кроткаго: Государь, добродѣтелями сіявшій, всѣ помышленія свои устремлялъ единственно къ содѣланію счастія народнаго.

Пораженная Москва требовала отмщенія; справедливость повелѣвала наказать вѣроломнаго Князя Рязанскаго. Димитрій имѣлъ довольно значущее войско, собранное противу Тохтамыша; въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, по удаленіи Татаръ, двинулъ оное къ Окѣ. Устрашенный Олегъ съ боярами

скрылся въ степяхъ; войска его, не осмѣливаясь противостать Московскимъ силамъ, удалились и разсѣялись. Великій Князь внесъ оружіе въ столицу неукротимаго врага, наложилъ на всю Рязанскую область большіе поборы, взялъ окупъ, и съ знатнымъ плѣномъ и корыстями возвратился въ свои предѣлы.

Опять, знаменитые Соотечественники, съ соболѣзнованіемъ усматриваемъ покорность и униженіе князей нашихъ предъ Ордынскими царями. Возродившееся междоусобіе, изчадіе самаго ада, вспомоществуетъ Моголамъ, однихъ изъ Князей Россійскихъ ласкательствомъ политики, другихъ силою оружія повергать въ рабство и на рамена Россіи вновь налагать тяжкое иго, стрясенное побѣдою на Куликовомъ полѣ. Многіе изъ Удѣльныхъ Владѣтелей охотно покоряютъ себя власти Татарской, предпріемлютъ путь въ орду: Князь

Городецкій, Симеонъ, сынъ Князя Нижегородскаго, Михаилъ Тверскій съ сыномъ, спѣшатъ поклониться Тохтамышу, подносятъ ему дары и пріемлютъ отъ него цѣпи. Самъ Димитрій, уступая времени и несчастнымъ обстоятельствамъ, отправляетъ туда сына своего Князя Василія Димитріевича, съ богатыми подарками и съ представленіемъ правъ своихъ, огражденныхъ грамотами Джанибека. Тщеславіе и гордость Татарская съ удовольствіемъ принимаютъ униженіе нашихъ Князей и ихъ великолѣпные дары. Тиранство Моголовъ возобновляется въ 1384 году. Тохтамышъ самовластно располагаетъ Россійскими областями. По смерти Димитрія Константиновича, Княженія Нижегородское и Суздальское отдаетъ Борису, брату покойнаго; оставляетъ Михаила на владѣніи Тверскомъ, и даже дерзаетъ подтвердить Героя Донскаго на пре-

столѣ Московскомъ! Сыновей ихъ, въ залогъ вѣрности, Ханъ удерживаетъ въ Ордѣ.

Къ пагубному междоусобію присоединилось несогласіе Великаго Князя съ Первосвященникомъ Россійской церкви. Митрополитъ Кипріанъ, во время вторженія Тохтамыша, оказалъ малодушіе и не мало споспѣшествовалъ бѣдствіямъ Москвы, а потомъ удалился въ Тверь, мѣстопребываніе честолюбія, происковъ и вражды. Тутъ Михаилъ пріобрѣтаетъ дружество Преосвященнаго, а сей не помышляетъ возвратиться въ Москву, не спѣшитъ освятить поруганные Татарами храмы, утѣшить унылыя сердца пастырскими поученіями. Гнѣвъ, недовѣріе и безпокойство Великаго Князя увеличиваются при извѣстіи, что Кипріанъ, вошедши въ тѣсныя связи съ Княземъ Тверскимъ, подавалъ ему совѣты вредные, что по внушеніямъ сего

пастыря, Михаилъ ходатайствовалъ въ Ордѣ о великомъ княженіи. Оскорбленный поступкомъ Митрополита, который по важности и знаменитости сана своего долженствовалъ особою своею являть примѣръ вѣрности и усердія къ царскому престолу, Димитрій повелѣлъ Кипріану немедлѣнно явиться въ Москву, обнаружилъ подозрительное поведеніе его и оказывалъ къ нему заслуженное презрѣніе. Величественный Государь добродѣтелями своими во всѣхъ случаяхъ властвовалъ надъ душами подданныхъ: Россіяне раздѣлили съ нимъ и негодованіе противу Митрополита. Кипріанъ, видя твердую рѣшительность Великаго Князя, неся гнѣвъ и неблаговоленіе его, усматривая охлажденіе къ себѣ всего народа, удалился въ Кіевъ. Димитрій призвалъ на его мѣсто Пимена и утвердилъ на Митрополіи всея Россіи.

Вновь пылаетъ пламя междоусобія:

Олегъ внезапно въ 1385 году приближается къ Коломнѣ, захватываетъ въ плѣнъ намѣстниковъ, бояръ, похищаетъ казну и многія сокровища. Великій Князь отправляетъ противу него, подъ предводительствомъ Владиміра, знатное войско; съ Рязанцами соединились Литовцы: сопротивныя силы встрѣчаются, вступаютъ въ бой, который, кромѣ лютаго кровопролитія, не произвелъ ничего рѣшительнаго. Въ семъ жестокомъ сраженіи погибли многіе отличные бояре и воеводы Московскіе и Новгородскіе, достойный Князь Михаилъ Андреевичь Полоцкій также палъ на ратномъ полѣ. Послѣ сей битвы происходили съ обѣихъ сторонъ неважные набѣги.

Напослѣдокъ наступаетъ время примиренія враговъ самыхъ раздраженныхъ; прекращаются брани, гибельныя опустошенія коихъ многократно испытали несчастные под-

данные сихъ владѣтелей. Въ началѣ 1386 года отъ лица Великаго Князя является въ Рязань мужъ, благоразумія и благочестія преисполненый, знаменитый добродѣтелями, преподобный Сергій: и тотъ, котораго не могли укротить благодѣянія и снисхожденіе Государя Россійскаго, котораго не могли привести на путь истины жестокосердіе и свирѣпость Татаръ, покаряется гласу убѣжденія, плѣняется кротостію и благими нравами мудраго старца. Пробуждается совѣсть, сія охранительница нравственности смертныхъ, преслѣдующая и Царей на тронѣ; наконецъ раскаяніе трогаетъ развращенную природу: Олегъ внемлетъ наставленіямъ Преподобнаго Сергія. Сладкорѣчіе Святителя даровало миръ: Князь Тверскій погашаетъ въ душѣ своей прежнюю злобу и вражду, смиряется и заключаетъ съ Димитріемъ вѣчный союзъ. Прочность сего мира

сильнѣе утверждается брачными узами князя Ѳеодора, Олегова сына, со дщерію Великаго Князя, Софіею.

Миръ, любезный миръ! Блаженна та страна, въ коей ты обитаешь; блаженны тѣ человѣки, которые вкушаютъ сладость плодовъ твоихъ; блаженны тѣ Монархи, которые подъ благотворною сѣнію твоею устроляютъ счастіе подвластныхъ имъ народовъ!

1386 годъ ознаменованъ въ лѣтописяхъ нашихъ раболѣпствомъ нѣкоторыхъ Князей Россійскихъ и смѣлою рѣшительностію иныхъ: одни спѣшатъ поклониться Тохтамышу; другіе исторгаютъ себя отъ поноснаго плѣна въ Ордѣ. Въ числѣ первыхъ съ негодованіемъ замѣчаемъ имена Бориса Суздальскаго и Александра Тверскаго; между послѣдними обрѣтаемъ Василія, сына Великаго Князя: сей юный Князь, опасаясь по обыкновенному пути отправиться въ

Россію, скрывал санъ свой подъ простою одеждою, пробрался по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей въ Валахію, а оттоль чрезъ Подолію благополучно прибылъ въ Нѣмецкую страну къ знаменитому Витовту, который принялъ его и потомъ препроводилъ къ Родителю. Родославъ Рязанскій и Василій Суздальскій такъ же старались спасти себя; послѣдній по несчастію былъ захваченъ на пути и обратно привезенъ въ Орду, гдѣ и томился въ тяжкой неволѣ.

Богатство и могущество Новгорода привлекали въ оный иноземцевъ: Князь Литовскій Патрикій, внукъ Гедиминовъ, съ согласія Великаго Князя, въ 1384 году получилъ отъ Новгородцевъ въ удѣлъ Орѣховъ (*), Копорье (**)

(*) Шлиссельбургъ.

(**) Копорье, былъ городъ, построенный по повелѣнію Россійскихъ Князей въ 1280 или 1297 году при рѣкѣ Копорицѣ, впадающей въ Финской Заливъ.

и Лужское село. Жители тамошніе, недовольные правленіемъ Патрикія, принесли на него жалобу. Сословіе потребовало его къ отвѣту. Когда ударили на вечи, для собранія народа на Ярославлевъ дворъ, тогда *Славянскій конецъ*, обольщенный дарами Патрикія, принявъ его сторону, зазвонилъ въ колокола на вечи (*) Софійской церкви. Народъ стекался въ разныя мѣста; обнаружилось несогласіе, смятеніе ежечастно возрастало, кипѣли раздоръ и ярость. Три конца (**) *Наревскій*, *Людинъ* и *Загородный* возстали противу Патрикія. Разрушили на Волховѣ большой

(*) Колокольня въ старину называлась вечь.

(**) Конецъ, часть города, раздѣлявшаяся на четверти или кварталы. Новгородъ раздѣленъ былъ на пять концовъ. И вся Новгородская страна раздѣлялася на пять частей: *Водскую*, *Обонежскую*, *Бѣжецкую*, *Деревскую* и *Шелонскую*, называвшіяся по таковому раздѣленію Пятынами.

мостъ, вооружились, готовились вступить въ бой. *Плотническій* конецъ былъ посредникомъ между враждующихъ. Послѣ двухъ недѣльнаго волненія, граждане Новгородскіе усмирились, и напослѣдокъ согласились дать Патрикію въ замѣнъ прежняго Удѣла, Ладогу и Русу, не изпросивъ однакожъ на сіе соизволенія Великаго Князя. Еще въ прошедшемъ году Посадникъ Новгородскій Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ и Тысяцкій Богданъ Аввакумовичъ, составивъ по древнему обыкновенію вече (*), положили, чтобы впредь ни по какимъ духовнымъ дѣламъ не относиться въ Москву къ Митрополиту, а разбирать оныя Новгородскому Преосвященному; Посаднику же и Тысяцкому судить и окончательно рѣшить всѣ дѣла граждан-

---

(*) Вече, народное собраніе, для какихъ нибудь совѣщаній, которое обыкновенно происходило на площади.

скія, на основаніи древнихъ законовъ, по Правдѣ Руской (*). Великій Князь занятый въ то время важнѣйшими дѣлами, простирая всѣ помышленія свои къ главной цѣли, къ сокрушенію Могольскаго ига, терпѣливо взиралъ на своевольное постановленіе Новгородцевъ. Неудовольствуясь симъ, Новгородское сословіе умышляло и вовсе отторгнуть себя отъ зависимости Великаго Князя. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Новгородскихъ граждань были столь дерзновенны, что, пришедъ на Волокъ и набравъ тамъ всякаго зброда людей, пошли по Волгѣ, грабили купцовъ и поселянъ разоряли. Тщетно Димитрій увѣщавалъ Новгородцевъ; наглость и неповиновеніе ихъ возрастали болѣе и болѣе. Наконецъ, по прекращеніи разпрей съ

(*) Законоположеніе В. К. Ярослава Владиміровича, послѣдовавшее въ 1016 или 1020 году.

Олегомъ Рязанскимъ, Великій Князь совокупивъ многочисленныя войска, пошелъ съ Кн. Владиміромъ усмирять своевольныхъ.

Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній Новгородъ, Кострома, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣжецкъ, Бѣлоозеро, Вологда, Устюгъ, Торжокъ, съ ревностію выслали войска подъ знамена Великаго Князя. Собраніе войскъ сихъ городовъ показываетъ, что Димитрій умѣлъ вновь возбудить усердіе къ своей особѣ; умѣлъ вновь возстановить упадшій духъ Россіянъ. И вѣроятно, что ежели бы продлилася далѣе жизнь сего Государя, одного изъ величайшихъ нашихъ Вѣнценосцевъ, то, возпламенивъ всю Россію, напослѣдокъ укрѣпилъ бы и низложилъ онъ на

вѣки гордыню Моголовъ и не оставилъ бы много труда Іоаннамъ.

При урочищѣ Ямкахъ, въ придесяти верстахъ отъ Волхова, встрѣтилъ Великій Князь знатную Новгородскую силу. Сталь Димитріева вновь загремѣла и непокорные возтрепетали: знаменитѣйшіе изъ Новгородцевъ, учинивъ торопливо между собою совѣтъ, отправили къ Димитрію пословъ, съ прошеніемъ мира; Великій Князь раздраженный своевольствомъ и неповиновеніемъ Новгородцевъ, не принялъ предложенія. Узнавъ, что Государь твердо рѣшился внести оружіе въ Новградъ, жители пришли въ крайнюю тревогу и смятеніе, всѣ посады, тридесять церквей и монастырей и всѣ зданія за городскими стѣнами предали огню, и изготовились къ отраженію. Между тѣмъ благонамѣренные изъ знатныхъ гражданъ, съ сокрушеніемъ сердца взирая на раззореніе обитателей

и страшась лютѣйшихъ злоключеній, вновь отправили къ Великому Князю Архіепископа съ нѣсколькими духовными и свѣтскими особами. Послы убѣждали и слезно просили пощадить и помиловать несчастный городъ. Напослѣдокъ Димитрій, внушеніемъ человѣколюбиваго сердца своего, опустилъ наказующій мечъ, умилосердился, даровалъ миръ и прощеніе. Взявъ съ сословія 8000 рублей и особую дань по договорамъ Великому Князю принадлежавшую, Димитрій обязалъ платить ежегодно *Черный боръ* (*) и поставилъ Московскихъ Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ. Могущественный Государь могъ опустошить, сокрушить цѣлое сословіе, трепещущее, повергшееся къ стопамъ его: но сей Государь, сохранивъ Новгородъ невредимо, явилъ прямое

(*) Поземельная подать.

величество, заслужилъ въ потомствѣ хвалу и удивленіе.

Въ то время, какъ непримиримые враги простирали другъ къ другу дружественную длань, какъ Государство начинало успокоиваться послѣ жестокихъ потрясеній, какъ надежда восходила на горизонтъ Россіи, Смоленское княжество представило зрѣлище страшное! Владѣтель онаго Князь Святославъ Ивановичъ вознамѣрился обратно присоединить къ областямъ своимъ Мстиславль, отторгнутый Литвою; собравъ многочисленныя силы пошелъ покорять упомянутой городъ. Походъ сей не одно раззореніе и опустошеніе земель Литовскихъ, не одинъ пламень, пожиравшій селенія и превращавшій ихъ въ пепелъ, не одинъ мечъ истреблявшій жителей, но безчеловѣчіе неслыханное и неимовѣрныя мученія, сопутствовали.

Задернемъ завѣсою адскія мученія

бѣснующимся злодѣйствомъ вымышленныя, приводящія душу въ ужасъ и трепетъ. Къ посрамленію человѣчества, появляется иногда между людьми такое звѣрство, описаніе коего отъ самаго воображенія уходитъ! Лютость и развратъ сосѣднихъ народовъ растлѣваютъ самую лучшую нравственность: такъ и Смольяне, днесь славящіеся гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ, кроткими и добрыми нравами, непоколебимою вѣрностію къ Царскому Престолу и отечеству, посрамили и обезславили себя въ XIV вѣкѣ злодѣйствомъ неимовѣрнымъ, сообщеннымъ имъ отъ варваровъ Татаръ и грабителей Литовцевъ.

15 Апрѣля войска Смоленскія разбили станъ подъ стѣнами Мстиславля. Граждане предваренные о лютости непріятеля, рѣшились лучше до послѣдняго человѣка умереть съ оружіемъ, нежели подвергнуться муче-

ніямъ. По одинадсятидневномъ облежаніи, 29 Апрѣля появились знамена Литовскія: первый, къ радости осажденныхъ и ужасу осаждающихъ, представился зрѣнію Великій Князь Литовскій Скиригайло Ольгердовичъ; со вторымъ и третьимъ отдѣленіями прибыли Корибутъ и Лугвенъ, братья его, а четвертымъ, состоявшимъ изъ многочисленныхъ и отборныхъ войскъ, предводительствовалъ Князь Витовтъ Кестутіевичъ, вождь мужественный. Литовцы съ неустрашимою храбростію стали въ боевой порядокъ, а Смольяне при самомъ началѣ оказывали ненадежную торопливость: первые уповали стяжать побѣду; послѣдніе страшились пораженія, имѣя въ тылу своемъ рѣку Вехру. Бой открылся кровопролитный, продолжался съ великимъ озлобленіемъ; напослѣдокъ Литовцы превозмогли, положили множество Смольянъ на мѣстѣ сраженія, знатное число

захватили въ плѣнъ и не мало погрузили въ струяхъ Вехры. Князь Смоленскій Святославъ и братъ его Иванъ Васильевичъ пали на ратномъ полѣ, а младые Князья Глѣбъ и Георгій достались въ руки побѣдителей. Литовцы, преслѣдуя остатки разбитыхъ войскъ, подступили къ Смоленску, взяли съ сего города окупъ, посадили по волѣ своей, Князя Георгія, а брата его Глѣба со многими боярами и великимъ числомъ плѣнныхъ повлекли за собою.

Такъ восторжествовали Литовцы, а Смольяне были поражены и унижены. Необычайное злодѣйство ихъ вскорѣ получило еще жесточайшее наказаніе: язва появилася въ Смоленскомъ княженіи, быстро разпространилась по всей области, въ свирѣпости своей опустошила города и селенія, пожрала почти весь несчастный народъ, а въ самомъ Смоленскѣ уцѣлѣли отъ смертоносной ея

косы токмо десять человѣкъ, которые, затворивъ городскіе ворота, оставили сію ужасную пустыню, наполненную мертвыми трупами.

Между тѣмъ недремлющая политика Татаръ постоянно возжигала пламенникъ раздора между Князьями Россійскими; безвозбранно обогащалясь на счетъ ихъ междоусобія, старалася содержать Россію раздѣленну. Тохтамышъ возкипѣлъ яростію, узнавъ о союзѣ постановленномъ между Димитріемъ и Олегомъ; въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправилъ онъ на Россію знатныя силы, которыя внезапно напавъ на Любуцкъ и Рязань, раззорили и ограбили сіи города; самъ Олегъ едва спасся бѣгствомъ. Опустошивъ область, торопливо возвратились онѣ въ Орду: приближеніе отъ Кавказскаго хребта Аксакъ-Темира, славнаго потомъ подъ именемъ Тамерлана, было причиною скороспѣшнаго отступленія Татарскихъ войскъ.

Когда Капчакская орда находилася въ кровопролитнѣйшей брани съ Тамерланомъ; когда Тохтамышъ въ стѣнахъ Сарая трепеталъ имени сего грознаго завоевателя: Суздальскіе Князья Василій и Симеонъ вознамѣрились возвратить себѣ принадлежавшее родителю ихъ, Димитрію Константиновичу, Нижегородское княженіе, отданное властію Ордынскихъ Царей Борису, брату покойнаго владѣтеля. Василій и Симеонъ прибѣгнули къ покровительству Великаго Князя: Димитрій, ревностно пользовавшійся всѣми случаями къ ослабленію господства Могольскаго, къ потрясенію власти, къ униженію высокомѣрія ихъ, охотно подкрѣпилъ требованіе братьевъ Великой Княгини могущесшвомъ силъ своихъ. Притѣсненные Князья, вспомоществуемые Московскими войсками, выступили противу дяди и облегли Нижній-Новгородъ. Борисъ Константи-

новичъ, не имѣя къ сопротивленію достаточныхъ пособій и избѣгая сомнительнаго сраженія, уступилъ племянникамъ Нижегородское и Суздальское княженія, удержавъ за собою токмо Городецкій удѣлъ. Такимъ образомъ въ нижнихъ предѣлахъ счастливо водворились миръ и спокойствіе.

Среди радостнаго торжества, происходившаго по случаю рожденія Князю Владиміру Андрѣевичу сына Аѳанасія, добрые Россіяне съ изумленіемъ и душевнымъ прискорбіемъ внезапно примѣтили охлажденіе дружества между спасителями отечества, истинными героями онаго, между Димитріемъ и Владиміромъ, которые доселѣ питали одинъ къ другому чувства нѣжнѣйшей дружбы, коихъ умы были возпламеняемы одинаковыми помышленіями, души напоены единымъ побужденіемъ, славою и благоденствіемъ Россіи. Взятіе подъ стражу знат-

нѣйшихъ бояръ Владимірова Двора, подастъ поводъ заключать, что сіи тщеславные вельможи были причиною возникшей ссоры между знаменитыми героями. Нѣкоторые дѣеписатели подозрѣваютъ, что Владиміръ простиралъ честолюбивые виды на Московскій престолъ, желалъ, дабы Димитрій наименовалъ его своимъ преемникомъ; что пронырливые царедворцы возбуждали и возпламеняли въ славномъ Владимірѣ стремленіе къ самодержавству; что Донскій проницательнымъ окомъ усмотря замыслы брата, вознегодовалъ на него, и невзирая на сердечную любовь по Владиміру и отличное уваженіе къ знаменитымъ заслугамъ его, находилъ таковое намѣреніе невмѣстнымъ и оскорбительнымъ для славы и величества дома своего. Великій Князь повелѣлъ виновныхъ изъ царедворцевъ взять подъ стражу, размѣстить по разнымъ городамъ и со-

держать подъ крѣпкимъ присмотромъ. Тщеславные сіи вельможи показали собою примѣръ, что подданные никогда не должны мѣшаться въ разпри владѣтелей своихъ, а пѣмъ паче возпалять между Царями, кровными узами сопряженными, пламя вражды!

Сердца героевъ не могли быть на долго разлучены: Марта 25 числа 1389 года, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Димитрій великодушно простеръ объятія провинившемуся брату. Заключена съ нимъ договорная грамота, постановившая новыя права въ наслѣдіи Престола Россійскаго. Владиміръ призналъ преемникомъ Московской державы Василія Димитріевича, старшаго сына Донскаго и обязался почитать его братомъ старѣйшимъ, повиноваться и служить ему, какъ самому Великому Князю.

Не останавливаясь на бѣдственномъ изображеніи моровой язвы, по-

явившейся въ 1389 въ Новгородѣ и Псковѣ, пройдемъ безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія третичное путешествіе въ Царьградъ Митрополита Пимена, показывающее непокорливость сего старца волѣ Государя своего и замѣчательное единственно по довольно любопытному описанію онаго, въ лѣтописцахъ сохраненному; упомянемъ о прибытіи въ Москву, въ семъ же году, пословъ отъ Папы (*). Римскіе Первосвященники, возсѣдшіе на престолъ Цесаря, умышляли тогда вновь воздвигнуть Европу къ крестовымъ походамъ; почему вѣроятно, что и сіе посольство къ той же цѣли клонилось. Быть можетъ, что они простирали замыслы, многократно послѣ и всегда тщетно возобновляе-

(*) *Древній Лѣтописецъ*, Ч. II. стр. 118. — *Татищевъ* Ист. Рос. кн. IV. стр. 326. *Никонъ* Рус. Лѣт. час. IV. стр. 158. — К. *Щербатовъ* Ист. Рос. томъ IV. стр. 230.

мые, о соединенiи Россiйской церкви съ Римскою. Скажемъ такъ же о нахожденiи въ службѣ Великаго Князя нѣкоего Андрея Фрязина, Италiянца (*); оба сiи обстоятельства доказываютъ, что сношенiя Россiи съ полуденными странами Европы, прерванныя лютымъ нашествiемъ Татаръ, начали возобновляться въ XIV вѣкѣ.

Среди звука оружiя, сопровождавшаго Димитрiя отъ колыбели до гроба, не преставалъ герой Донскiй, какъ мудрый и попечительный Монархъ, рачительно заниматься внутреннимъ благоустройствомъ Государства. Содѣлавъ страшными Россiйскiя военныя силы, предводя счастливыхъ подданныхъ своихъ къ трiумфамъ и славѣ, великiй Государь тщательно водворялъ спокойствiе въ нѣдрахъ отечества. Два раза подымалъ

(*) *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Рос. Томъ V. стр. 117.

онъ Москву изъ пепла; обнесъ столицу каменными, а другіе города деревянными стѣнами; соорудилъ и возобновилъ нѣсколько городовъ; создалъ многія церкви и монастыри каменные, украсивъ оные изяществомъ зодчества, великолѣпіемъ утварей, блескомъ ризъ. Такимъ образомъ прозорливый Князь отверзалъ путь трудолюбію, рукодѣліямъ, промысламъ, художествамъ.

Непрерывныя брани, продолжавшіяся въ Государствованіе Димитрія, многочисленныя войска на враговъ ополчавшіяся, сооруженіе многихъ зданій всякаго рода, богатство храмовъ Божіихъ въ златѣ, сребрѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, несомнѣнно убѣждаютъ, что казнохранилища Великокняжескія обиловали знатнымъ сокровищемъ. Скорое возобновленіе городовъ и селеній послѣ пожаровъ и многократныхъ вторженій свирѣпыхъ враговъ, цѣлыя области мно-

венно возникающія изъ подъ пепла, служатъ неопровергаемымъ доказательствомъ, что Россіяне дышавшіе подъ кроткою державою Донскаго, сливавшаго пользы свои съ пользами народа, жили въ довольствѣ, не были обременены налогами, имѣли у себя вѣрныя пособія. Димитрій справедливо почиталъ богатство подданныхъ прямымъ богатствомъ Государства: Россіяне во многихъ случаяхъ показали, что въ нѣдрахъ благословеннаго ихъ отечества, не владѣльцы имѣній вносятъ повелѣнныя подати, но сердца излагаютъ предъ трономъ всѣ свои сокровища.

Торговля, истинный источникъ Государственнаго богатства, которая во всѣ времена крѣпко сопрягалася съ судьбою Государствъ, которая во дни наши, когда золото стало мѣриломъ могущества и величества державъ Европейскихъ, когда весь умъ народоправителей обращенъ къ изысканію

способовъ обогащенія; торговля, содѣлавшаяся во дни наши основаніемъ политики, и въ княженіе Димитрія была поощряема и покровительствуема. Внутренняя разпространялася и процвѣтала на всемъ пространствѣ отечества нашего. Внѣ предѣловъ Россіяне производили знатные торги, съ городами Ганзейскаго союза чрезъ Ливонію (*); съ Болгарами и Татарами въ Ханскихъ станахъ на Волгѣ, Дону и близъ Астрахани (**). Отпуская за границу многоразличныя произведенія своей земли, умѣренные предки наши мало получали товаровъ роскошь питающихъ, но большею частію пріобрѣтали въ замѣнъ золото, серебро и драгоцѣнныя каменья.

Земледѣліе, главная пружина и пи-

(*) *Миллерд Опытд нов. Ист. о Россіи*, на нашемъ языкѣ въ Акад. сочин. 1761 г стр. 224.

(**) Исторія Росс. торговли, стр 29.

тательница всѣхъ Государствъ, а въ Россіи служащее первымъ основаніемъ, источникомъ и опорою торговлѣ; промышленность, присвояющая себѣ произведенія земленашества и тѣмъ усугубляющая силу онаго, при Димитріи находились въ цвѣтущемъ положеніи: послику во все царствованіе его, исключая несчастнаго случая моровой язвы, остановившаго трудолюбивую руку поселянина, благополучные обитатели Россіи никогда не встрѣчали недостатка въ пропитаніи.

Благоучрежденное хозяйство основываетъ благосостояніе царствъ. Любовь къ подданнымъ, содѣлывающая въ Государяхъ всѣ добродѣтели, внушила Димитрію любовь къ хозяйству, которое тщательно старался онъ водворить въ Государственномъ правленіи. Установивъ порядокъ во Дворѣ своемъ, убѣгалъ раззорительной роскоши, разтлѣвающей нрав-

ственность человѣка, нерѣдко повергающей народъ въ нищету. Во всѣхъ случаяхъ подавалъ собою образецъ умѣренности и бережливости, необходимыхъ для счастія Государствъ. Предки наши, послѣдуя достохвальному примѣру повелителя своего, удалялись роскоши и великолѣпія, ограничивали себя соразмѣрнымъ иждивеніемъ, довольствовались тѣмъ, чѣмъ щедрая природа наградила ихъ въ нѣдрахъ благословенной Россіи. Подъ кровомъ побѣдоноснаго героя, цѣлая Россія возвратила утраченное ею могущество, а каждый гражданинъ наслаждался примѣрнымъ благоденствіемъ.

Гостепріимство издревле досталось въ удѣлъ Россіянамъ. Дворъ Димитрія, всѣми земными благами преизобилующій, былъ надежнымъ пристанищемъ для многихъ знаменитыхъ Князей чуждыхъ странъ: осыпанные щедрыми благодѣяніями Великаго Князя, въ нѣдрахъ владѣній его раздѣляли

они съ Россіянами счастіе, и неодно-кратно умомъ и мечемъ своимъ по-казали и дарованія свои отличныя и искреннюю благодарность. Россія во всѣ времена охотно усыновляла по-лезныхъ иноземцевъ.

Міръ физическій слѣпо повинуется свыше учрежденнымъ законамъ есте-ства; человѣкъ, на всей поверхности Земнаго Шара, одинъ токмо надѣленъ важнымъ даромъ: ему предоставлено разпространять, украшать природ-ныя доброты, чувства, мысли свои. Просвѣщеніе и наука ведутъ человѣ-ка къ таковому усовершенствованію; Цари властію своею отверзаютъ пу-ти къ оному. И къ славѣ дней Ди-митріевыхъ замѣтимъ, что любовь къ наукамъ является въ оныхъ среди мрака невѣжества, въ которое по-гружено было отечество наше не-престанными вторженіями варваровъ Татаръ, и когда по продолжитель-номъ усыпленіи всей Европы, послѣ

нашествія Сѣверныхъ народовъ, созерцаніе древности едва начинало оживлять человѣческій умъ. Путешествія сановитыхъ нашихъ духовныхъ особъ въ Царьградъ, прибытія въ Москву изъ Палестины отличныхъ Греческихъ духовныхъ, подавали поводъ къ частымъ сношеніямъ съ Греціею, страною нѣкогда превосходною во всѣхъ искуствахъ, наукахъ, и необыкновеннымъ сіяніемъ оружія своего помрачившею прочіе народы: отъ потомковъ сихъ Грековъ приносили къ намъ сѣмена просвѣщенія и образованія. При Донскомъ Руский языкъ принимаетъ на себя отличный отъ прежняго видъ (*). Лѣтописцы наши упоминаютъ о переводѣ на отечественный языкъ похвальнаго слова Богу,

---

(*). *Востоковъ*, разсужденіе о Славянскомъ языкѣ.

Св. Георгія Писида (*). Житіе и дѣла Митрополита Алексія, Игумена Троицкой обители Сергія, Стефана Пермскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, Димитрія Прилуцкаго, убѣждаютъ, что Святители сіи съ благочестіемъ сана своего соединяли истинное просвѣщеніе. Лѣтописцы, повѣствуя о скончавшемся въ 1384 году и погребенномъ въ Печерскомъ монастырѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ черноризцѣ Павлѣ, съ отличною похвалою превозносятъ житіе, кротость, слово солію Божественнаго ученія растворенное, всѣмъ полезныя и спасительныя наставленія сего ученаго любомудра (**). Митрополитъ Кипріанъ и

(*) *Древ. Лѣт.* Часть II, стр. 98. — *Татищевъ* Ист. Росс. Книга IV, стр. 313. — *Никонъ Рус. Лѣт.* Часть IV, стр. 146.

(**) *Древній Лѣтописецъ* Часть II, стр. 91. — *Татищевъ* Ист. Рос. Кн. IV, стр. 307. — *Платонъ* Церк. Росс. Ист. Ч. I. стр. 217. — *Никонъ* Руская Лѣт. Ч IV, стр 141.

духовникъ Государевъ Михаилъ также извѣстны ученостію своею. Вездѣ и во всѣ времена Цари служатъ образцемъ для подражанія подданнымъ: ученость, украшавшая духовныхъ особъ по сану своему ближайшихъ къ Престолу, доказываетъ, что науки были любезны Великому Князю Димитрію. Не достигли до насъ памятники просвѣщенія сего времени: варвары Татары, сокрушивъ въ 1383 году Москву, въ неистовствѣ своемъ, собравъ всѣ обрѣтенныя ими книги и рукописи, предали ихъ огню (*).

Собственные Россійскіе художники украшали рѣзьбою, позолотою, живописью, иконостасы въ церквахъ, выливали изъ мѣди огромные колокола. Даже повѣствуютъ о сдѣланномъ однимъ нашимъ художникомъ удивительной работы престолѣ изъ сло-

---

(*) *Щербатовъ* Ист. Рос. Томъ IV, стр. 189. — *Карамзинъ* Ист. Госуд. Росс. Томъ V, стр. 83.

новой кости, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями, и о вырѣзаніи печатей (*). Все сіе показываетъ уже познаніе художествъ, наукъ и нѣкоторую степень просвѣщенія.

Добрые нравы ограждаютъ цѣлость Государствъ, умножаютъ блескъ и сіяніе оныхъ, содѣлываютъ честь и славу народовъ. Димитрій, поставленный Провидѣніемъ на степень величества, сопутствуемый успѣхами и торжествомъ, никогда не ослѣплялся суетнымъ блескомъ, никогда не уклонялся отъ прекрасныхъ путей добродѣтели, никогда во дни величайшаго счастія, не заразилъ чувствъ своихъ гордостію, оскорбляющею человѣчество. Напитавъ душу истинною добродѣтелію, воспламеняющею великія сердца, постоянно побуждающею ихъ къ содѣланію добра, Димитрій съ отеческою забот-

(*) *Исторія Росс. торговли* стр. 27—28.

ливостію простиралъ попечительное вниманіе на нравы Россіянъ. Благонравіе и добродѣтели, украшавшія сего изящнаго Государя, властвовавшаго надъ умами, переливались въ души подданныхъ: лѣтописцы описываютъ намъ гражданъ Московскаго владѣнія смиренными, кроткими.

Вѣра, сопрягающая человѣка со Всевышнимъ Существомъ, по благости коего онъ имѣетъ все; Вѣра Христіанская, сущность которой составляютъ истинное величіе, возвышенность духа, человѣколюбіе, постоянство, твердость. Вѣра, покоряющая непреоборимымъ своимъ уставамъ тѣхъ, которые судьбою вознесены на ту степень, на коей законъ волею, а воля закономъ ихъ быть можетъ; Вѣра дающая властелина неимѣющимъ онаго; поставляющая страхъ у Царскихъ престоловъ; Святая Вѣра нагрѣвала, укрѣпляла и питала душу Димитрія: она была по-

средницею между имъ и народомъ; она поселила въ сердцѣ его кротость, милосердіе, правосудіе, твердость, коими сіяло все царствованіе его. Напоенный Вѣрою, добродѣтельный Димитрій спѣшилъ отереть слезу несчастнаго, утолить гладъ бѣднаго, спасти притѣсненнаго; облегчить вздохъ страждущаго. Помышлявшій о правосудіи Предвѣчнаго, долженствовалъ самъ быть правосуденъ; помышлявшій о Всеблагомъ, долженствовалъ быть благъ. — Священная и возвышенная любовь къ Творцу громадъ вселенной, обитай въ душахъ всѣхъ Царей, и, для блага человѣчества, храни въ сердцахъ ихъ сѣмена благочестія!

Государь, сіявшій доблестями на престолѣ, добродѣтеленъ былъ и въ нѣдрахъ семейства своего. Двадесять три года нѣжнѣйшая любовь соединяла порфироносныхъ супруговъ; двадесять три года Димитрій и Евдокія

являли свѣту образецъ дружбы, постоянства и вѣрности супружеской. Послѣ великихъ упражненій царскихъ, посвятивъ многіе часы каждаго дня на устроеніе благоденствія подданныхъ, Димитрій обрѣталъ успокоеніе и отраду частнаго человѣка въ чертогахъ Великой Княгини: тамъ въ мирной тишинѣ, счастливые супруги вкушали истинное блаженство, первое и прекраснѣйшее изъ предоставленныхъ въ удѣлъ человѣчеству: они наслаждались всѣми прелестями семейственной жизни, прелестями сотворенными для благорожденныхъ душъ. Одинъ ввѣрялъ свои заботы, тягости, помышленія; другая вспомоществовала совѣтами, успокоивала ласками, услаждала любовію. Сердца ихъ были неразлучны въ веселыхъ и печальныхъ, въ счастливыхъ и бѣдственныхъ случаяхъ. Оба съ возхищеніемъ взирали на дѣтей своихъ, съ горячностію родительскою занима-

лись воспитанiемъ ихъ, наставляли младые умы, руководствовали душами ихъ. Вѣдая, что небрежное воспитанiе царскихъ дѣтей наноситъ самое величайшее бѣдствiе народамъ; вѣдая, что Государи отвѣтствуютъ предъ потомствомъ за все зло, которое произведутъ дѣти ихъ и за все добро, которое упустятъ они содѣлать, Димитрiй и Евдокiя прилагали неусыпное попеченiе разкрыть въ сердцахъ дѣтей своихъ чувствительность, источникъ всѣхъ добродѣтелей; вселяли въ нихъ кротость, честность, сострадание, правосудiе, человѣколюбiе. Зная, что счастiе породы поставило юныхъ Князей на высокую степень, что знаменитость сана предвѣщаетъ имъ величество, желали, дабы добродѣтелями снискали они любовь подданныхъ, уваженiе свѣта.

Добродѣтель на тронѣ всегда созываетъ къ оному мужей добродѣ-

тельныхъ. Великіе Святители Алексій и Сергій, герой Владиміръ, славные Князья Андрей и Димитрій Литовскіе, знаменитые: Вельяминовъ, Волынскій, Брянскій и многіе другіе окружали Димитріевъ престолъ. Одни были мудрыми наставниками; другіе служили мечемъ, служили мужествомъ и дарованіями своими; иные полезны были благостію совѣтовъ; всѣ были друзья не Государю великому, но человѣку носившему въ груди своей сердце нѣжное, благородное. Во внутренности чертоговъ Великаго Князя обрѣтали любезную простоту, веселую свободу, пріятную снисходительность и ту очаровательную прелесть, которая удобно покоряетъ сердца: тутъ сложивъ съ себя величество сана, величество преславныхъ дѣлъ, величество ума, являлся благосклоннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ. Единожды удостоивъ кого дружествомъ своимъ, Ди-

митрій сопровождалъ оное полною довѣренностію, вселяющею въ души благодарность.

Тому, кто съ толикою мудростію и пользою для Государства употреблялъ сокровища свои, предоставлено было судьбою замѣнить древнія Куны веществомъ прочнѣйшимъ, болѣе удобнѣйшимъ для торговли и для употребленія въ обществѣ. Впервые въ Россіи при Димитріи IV начали бить серебренныя деньги и мѣдныя пулы.

Слава возжелала, дабы Герой превознесшій Россійское оружіе по правиламъ древней военной системы, первый въ нашемъ отечествѣ пріялъ въ побѣдоносную свою десницу то страшное орудіе, которое извергая громъ и пламя, мещетъ смерть на дальнее разстояніе. Огнестрѣльное оружіе, или приложеніе огня и воздуха къ боямъ, давшее основаніе новой военной системѣ, въ коей пала

сила тѣлесная, изчезъ привлекательный блескъ рыцарей и возсіяло превосходство ума человѣческаго, управляющаго сотнями тысячь людей, движущаго въ стройномъ чинѣ огромными ополченіями; въ коей войны, державъ себя въ удаленіи, бросаютъ смерть въ непріятеля, упреждаютъ и хитро избѣгаютъ ударовъ ея; въ коей огонь, содѣлавшись страшною и единственною силою, уровнялъ храбрость духа съ малодушіемъ; сіе грозное оружіе учинилось извѣстнымъ въ Россіи во дни Донскаго (*).

Граждане! Всѣ помышленія Донскаго заняты были благомъ ввѣреннаго Богомъ ему народа; всѣ помышленія его благословилъ Верховный Царь Царей. Мощно извлекая Россіянъ изъ разтлѣнія, въ кое Могольское иго по-

---

(*) *Хилковъ* Ядро Росс. Ист. стр. 156. *Карамзинъ* Исторія Госуд. Росс. Томъ V, стр. 119.

грузило ихъ, Димитрій пламенемъ души своей возпалилъ унывшія сердца; добродѣтелями привелъ въ восторгъ. Всѣхъ возбудивъ, производилъ дѣла великія; умомъ устроялъ счастіе Государства; мечемъ побѣждалъ, торжествовалъ. Возстановивъ величіе народное, во все теченіе знаменитаго житія своего дѣйствовалъ единственно для утвержденія свободы отечества, существовалъ для славы онаго. Протекши съ Димитріемъ многотрудное поприще громкаго царствованія его, приступимъ, почтенные соотечественники, къ горестному часу разлученія Россіянъ съ симъ превосходнымъ Государемъ.

Димитрій Іоанновичь IV, двадесять семь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ державъ съ пользою и славою скипетръ Московскаго Государства, Маія въ 10 день 1389 года, опасно занемогъ. Граждане Россійской столицы, благоговѣвшіе къ сему добродѣтельному Госу-

дарю, ужаснулись, пролили горькія слезы, спѣшили въ храмы Божіи принести теплыя молитвы, и къ неизреченному порадованію услышали, что Государь, отецъ ихъ, получилъ нѣкоторое облегченіе въ тяжкой болѣзни. Но радости въ семъ мірѣ скоро проходятъ; не продолжительна была и Московскихъ обитателей: слезы и молитвы ихъ не спасаютъ Димитрія: вновь ощущаетъ онъ сильное стѣсненіе въ груди и воспаленіе внутренней. Тогда едва совершилось Великому Князю сорокъ лѣтъ отъ рожденія; но непрерывные походы, брани жесточайшія, преодолѣніе лютѣйшихъ внутреннихъ крамолъ, преждевременно изнурили крѣпость тѣлесныхъ его силъ. Труды сіи подъятые для спасенія отечества, похитили у Государя жизнь, а у Россіи благоденствіе. Презиравшій опасностями въ бояхъ съ твердостію встрѣтилъ смерть. Почувствовавъ при-

ближеніе кончины своея, Димитрій призвалъ Великую Княгиню, дѣтей своихъ и знаменитѣйшихъ бояръ, повелѣлъ писать духовное завѣщаніе. Старшаго сына Василія Димитріевича назначилъ преемникомъ престола, Великой Княгинѣ опредѣлилъ богатыя помѣстья, а младшимъ сынамъ удѣлы; приложивъ руку къ духовной, утвердилъ печатью.

Умирающій Димитрій видитъ на всѣхъ лицахъ его окружающихъ унылую скорбь; единъ сохраняя въ великой душѣ своей неподражаемое спокойствіе, собравъ послѣднія силы, въ изліяніи сердца съ умиленіемъ произноситъ: »Дражайшая супруга моя! »Отходя отъ сего суетнаго и кратковременнаго житія, благодарю тебя за нѣжную дружбу и любовь, коими веселила меня во всю жизнь; »прошу простить мнѣ вины мои. Поручаю тебѣ дѣтей нашихъ: блюди »ихъ и укрѣпляй въ добродѣтели. Вы

»же, сыны любезные! почитайте ро-
»дительницу и содержите между со-
»бою миръ и любовь; помните, что
»клятва родителей разрушаетъ бла-
»годенствіе дѣтей, вздохъ матери
»искореняетъ оное до основанія. Хра-
»ните въ сердцахъ вашихъ страхъ
»Божій: тогда счастіе будетъ сопут-
»ствовать вамъ, вы и подданные ва-
»ши насладитесь всѣми благами, вла-
»дѣнія ваши процвѣтутъ, расширят-
»ся, враги падутъ и сокроются отъ
»лица вашего. Любите подданныхъ,
»будьте благопривѣтливы ко всѣмъ,
»воздавайте каждому честь и награ-
»ду по заслугамъ, убѣгайте льсте-
»цовъ, презирайте и гоните одних
»коварныхъ, уважайте добродѣтель-
»ныхъ бояръ, и не предпринимайте
»ничего безъ совѣта ихъ; во всѣхъ
»дѣлахъ поступайте съ разсужденi-
»емъ и испрашивайте всегда настав-
»леніе у матери! — Приближтесь
»ко мнѣ, бояре знаменитые! Вамъ
»извѣстно и поведеніе и нравы мои:

»въ глазахъ вашихъ я родился и взросъ, »съ вами царствовалъ, съ вами на »многія страны ополчался, вами »былъ страшенъ во браняхъ, и съ »помощію Божіею низложилъ, поко- »рилъ враговъ; съ вами оградилъ на- »слѣдіе предковъ моихъ, укрѣпилъ и »водворилъ въономъ миръ и тиши- »ну. Вѣдаете, коликую любовь всегда »сохранялъ къ вамъ, награждалъ всѣхъ »и воздавалъ каждому принадлежащую »честь, ввѣрялъ вамъ власть и го- »рода; разпространяя любовь мою и »на дѣтей вашихъ, никому изъ васъ »не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла, ни »обиды, ни досады. Никто изъ васъ не »употребилъ во зло довѣренности »моей, никто не помышлялъ обма- »нуть; всѣ любили Государя своего, »всѣ споспѣшествовали ему содѣлать »народъ счастливымъ. Радости и пе- »чали у насъ были общія. Нынѣ, когда »разлучаюсь съ вами, друзья мои! »Служите вѣрно Великой Княгинѣ и »дѣтямъ моимъ; во время радости

»повеселитесь съ ними, а въ день »скорби не оставьте ихъ.«

Отдавая державу преемнику своему, произнесъ Димитрій: »Сынъ мой! »Провидѣніе ввѣряетъ тебѣ судьбу »многихъ милліоновъ людей: запечатлѣй въ душѣ волю Всеблагаго, будь »благъ. Вручая тебѣ державу предковъ »нашихъ, желаю, дабы ты счастливо »управлялъ ею. Вступая на высокую »степень въ мірѣ, будь справедливъ, »будь на тронѣ человѣкъ, и старайся »всѣхъ превысить добродѣтелями. Я »оставляю тебѣ прекрасное владѣніе, »народъ храбрый, рачительный, вѣр»ный, пламенный любовію къ Госу»дарямъ: люби сей народъ, постав»ляй себѣ въ славу содѣлать его сча»стливымъ; любимый Царемъ, онъ »все снесетъ, произведетъ чудеса. »Уважай воинство: оно составляетъ »подпору Государства и тишины его »ограду; уважай ратное искуство; ста»райся содѣлаться знатокомъ въ о»номъ, дабы могъ всегда противо-

»стать злобѣ; но не предавай себя
»пагубной страсти къ завоеваніямъ:
»доколѣ хотя одинъ несчастный су-
»ществуетъ во владѣніяхъ твоихъ,
»несравненно похвальнѣе подать ему
»помощь, облегчить тяготу народ-
»ную, чѣмъ силою оружія покорять
»чуждые предѣлы. Государь твой со
»славою носилъ мечъ въ бояхъ: отецъ
»твой, при дверяхъ гроба, сознается
»въ суетности сей славы. Всю ду-
»шу свою нагрѣй единственно любо-
»вію къ подданнымъ: благоденствіе
»народовъ, вотъ первая обязанность
»Царей! Погрѣшности мною учинен-
»ныя, испытанныя бѣдствія, да огра-
»дятъ тебя отъ подобныхъ.«

Въ то мгновеніе, когда изчезающій Царскій престолъ представляетъ взору разверзающуюся могилу; когда ласкательство безмолвствуетъ, совѣсть и истина являютъ Государямъ въ чистомъ зерцалѣ всѣ дѣянія ихъ, бренность величества человѣческаго; когда увядаютъ чувства,

привязывавшія душу къ сему міру; когда всѣ пружины тѣла нашего сокрушаются; когда предстоитъ непроницаемая будущность; когда сердце наше разлучается съ любезными, содѣлавшими жизнь нашу прелестною, раздѣлявшими съ нами и радости и печали: сколь трудно въ сіе ужасное мгновеніе сохранить постоянное спокойствіе! Вѣра, благодѣтельная Христіанская вѣра! ты укрѣпляешь бѣднаго смертнаго и при вратахъ смерти. Спокойствіе великія души Димитрія въ сей лютый часъ, было спокойствіе души мудраго праведника.

Обнявъ въ послѣдній разъ Великую Княгиню, дѣтей и бояръ, Димитрій томнымъ и прерывающимся гласомъ сказалъ: »Богъ мира да будетъ со всѣми вами!« Кончина сего Великаго Государя воспослѣдовала въ 19 день Маія 1389 года. Пораженные бояре падаютъ на колѣна, въ мрачномъ безмолвіи подъемлютъ руки къ

небу, и слезы свои присоединяютъ къ рыданію осиротѣвшей Великой Княгини и Князей. Пространные Царскіе чертоги орошаются слезами, царедворцы и служители въ лютой скорби тѣснятся вокругъ смертнаго одра, не вѣрятъ своему несчастію и молятъ Бога о возвращеніи имъ отца премилосердаго. Печаль скоро распространяется по всей Москвѣ и наполняетъ дома, стогны и площади уныніемъ и воплемъ. Опускаютъ побѣдоносныя мышцы степящіе воины, въ отчаяніи низпровергаютъ знамена, свидѣтелей торжества героя ихъ оставившаго. Возстенала вся Россія узнавъ, что не стало въ мірѣ благодѣтеля ея: на вѣкъ умолкли благопривѣтливые уста, едину милость вѣщавшіе; погасъ быстрый взоръ, сіявшій пламенемъ выспренняго ума; увялъ во цвѣтѣ лѣтъ Государь, помышлявшій единственно о обновленіи и возвеличеніи отечества; переселилася въ горняя душа, преиз-

полненная благости, щедроты, сострадания и любви къ человѣчеству; разлучился съ подданными нѣжный отецъ; оставилъ воинство герой, превознесшій блескъ оружія его, сіявшій въ бояхъ мужествомъ, гремѣвшій побѣдами; оставилъ Россію Царь Великій, облекшій ее славою, водворившій въ нѣдрахъ оной тишину и спокойствіе; оставилъ людей, другъ человѣчества; оставилъ міръ, примиритель народовъ.

Димитрій! Герой на поляхъ брани, на тронѣ Государь великій, мужъ въ жизни добродѣтельный! Слава твоя неувядаема въ семъ мірѣ: она наполнила отечество, сіяла у сосѣдей, распространилася по свѣту. Признательная Россія удивляется твоимъ изящнымъ доблестямъ, чтитъ подвиги знаменитые, восхваляетъ громкія побѣды. Россія, тобою любимая, отъ бѣдъ спасенная и огражденная, превознесенная изящнѣйшими Преемниками твоими на удивительную сте-

пень величества, геройствомъ ихъ распространившая громъ оружія своего по всей Европѣ, неумолкно будетъ вѣщать о славѣ твоей, будетъ предавать ее отъ поколѣнія въ поколѣніе; и позднѣйшіе потомки счастливыхъ подданныхъ твоихъ станутъ произносить имя Донскаго съ сердечнымъ умиленіемъ и благодарностію. Дѣянія твои, Великій Димитрій, послужатъ образцемъ и въ наставленіе тѣмъ, отъ управленія коихъ зависитъ судьба человѣчества: Цари всѣхъ странъ, желающіе блага подвластнымъ имъ народамъ, да ревнуютъ подражать твоимъ добродѣтелямъ!

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
7	4	Утверденіе	Утвержденіе
8	3	Михаилъ	Михаилъ,
—	11	принимали	поднимали
13	20	Русскаго,	Рускаго,
22	6	косой	косою
25	24	нѣжной	вѣрной
36	21	Тюшскамъ,	Ташекашъ,
37	16	принимавшія	принимающія
41	1	разорялъ,	раззорялъ,
46	7	сокрушилъ	сокрушивъ
54	5	лакомый подар-камъ	лакомый къ подар-камъ
89	18	Русскихъ,	Рускихъ,
115	13	чиноповинове-нія	чиноповиновенія,
116	3	міръ	миръ
123	17	Воронежа.	Воронежи.
147	11	дышатъ:	дышатъ
154	11	Воронежа.	Воронежи.
167	25	желаніе	ожиданіе
171	14	Квискій,	Кемскій,
172	20	Мелина,	Мелика,
173	9	Михаилъ Аки-неовъ	Михаилъ Акинфовъ,
178	22	по полудни.	до полудня.
179	9	міра,	мира

стр.	строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
—	10	сильными	сильными вашими
188	2	сильныя	сильныя.
194	4	лежащихъ	летящихъ
101	1	неравносильной	неравносильной,
211	4	палимый	згараемый
218	12	Моголы	тутъ Моголы
219	2	оставясь	остановясь
224	13	Филомелы!	филомелы?
—	21	стихи	всѣ стихи
225	10	Боярѣ.	Бояре.
236	11	Донскій! и Государь нашъ,	Донскій! Государь нашъ,
238	19	Укы,	Упы,
240	10	огромной побѣды,	о громкой побѣдѣ,
242	7	и послѣдній	о послѣдній,
245	26	торжественный	раздался торжественный
282	15	содроганіемъ,	содраганіемъ
—	22	обѣ	себѣ
285	5	Государю,	Государю
298	7	внушаютъ	вкушаютъ
303	20	далѣе	долѣе
320	11	поселянина	поселянина,
321	1	нѣредко	нерѣдко
341	6	содѣлавшими	содѣлывавшими

